

ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА
«ИМПЕРИЯ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР»

ОТ ЗВЕЗДНОГО ДУЭТА

р. ЗЛОТНИКОВА И В. ОРЕХОВА

«В книге очень здорово описан галактический миропорядок, отлично переданы эмоции главных героев, юмор на высоте. И, конечно, экшн-составляющая просто обалденная.

/Отзыв о книге "Империя наносит ответный удар" с сайта
www.fantlab.ru/

РУССКИЙ КОСМОДЕСАНТ В ТЫЛУ ВРАГА

ФАНТАСТИКА

ЕСЛИ

№ 7 (209)

ISSN 1680-645X

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2

Зак. 1344

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

179 Алексей ЗАРУБИН

МАЯК НА САРИССЕ

Люди расселятся среди звезд и о многом забудут. Но бремя страстей человеческих сохранит их натуру неизменной.

3 Том ПАРДОМ

УПРАВЛЯЕМЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Вор должен сидеть... дома. За преступником присмотрит бдительный чип.

43 Валерий ГВОЗДЕЙ

ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В фирме обнаружили утечку информации. Секретарша директора - вне подозрений.

63 Майкл КАССУТ

ПОСЛЕДНИЙ АПОСТОЛ

...бога «Аполло» припадает к собственным следам, оставленным на пыльных тропинках Луны 40 лет назад.

87 Игорь ПРОНИН

КОСМОС ЕСТЬ КОСМОС

Здесь всякое может случиться. Но чтобы метеорит, пройдя сквозь обшивку корабля, убил пилота, не припомнят даже ветераны...

135 Аркадий ШУШПАНОВ

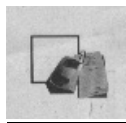
УДАР МОЛОТОБОЙЦА

Думал ли классик, что его образы будут так буквально поняты, да еще и освоены на практике?

147 Джон Дж.ХЕМРИ

ЖАННА

Наука способна шагнуть через века, дабы спасти Орлеанскую деву из гибельного огня, но каков будет ее выбор?

119 Аркадий ШУШПАНОВ

НА ИГРЕ КАК НА ИГРЕ

Импорт голливудских шаблонов все масштабнее и масштабнее. Как произрастают эти зерна на российском киноземе?

125 Анна КОМАРИНЕЦ

СИНДРОМ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СТАРОСТИ

Вроде бы старинная и поднадоевшая история. Но чем же она так манит все поколения кинематографистов? Ведь не медом намазана - всего лишь краской.

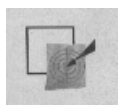
132 Тимофей ОЗЕРОВ

НАСТУПЛЕНИЕ ТРЕХМЕРНОСТИ

...по всем жанровым фронтам ожидает кинозрителей в ближайшее время. А потом и телезрители подтянутся.

121 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Все сложнее выбирать из кинопотока «типичных представителей» для рецензирования. Ну а самородки и вовсе наперечет. Но если уж заскучаете без зрелищ, то вот вам фильмы на выбор.

241 Сергей ШИКАРЕВ

ПЕРСПЕКТИВА РЕТРОСПЕКТИВЫ

Уголь для звездолетов, дизайнерские стартеры для паровых компьютеров и никакого киберпространства. Наверное, мир мог быть и таким... Что ж, паропанк имеет своих сторонников и среди писателей, и среди читателей.

250 РЕЦЕНЗИИ

И научная фантастика, и фэнтези, и классики, и современники. В общем, книги на любой вкус.

264 КУРСОР

Московские театры все чаще обращаются к современной НФ-прозе...
В Санкт-Петербурге состоялся очередной «Интерпресскон»...
Объявлены лауреаты премии «Небьюла».

256 «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Молодые рвутся в бой - и этому нет альтернативы.

268 ПЕРСОНАЛИИ

Порой биографии писателей не менее интересны, чем их творчество.
А иной раз читатель, ознакомившись с информацией об авторе,
удовлетворенно вздохнет: он такой же, как я.

ТОМ ПАРДОМ

УПРАВЛЯЕМЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

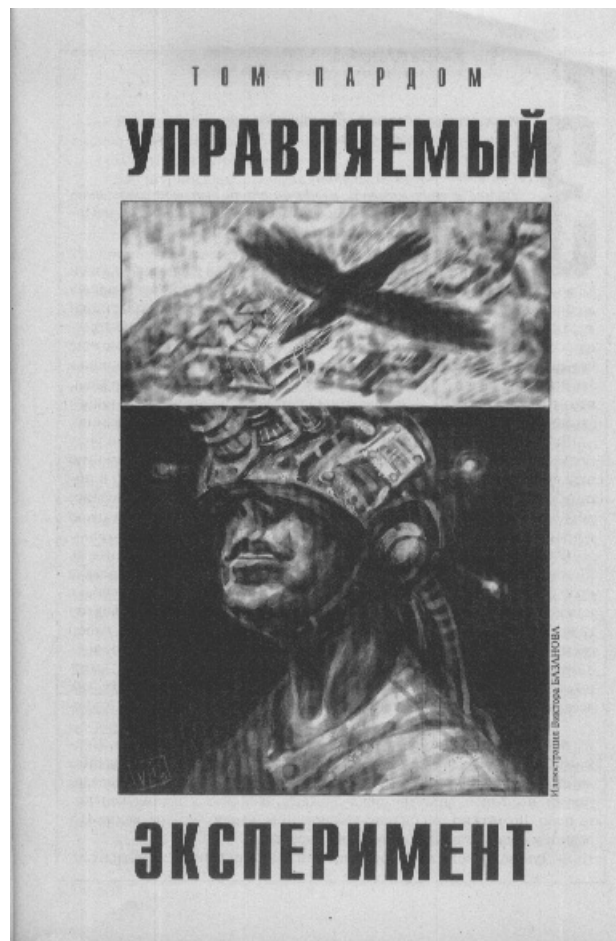

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Запуск прошел идеально. Просто идеально.

Я сбросил скорость до пяти миль в час. Открыл окно.

И на волю вылетела птичка.

Именно в тот момент, когда на экран выплыло сообщение, что мы пересекаем исходную точку пуска. Машина замедлила ход не более чем на двадцать секунд.

Флоппипет Бада Уэлдона взбесился, пока владелец ужинал. Сначала он сделал два броска наугад по столовой и при этом вошел в соприкосновение с полками, на которых Бад расставил коллекцию керамики. Большой глиняный слон, которого Бад сотворил на тридцать второй год пребывания в тюрьме, бухнулся на пол, вместе с еще четырьмя вещицами. Бад вскочил, вопя во весь голос, раздавая приказы, надо признать - несколько несвязные, но позже он утверждал, что это были приказы, - и преданный источник неистощимой привязанности ринулся на него. Сначала вцепился в ноги. Потом - в лицо.

Встроенный в Бада имплант усмирения сработал через секунду после того, как раздался его дикий визг, и, похоже, одновременно включились выработанные в тюрьме рефлексы. Он схватил стул и попятился к

выходу. Выскочил из дома. Вызвал полицию. Но поздно: дом уже был разгромлен. А флоппипет получил полицейскую пулю в процессор.

Флоппипеты были машинами, но люди таковыми их не считали. Между Бадом и его флоппипетом, как и предполагалось, существовала крепчайшая связь. Флоппипет реагировал на него, как ни одна собака или кошка. Относился к нему, как ни одна собака или кошка. И Бад отвечал тем же. Можно сознавать, что флоппипет - всего лишь набор схем и запрограммированных реакций... точно так же, как можно заподозрить, что животное всего лишь отвечает вам набором реакций, которые со стороны выглядят как привязанность. Но вы поступаете так, как всегда поступают люди. То есть отдаетесь во власть эмоций.

Вэн Леванти понимал чувства Бада. В отличие от сержанта. Сержант был мускулистым молодым парнем лет сорока и почти наверняка неженатым. Вэн был уверен, что единственными уютными созданиями, в которых заинтересован сержант, являлись создания женского пола. Возможно, он сильно удивился бы, узнав, что кое-какие ИХ реакции вовсе не означали того, чем казались.

- Думаю, парень вроде него должен быть покруче, - заметил коп.

- В тюрьме нет места привязанностям, - напомнил Вэн. - Ему сильно не хватало любви.

- Шестьдесят шесть лет.

- Значит, посадили в двадцать четыре.

- Да, нелегко так долго обходиться без друзей.

Коп сидел в своей трехколесной тележке, расположившейся на газоне Бада. Большинство зевак сгрудилось на другой стороне улицы. По прикидкам Вэна, там собралось человек пятьдесят. С дюжину тех, кто похрабрее, пересекли мостовую и выстроились перед ограждением, охраняемым двумя роботами-полицейскими. Роботы загородили дорогу паре мальчишек, попытавшихся проскользнуть через ограждение, но продолжали говорить женскими голосами.

У Вэна имелся снимок окна в столовой Бада, наложенный на нижний правый угол его поля зрения. Жена Вэна в это же время выполняла свою половину работы в их доме и занималась информацией, записанной на охранной системе Бада. Она нашла то, что искала, просмотрев запись, сделанную за пять минут до того, как флоппипет спятил. Она решила прогнать запись повторно, и Вэн увидел, что птичка билась в окно, хлопая крыльями, как перегревшаяся машина.

- Вот оно, - решила Роза. - Подобный вирус должен быть занесен с близкого расстояния. Конечно, можно и с дальнего, если имеешь достаточно мощный передатчик, но при наличии органического носителя близкое расстояние более естественно. Передай сержанту, пусть поищет мертвую птицу. Я проверю название вида и энергетические потребности. Если предположить, что птица прилетела

в строящийся поселок извне, значит наверняка погибла бы, не одолев и полмили от места запуска. Я бы включила в зону поисков и дорогу.

Вэн не отключил связь, чтобы Роза слышала его разговор с сержантом. Он связался с женой, как только они услышали о проблеме Бада. Возможно, придется остаться на связи следующие несколько часов. Обычно они общались, только если хотели что-то сказать друг другу. Но подобные ситуации, очевидно, требовали отклонений от обычного уговора.

Вэн знал пары, которые вообще не отключали связь, но он и Роза уже через два часа после внедрения первых коммуникационных имплантов решили, что это неудачная идея. Он ни разу не встречал супругов, которые бы постоянно оставались на связи после семидесяти трех лет брака. И вряд ли встретит.

- Хотите, чтобы я тратил время и усилия на это? - покачал головой сержант.

Вэн не удивился реакции сержанта на выходки пакостников. А эти дегенераты только и рассчитывали на нечто подобное. Они могли месяцами доводить до безумия свою жертву, отлично сознавая, что никто в силовых структурах не обратит внимания на мольбы и жалобы. Подумаешь, очередная проделка. Ничего серьезного.

- Но это произошло с Бадом, - возразил он.

- И мы должны относиться к нему точно так же, как к другим. Что будем делать, даже если найдем птичку? Проверим на отпечатки пальцев?

- Для этого я кого-нибудь найму, - вмешалась Роза. - И бюджет выдержит.

Социальный работник службы помощи лицам, нуждающимся в моральной поддержке, прибыла, пока Вэн беседовал с сержантом. Бад сидел на стуле, вынесенном кем-то из дома, Вэн послал ей требование на связь, и социальный работник позволила ему слушать, пока сама она задавала Баду стандартные вопросы..

Тот по-прежнему не считал, что копы имели право убить его любимца, и заговаривал об этом каждый раз, когда отвечал на очередной вопрос. Социальный работник терпеливо слушала. Вэн отметил, что она не пыталась утешить Бада, напомнив, что от флориды осталась полная резервная копия. Роза пыталась применить такой метод много лет назад, когда умерла кошка их дочери. «Купишь другую», - рассудительно заметила Роза, и в ту же секунду Вэн осознал, что жена совершила ошибку. Грубую.

Бад утверждал, что все хорошо, и Вэн должен был признать, что он выглядит как обычно: большой, добродушный, неуклюжий на вид парень, с круглым открытым лицом, из тех, кто и пальцем никого не тронет, а уж чтобы убить копа... быть такого не может! Сам он утверждал, что всего лишь хочет выяснить, как это произошло.

- Я наняла сотрудника детективного агентства, - сообщила Роза. - Через три минуты он принесет трех птиц. Я велела ему отчитываться только перед тобой.

После запуска я пробыл в пути около трех часов, ни разу не останавливаясь. Смотрел новости. И даже заставил себя посмотреть фильм. Если кто-нибудь проверит черный ящик машины, единственной необычной вещью в нем будет эта малюсенькая штучка, снижающая скорость на несколько секунд.

Я не обращал внимания на реакцию, пока сидел в своей спальне. А потом листал окно за окном. К этому времени Эксперимент Бада обсуждался на пятидесяти различных сайтах. Моя маленькая эскапада была Темой Номер Один на каждом.

Социальный работник чувствовала, что Бад остается спокойным только благодаря импланту усмирения, но на самом деле кипит яростью.

- Я вызвала команду уборщиков, - сказала она. - Это стандартная практика. Ничего другого предприниматься не будет. Как только дом приведут в порядок, Бада впустят. Но пока подержим его здесь, чтобы он пришел в себя.

У Бада на этот счет имелось свое мнение. Каждый вечер после обеда он катался на велосипеде и не желал отказываться от своих привычек. Он считал, что физические упражнения улучшают самочувствие.

Они связались с психиатром, которого прикрепил к проекту совет тюрем штата, и тот поддержал социального работника.

- Пусть вас не вводит в заблуждение внешнее спокойствие Бада, - предупредил он. - И дело не только в импланте. Вы можете беседовать с ним много дней в обычной социальной среде, но по его лицу не понять, какие эмоции бушуют внутри.

Трепачи, как всегда, имели, что сказать. Во время беседы с сержантом Вэн добавил к дисплею шаблонный монитор, и программа постоянно выдавала статистику и выборочные цифры. По последнему подсчету Эксперимент Бада привлек внимание свыше трехсот комментаторов. Тридцать восемь процентов - «за», сорок один - яростные противники.

- Мы что, должны все впасть в депрессию, потому что бедняга Бадди потерял своего любимца ?

- Офицер Розкович погибла. Семилетний ребенок погиб. Вот и все. Говорить не о чем.

Большинство противников, как обычно, изливали ярость, вывешивая снимки Марка Аллена и Мэри Розкович - ребенка, которого убил Бад, откалывая свою маленькую шуточку, и офицера полиции, которого

ударил кухонным ножом, когда его пришли забирать. Ну разве противники могли устоять перед шансом посмаковать момент справедливости возмездия? Разве милый старый Бад не был пакостником?!

- Обязаны ли мы напомнить фанатам всепрощения, что его представление о забавах вылилось в нечто более омерзительное, чем провинность машины, разбившей несколько тарелок? Ос, которых сотворил Бадди в своей маленькой биохакерской лаборатории, трудно назвать хэллоуинскими проказами.

На подобные сентенции сторонники отвечали в присущем им ключе. Осы Бада, предположительно, должны были зажалить до смерти пса. Бад не знал, что владелица пса, обругавшая его на велосипедной дорожке у реки, имела ребенка, гостившего у нее каждые две недели. Не знал он и того, что ребенок любил спать в патио. Даже в октябре. Создавая ос, летевших на запах псины, он не знал, что Марк погладит собаку. Непредвиденная случайность, непредумышленное убийство и так далее, и тому подобное.

За свою жизнь Вэн повидал миллионы метаморфоз, но одно неизменно оставалось постоянным: люди обладали бесконечной способностью снова и снова повторять одни и те же аргументы.

- Нельзя сотни лет держать людей в тюрьме за непредумышленное убийство.

- Он убил полицейского.

- Всякий может потерять контроль над собой в подобной ситуации.

- Он слизняк, обозлившийся на женщину, которая его обхамила.

- Он провел шестьдесят шесть лет в тюрьме. И сколько еще мы будем его там держать ?!

- Хоть тысячу лет.

- Пусть сдохнет.

Вэн заметил велосипедиста в красной куртке через шестнадцать минут после того, как они с Розой последовали за Бадом по велосипедной дорожке. Вэн и Роза держались в двадцати пяти ярдах от Бада. Сам Вэн ни за что не выбрал бы для слежки куртку такого цвета, но парень упорно следовал за Бадом.

Роза, нажимая педали, одновременно мониторила детектива. Тот выпустил своих птичек уже через три минуты после прибытия на место преступления. Он и Вэн удалились в уголок заднего двора Бада, отгороженный живой изгородью, где детектив нарисовал маршрут, при котором птички перелетят через дворы и заборы, оказавшись в результате у окна столовой Бада. Но для того чтобы определить это, копам понадобится ордер на обыск. А вот частный детектив сделает это без всякого ордера.

Дорожка входила в общую систему велосипедных трасс, пронизавших весь строящийся поселок. Через год его заселят три тысячи людей «с доходом выше среднего», которые будут жить здесь в надежно поддерживаемой изоляции и восьмидесяти двух милях от ближайшего городского центра. Северной границей послужит государственный парк, южной - единственное шоссе. Те, кто обитал здесь сейчас, наслаждались роскошью того уровня, который больше никогда не будет им доступен.

Вэн до сих пор не мог поверить, что несколько миллионов взрослых людей зарабатывают на жизнь, играя роль подопытных кроликов в различных социологических моделях. Роза утверждала, что такое вполне естественно, но при одной мысли об этом Вэн только головой качал. Первую докторскую степень Роза получила именно в экономике и поэтому легко оперировала цифрами. Только пять процентов населения были заняты в сельском хозяйстве и на производстве - областях, где можно видеть и реально ощутить результаты своего труда. И все. Остальные работали в других отраслях, и большинство занималось тем, о чем раньше никто и помыслить не мог. Так продолжалось с тех пор, как в Англии восемнадцатого века индустриальная революция ударила по текстильной промышленности. По крайней мере, Роза повторяла это не менее раза в год на всем протяжении их супружеской жизни. Каким-то образом в стране постоянно появлялись всё новые виды занятий.

Любой из тех, которого он видел вокруг себя - на велосипеде, на скамейке, у входа в ресторан, - жил за счет правительства штата, на жалованье, и как они должны были реагировать на присутствие Бада? Как вы поступите с преступником вроде Бада, когда пожизненное заключение без права на амнистию может означать, что он все еще будет сидеть в камере через двести лет после вынесения приговора? Или, судя по тому, как обстоят дела, не двести, а тысячу лет? Как отреагирует население? Согласится ли с предписанием психиатра? Поверит импланту, который, как те утверждают, вшили осужденному?

Бад перешел в режим бдительности, как только увидел двух велосипедистов, догонявших его слева. Он немедленно нацелился на них камерой заднего обзора, встроенной в шлем, и сдержал порыв расслабиться, когда понял, что это парочка. Они промчались мимо, как обыкновенные, помешанные на спорте обыватели: головы опущены, ноги работают, будто поршни. Но, едва поравнявшись с Бадом, вышли из роли. Мужчина издевательски помахал Бадом рукой. Женщина крикнула что-то неразборчивое. Они перебрались на правую сторону, оказавшись прямо перед Бадом, и резко сбросили скорость.

Вэн, наоборот, поднажал на педали. Бад попытался обойти парочку, но они сдвинулись влево и загородили дорогу. Женщина оглянулась и рассмеялась.

- Потише, дедуля, а то перетрудишься!

Вэн поравнялся с Бадом. Быстрый обзор помог удостовериться, что щеки Бада порозовели. Спина ссутулилась. Социальный работник и психиатр оказались правы. Румянец и собачья поза настороженности служили верными признаками активации импланта усмирения, а это случалось только тогда, когда Бад становился опасным. Имплант был последним оружием против жажды убийства, сломившей самообладание Бада много лет назад, когда полицейские объявили, что он обвиняется в преступлении.

Этот момент был одним из тех, когда Вэн с огромным трудом справлялся со своим гневом против бюрократов, прописавших его обязанности. В теории, они с Розой не должны были вмешиваться в ход событий: в конце концов, в этом и заключался смысл эксперимента. С другой стороны, «ответственные лица» хорошо знали: «определенные последствия» могли серьезно повлиять на их служебное положение. Непосредственное начальство Вэна, например, будет крайне недоволено, если эксперимент придется прервать, потому что кто-то уничтожил основной объект. Или наоборот.

Использование женщиной слова «дедуля» могло означать, что все дело в возрасте. Очень многие молодые люди начинали понимать, что старшие не уступят им сцену, по крайней мере в обозримом будущем. Если все это именно так... если они пристали к Баду, повинувшись мгновенному импульсу...

- У меня за спиной, - предупредила Роза. - Слева.

Вэн активировал камеру на шлеме и увидел, что красная куртка пролетела мимо Розы. Велосипедист даже опустил пластиковое забрало, как настоящий гонщик, чтобы обтекаемый шлем позволил выиграть лишнюю миллисекунду.

Судя по скорости, с которой мчалась красная куртка, у Вэна оставалось около трех секунд, чтобы среагировать правильно, но даже имея он в своем распоряжении три часа, разницы все равно никакой. У него не было твердой уверенности в готовящемся нападении, пока лихач, вдруг бросивший вертеть педали, не выпрямился. Вэн успел увидеть широко раскрытые глаза, пялившиеся на него через забрало. Красный рукав протянулся к Баду, и тут же его голова окуталась оранжевым облаком.

Бад испустил вопль. Его велосипед рванулся вперед и врезался в женщину. Бад успел схватиться за ее одежду, прежде чем велосипеды свалились на землю.

Вэн быстро свернул влево, чтобы не влететь в завал. Стиснул ручной тормоз с такой силой, словно пытался выжать воду из металла. Велосипед проскользнул между его ног и грохнулся на дорожку. Гонщик в красной куртке стоял на педалях, балансируя на траве рядом с велосипедной дорожкой.

Бад успел вскочить, сцепил руки наподобие дубинки и размахнулся, целясь в затылок женщины. Обычно туповатое лицо превратилось в красную маску, словно выравленную на коже всей желчью, накопившейся за шестьдесят лет заключения.

Вэн выпутался из велосипедной рамы. Шесть футов два дюйма Бада против пяти футов восьми дюймов Вэна. Кроме того, Бад имел фунтов шестьдесят лишку. Но Вэн пыхтел в тренажерном зале час в день, четыре часа в неделю, с тех пор как ему исполнилось пятьдесят. И сейчас его плечо воткнулось в мягкий живот. Оба откатились от завала. Именно так и планировал Вэн, когда предполагал подобную ситуацию и определял возможности Бада, прежде чем принять задание.

Сейчас он отпрыгнул и принял позу обороняющегося, но безоружного человека. Потому что и раньше видел подобную маску. Никакими спортивными захватами невозможно остановить человека в таком состоянии. Да что там, вряд ли его сможет остановить даже сломанная нога! Спрей, которым брызнули в Бада, очевидно, нейтрализовал действие усмирителя и выпустил на волю всех демонов, которых усмиритель до сих пор держал в клетке.

Лицо Бада изменилось. Плечи опустились. Реагент усмирителя снова начал действовать, и красный цвет лица сменился розовым, вызванным побочным действием химиката.

Справа от Вэна остановилась Роза, наскоро оглядела мужа, обернулась и уже более внимательно присмотрелась к неопрятной груди велосипедов на дорожке.

- Я вызываю «скорую», - объявила она. - Тебе лучше увести отсюда Бада.

Вэн оценил сцену, глядя в камеру заднего вида. Очевидно, удар Бада достиг цели: женщина стояла на четвереньках над собственным велосипедом. Ее спутник скорчился рядом с ней, не сводя глаз с Бада.

Около Розы уже остановились четверо велосипедистов. Со всех сторон к ним бежали люди, только сейчас отдохавшие на расставленных вдоль дорожки скамейках.

Я понял, что меня используют, как только услышал обо всем. Это один из тех рисков, с которыми приходится сталкиваться, когда становишься пакостником. Если за тобой числится несколько классных проделок, люди сами предлагают деньги и действительно хорошее снаряжение. По большей части - второе. И шанс проделать что-то такое, что никогда не удастся выкинуть самому. Поэтому я не оправдываюсь. Я пошел на это, зная, что объединяю силы с людьми, имеющими собственную программу. Но понятия не имел, что все настолько серьезно. Моя эскапада была всего лишь подставой. Чем-то, призванным нагнетать давление в голове Бада. К тому времени, как его sprыснули антидотом реагента

усмирителя, он уже был готов идти в атаку. И вполне мог бы убить эту женщину.

Назначенный губернатором руководитель Эксперимента Бада был вечно подозрительным, скрытым политическим пронырой по имени Джерри Стайман. Карьерист Стайман хорошо понимал, что от результатов эксперимента зависит политическая карьера губернатора. Если эксперимент сработает, губернатору - честь и слава. Если нет - губернатор покажет людям, что он из тех лидеров, которые способны закрыть провальный проект.

- Вы боретесь с очень сильным негативом, - изрек Стайман.

Все смотрели на происходившее на чаттерных*¹ экранах. Противники тупо повторяли проверенный аргумент, столь же старый, сколь первые годы эры дигитализации.

- *Нельзя изменить факты. Что бы вы ни делали, кто-то рано или поздно его достанет.*

- *Прошел всего месяц. Тридцать три дня. И посмотрите, что они устроили.*

- *Что случится, если рядом не окажется никого, кто мог бы его остановить? Или мы должны платить за личного телохранителя?*

- Они напали на него, - сказала Роза. - А теперь используют это нападение как доказательство того, что эксперимент не работает.

Вэн и Роза лежали в шезлонгах на заднем дворе дома, к которому были прикреплены. Они отрегулировали систему домашних камер так, чтобы Стайман мог видеть только их лица, и теперь спокойно держались за руки - привычка, которая, похоже, восхищала людей помоложе, знавших, что они женаты более семидесяти лет.

- Вряд ли мы имеем дело с типичным паскудством, - заметил Вэн. - У них есть антидот усмирителя. Они знают, какой именно препарат действует как усмиритель. И имеют возможность создать средство противодействия.

- Я проверила, - сообщила Роза. - На сайтах пакостников почти нет сведений о препаратах усмирителя.

- Ты права, пакостникам это недоступно, - согласился Вэн. - Если бы я не оттолкнул Бада, тот мог убить женщину. Ты учитывала возможность того, что кто-то пытается зацепить нашего босса?

- Собираюсь ее рассмотреть.

- По-моему, если это окажется правдой, большинство аргументов будет подорвано.

- Вполне вероятно.

¹ * *От английского chatter - треп, пустая болтовня. (Здесь и далее прим. перев.)*

Детектив нашел мертвую птицу и достал ее с помощью большой совы, которую использовал, когда его стае приходилось что-то подбирать. Несмотря на бум в электронном секторе реальности, большая часть обитателей строящегося поселка, похоже, продолжала заниматься теми вещами, которые обычно делают нормальные люди. На каждую личность, которую остро волновала деятельность Бада, приходилось не менее пятнадцати, которые играли в игры, смотрели видео и окунались в традиционные биологические наслаждения.

Роза передала тушку помешанному на птицах придурку, который уже изучал ее устройство, пытаясь помочь им определить ее создателя. Птичьи придурки, как и изготовители бомб, имели свой фирменный почерк, по которому их и определяли.

Два велосипедиста, затеявшие всё это, твердили о своей невиновности.

- Мы просто шутили, - заявил мужчина.

Он уже появился на двух новостных сайтах. Его партнерша лежала в больничной палате, в тридцати милях от поселка, а сам он игнорировал тех, кто объяснял, что ее положили туда на обследование. И не более того.

- Нам говорили, что держат парня под контролем. Я видел его лицо. Он просто рвался убить кого-то, в точности как убил копа семьдесят лет назад. Он не изменился. По-прежнему остался убийцей.

У Вэна и Розы было двое взрослых детей, отреагировавших стандартным, вполне предсказуемым образом, когда Роза передала им выводы со всеми примечаниями и ссылками. Джессика спокойно, по пунктам изучила каждую бумагу, хотя в настоящее время жила в Стокгольме и работала над анализом снижения количества убийств. Кроме того, у нее имелось множество увлечений - от лыжных вылазок до посещения театра. Уолли поддерживал информационную систему на научно-исследовательском судне, которое обходило остатки аргентинских рыбных угодий. Поэтому свободного времени у него было хоть отбавляй, но он, очевидно, довольствовался быстрым просмотром и не обратил внимания на большинство примечаний и ссылок.

Камера была сфокусирована на голове и плечах Уолли, но Вэн сразу понял: тот растянулся на койке в такой позе, чтобы без труда дотянуться до банки пива. Для Уолли дело было ясным и безнадежным.

- Верх возьмут противники. Что бы вы ни делали, пакостники его достанут. Так было, и так будет. Тысячи людей только и ищут способ прорваться через любую защиту, которую вы стараетесь установить.

- Значит, мы живем в мире, где правила устанавливают нарушители законов, - констатировала Роза.

- Примерно так, ма, - улыбнулся Уолли.

Джессика сидела за столом и пила утренний кофе. Она была одета на выход, вплоть до длинных серег, и готова приступить к работе.

- Я бы не определила дело как безнадежное, - заявила она. - Цифры опроса не так уж плохи. Большинство по-прежнему на вашей стороне. Рекомендую вам сосредоточиться на поиске и идентификации пакостников. Покажите людям, что вы способны заставить преступников пожалеть о содеянном. Заверьте большинство, что вы можете наказывать, хотя не в силах предотвратить преступление.

Вэн кивнул. Он боялся, что Джессика подтвердит мнение Уолли.

- Я вполне понимаю, что это имеет определенный смысл, - сказала Джессика, когда они с Розой взялись за работу. - Но должна признаться, что не возражала бы, если этого клопа засадят хоть на целый век. Он убил ребенка. Убил женщину, которая всего лишь выполняла свою работу. Кому интересно, что с ним случится?

Джессика заинтересовалась политическим анализом, когда в пятнадцать лет прочитала Макиавелли. Стала специалистом по буйному поведению, и ее контакты с людьми, отличавшимися подобным поведением, не смягчили непримиримой оценки человеческих отношений, с самого начала привлекавшей ее к Макиавелли.

Осужденные со столетними сроками сидели в тюрьме штата вместе с массовыми убийцами и насильниками. Комитет по отбору выбрал Бада, поскольку он казался одним из наименее спорных кандидатур. Его амнистировали бы много лет назад, не убей он офицера полиции.

- И что будет, если ты пригвоздишь этого мерзавца? - вмешался Уолли. - Таких, как он, - десятки тысяч.

- Самый весомый фактор - это публичное мнение, - заявила Джессика. Люди могут рискнуть, если будут уверены в том, что ты сумеешь поймать преступников. Кроме того, не стоит недооценивать и сдерживающий фактор. Пакостники стараются избегать поступков, которые могут иметь печальные для них последствия. Весь их образ жизни основан на том, что они редко имеют действительно серьезные проблемы с законом.

Уолли послал сестре ту же снисходительную улыбку, которой одарил мать.

- Все это есть в литературе, верно?

Джессика подмигнула. Они с братом едва ли не с детства постоянно и дружески пикировались из-за разницы во мнениях, чему родители искренне радовались, считая, что сделали в жизни что-то правильное.

- Так оно и есть, дорогой братец.

Лично я ничего не имел против этого фрукта Бада. Ему не следовало играть с тем сверхопасным снаряжением, которым он

пользовался, когда попал в беду. Но он сделал его не для того, чтобы убить мальчишку. И необязательно быть психиатром, чтобы понять: он убил копа, потому что вторжение полиции пробудило к жизни годы глубоко затаенной ярости. Кроме того, он увидел, как вся его жизнь летит к чертям. Его следовало лечить. Бада и лечили бы, окажись его жертва гражданским лицом.

А как насчет меня? Предположим, Бад убил бы эту велосипедистку? Из-за того, что именно я все это затеял? Не слишком приятная связь. Это не проделка обычного пакостника. Эти люди слишком серьезно относятся к своему делу.

Придурок, сконструировавший птичку, жил в низкоэнергетическом квартирном комплексе, выросшем вокруг торгового центра в районе Детройта. Придурок, нанятый Розой, узнал почерк, как только закончил разбирать птичку, - работа, занявшая у него шесть часов. Сам он утверждал, что уже на полпути может назвать имя, но хотел удостовериться.

Предполагаемый злодей сознался, едва Вэн связался с ним. Он всего лишь установил устройство в одной из своих стандартных моделей. Люди постоянно просили его о чем-то подобном.

Разумеется, заявление было откровенно дурацким. Нельзя сделать такое, не зная разницы между передающим и принимающим устройствами. Зато он знал, что может оправдаться без особенных усилий.

- Никто и никогда не предъявлял иск этим парням, - заметила Роза. - Они - полезный источник информации. Если копам удастся их найти, они всегда выкладывают правду.

Вэн не был копом. Но птичий придурок, по-видимому, не видел разницы. Он даже дал понять, что имеет кое-что в запасе на случай, если его начнут допрашивать. Его клиент договорился о ночном обмене на парковке базара ремесел, и птичий придурок выполнил все указания. Остановился в определенном месте, в определенное время и обменял коробку с птицей на коробку с оговоренной платой. Но он также выпустил одного из черноперых носителей камеры дальнего действия, когда был в миле от места обмена. Он смог дать Вэну снятое головной камерой фото клиента и номер его машины.

Клиент, разумеется, не самолично взял машину напрокат. Он нанял посредника - безработную женщину, пополнявшую доход общением с источниками, которых привлекала, просиживая вечера в местных барах. Когда Роза нашла ее, а Вэн связался с ней и договорился о плате, оказалось, что она была так же готова к сотрудничеству, как и птичий придурок.

- Только расскажите всё, что о нем помните, - велел Вэн.

- Он сказал, что его зовут Керк. Больше мне ничего не известно.

- Он изложил вам какую-то легенду? Объяснил, зачем это делает?
 - Сказал, что хочет помочь друзьям.
 - И это все? Помощь друзьям?
 - Это было сказано с самым таинственным видом. Ну, понимаете, о чем я.
 - Как будто дело крайне важное?
 - Верно.
 - У него есть какие-то отличительные признаки? Тату? Физические характеристики?
 - Думаю, он что-то сделал со своим лицом. Так, чтобы выглядеть загорелым.
 - Для маскировки?
 - Возможно. Он не похож на людей того типа, которые много времени проводят на воздухе.
 - А как насчет роста? Сложения?
 - Тощий, высокий, сутулый, сразу видно, что физической работой не занимается.
 - Что он говорил о себе? Где работает? Живет?
 - Он по большей части молчал.
 - Я так и подумал.
 - Он вообще был очень осторожен. И, можно сказать, нервничал.
 - Но вы знали, что он едет за птичкой?
 - Она сидела в клетке, открытой только с одной стороны. Но ее можно было без труда увидеть.
 - Говорил он что-то о птичке?
 - Сказал, что она нужна ему для охоты. Чтобы искать животных, а потом пускать в них стрелы.
 - Охота с луком?
 - С этими штуками, похожими на ружья.
 - Арбалеты?
 - Точно.
- Вэн нахмурился:
- Он еще что-то говорил об этом?
 - Упомянул, что хороший стрелок. Очень хороший стрелок. Да, именно так: «Я хороший стрелок. **ОЧЕНЬ** хороший стрелок».
 - Словно хотел произвести на вас впечатление?
 - Именно.
 - Он сказал еще что-то? Какие животные? Где?
 - Нет. Это все. «Очень хороший стрелок», - последние его слова.
 - Похоже, он решил, что слишком много болтает.
 - Возможно.

Она оставила Керка на парковке торгового центра. В центре была гостиница со свободными номерами. Если тощий тип с птичьей клеткой

вел себя как-то необычно, значит, дал портье повод заметить его. Но, скорее всего, этого не произошло. Учитывая привычную осторожность пакостников, он, возможно, поднялся наверх и выскользнул, не общаясь ни с единой живой душой. И выехал из гостиницы задолго до того, как забрал птицу. А вот история с арбалетом куда интереснее. Роза начала работать над ней еще до того, как Вэн закончил допрос.

- Ты раздобыл две единицы информации, - сказала Роза, - и обе вполне встраиваются в профиль. Сначала он должен был создать впечатление, что делает нечто особенное. Потом не устоял перед искушением признаться, что он хороший стрелок. Пусть он старше обычного пакостника, но это, очевидно, не повлияло на его поведение.

Оказалось, что в Соединенных Штатах, по оценке Национальной ассоциации стрелковых видов спорта, имеется около миллиона с четвертью любителей стрельбы из арбалета. Данные основывались на цифрах продаж, членстве в стрелковых клубах и участии в организованных турнирах. Максимальный приток был отмечен тридцать лет назад и колебался вместе с перепадами в количестве населения. Стрельба из арбалета, по-видимому, привлекала людей, которые любили стрелять, но терпеть не могли связываться с формальностями, касавшимися разрешения на ношение оружия. Кроме того, ею занимались люди, считавшие себя средневековыми романтиками, - поклонники военной истории и те, кто часто менял хобби. Однако находился небольшой процент тех, кто любил тренироваться в меткости, убивая животных и птиц во время охотничьего сезона.

- Похоже, это не та история, которую можно высосать из пальца, - решил Вэн. - Возможно, он регулярно охотился с луком. Но лучники редко становятся арбалетчиками.

Джессика дала им стандартный профиль пакостников. Сама она обычно специализировалась на убийцах и насильниках, но одновременно работала над исследованием пакостей во время волнений, угрожавших танзанийской туристической индустрии. Типичный пакостник - мужчина от пятнадцати до двадцати лет, не спортсмен, обладающий умом выше среднего и «неподдельным интересом» к новым технологиям, играм, моделирующим насилие, и различным ролевым играм, включая восстановление исторических событий. Двадцать восемь процентов из них, однако, были женщинами, причем более старшего возраста. И те, и другие обычно считались застенчивыми нелюдимами, с сильной потребностью похвастаться своими эскападами - потребностью, вступавшей в непримиримый конфликт с терзавшим их страхом разоблачения.

- Если собираешься отыскать его, - сказала Джессика, - найдешь полное описание его деятельности в скрытых файлах. Считай это непреложной истиной.

Итак, они искали тощего высокого мужчину от пятнадцати до двадцати лет - в этом случае, возможно, года на два-три старше, увлекавшегося играми в стиле экшен, вероятно, не имевшего постоянной подружки и, также вероятно, увлекавшегося стрельбой из арбалета. Что, по мнению Вэна, сужало радиус поисков до кофлы, которую все американские детективы могли бы просеивать следующие два десятилетия.

- Все не так плохо, как кажется, - утешала Роза. - При падении рождаемости за последние тридцать лет количество мужчин этого возрастного диапазона ограничивается пятью миллионами. Сорок процентов из них выше шести футов, и, думаю, именно с этим ростом необходимо работать, судя по видео и принимая в расчет тот минимальный рост, который кажется высоким нашим свидетелям. Если упоминание об арбалете - ценная улика, вероятно, нам удастся сузить круг поисков до приблизительно двадцати тысяч, при условии, что люди этого возраста достаточно пропорционально представлены в сообществе поклонников арбалета.

- Лично я думаю, что они будут слабо представлены, - возразил Вэн. - Мне не кажется, что в таком возрасте я стал бы увлекаться подобными штуками. У тебя есть статистика?

- Погоди-ка... Три процента. Ты прав.

- Итак, моя добрая женушка, круг поисков сужен до пятнадцати тысяч подозреваемых. При условии, что арбалет не привлекает непропорциональное количество незрелых мужчин ростом под шесть футов два дюйма.

- И при условии, что история с арбалетом - чистая правда.

- Думаю, придется принять ее на веру.

- Согласна.

Итак, это был я. Я пакостник. Не террорист. Знаю, когда остановиться. Где провести границу. Я всегда могу соскочить, если пожелаю. Я отошел от игры на целых три года. И могу сделать это снова.

Было время, когда Вэн, подобно большинству молодых людей, гадал, сможет ли прожить остаток жизни с одной женщиной. Роза чувствовала то же самое, хотя он ни о чем не подозревал, пока она не упомянула об этом как-то ночью, перед их одиннадцатилетней годовщиной свадьбы.

За несколько дней до того уикенда, когда они с Розой поженились, Вэн получил дружеское предостережение. «Во вторник, - заверил друг, - ты оглянешься и увидишь мир, полный невероятно красивых женщин. И ужаснешься тому, что натворил».

Пожалуй, лучшего совета Вэн еще не получал. Потому что так оно и

случилось - за ланчем, в одном из уличных кафе Осло.

На сорок первом году совместной жизни они даже сделали годичный перерыв в отношениях. Они только вышли из своего полного обновления, с заново перебранными и восстановленными органами. Так почему бы не проверить, насколько они молоды?

Вэн выдержал оговоренный год, хотя был готов вернуться домой еще до того, как праздновал освобождение целых шесть месяцев. Он и Роза были вместе сорок лет. Вырастили двоих детей. Пережили карьерные изменения. И экономические бури. Делили друзей, развлечения, горе и бедствия. Между ними протянулись нити такие прочные и естественные, что они даже не знали насколько, пока не ощутили щемящую тоску, едва лишь попытались жить отдельно.

Его тревоги насчет секса оказались такими же дурацкими, как все мелочи, о которых он волновался. Ему всегда твердили, что разнообразие стимулирует. Его собственные юношеские похождения подтверждали, что это правда. Но нити, привязывающие тебя к определенному лицу и телу, могли стать еще более гальванизирующими.

Все же, несмотря на то, как много общего у них было, его постоянно завораживало различие их характеров. Роза была рассудительной, склонной к офисной работе женщиной. Он был полевым агентом, предпочитающим работу с людьми. Вэн начинал как менеджер, управляя стадом придурков в трех различных областях промышленности; она тридцать лет отслужила макроэкономистом в брокерской фирме. Он переключился на улаживание конфликтов, когда все источники постоянной работы пересохли; она, поняв, что больше не может конкурировать с молодыми бандитами в избранной ею профессии, стала фрилансером, добывавшим необходимую информацию по заданию очередной компании. Вэн уговорил жену принять нынешнее злосчастное назначение в основном потому, что ему оно показалось шагом в нужном направлении. Она согласилась в основном потому, что он пообещал все переговоры с людьми взять на себя.

- Из нас выйдет идеальная команда, - уверял Вэн. - В офисе и поле. Именно то, что им нужно.

Однако Розу нельзя было назвать невротичным интровертом. Она любила развлекаться и бывала в обществе куда чаще Вэна. Но вот терпеть не могла иметь дело с реальными людьми. Работать для нее означало забиться в тихий уголок и орудовать цифрами и данными. За одним большим исключением. Роза обнаружила, что может работать с человеческими сетями, пронизывавшими электронный мир. Они были одним из наиболее важных инструментов исследователя и привлекали людей, предпочитавших общаться через сети.

Пакостники, как все остальные, имели свои сайты в Интернете.

Проделки описывались под никами. Давались советы. Обсуждались этические принципы. Те, кто вертелся вокруг пакостников, заходили на сайты и зарабатывали на жизнь, собирая информацию для нанимателей, выполнявших прихоти информационного рынка.

Но даже при наличии множества поисковых систем многое зависело от способности исследователя правильно поставить вопрос.

- Начнем с сетей пакостников, - решила Роза. - Ищем любителя арбалетов, намекнувшего на принадлежность к пакостникам, но, подозреваю, нам повезет больше, если станем искать пакостника, считающего себя метким стрелком.

Роза установила постоянные отношения с тремя поисковыми компаниями. Одна специализировалась на больших национальных и интернациональных обзорах. Другие две управляли сетями, охватившими тысячи микрообщин. Обе заверили, что имеют источники в сообществе пакостников, поэтому Роза последовала своим личным предпочтениям и выбрала сотрудницу, которая больше всего ей нравилась.

- Очень деловитая, здравомыслящая особа, - заметила Роза. - Все знают свое дело, но Хэрриет не тратит времени на пустую болтовню.

Когда работаешь один, ни одной живой душе неизвестно, кто ты на самом деле. Главное - заботиться о своей личной безопасности. Но все изменяется, когда начинаешь работать с другими людьми. Кто-то обязательно узнает твое имя.

Я знал, что это будет проблемой, когда решил принять предложение. Знал, что поддаюсь соблазну. Но, полагаю, у всякой медали есть две стороны. Они знали, кто я, но и я знал, кто они.

Я знал, что у них есть адвокаты. И классные хакеры. И приятели в важных, влиятельных узлах. Но я не все продумал. Они поманили деньгами и снаряжением, и я повелся. Полагал, что смогу разоблачить их в любое время, если они разоблачат меня. Считал, что мы равны.

- Что еще вы делаете? - спросил Стайман.

Примерно такого вопроса Вэн и ожидал. Он рассказал про арбалет, и Стайман выслушал со своим обычным напряженным вниманием. Он даже ни разу не хмыкнул.

- Роза выполняет работу полиции, - продолжал Вэн. - Пытается отследить его образ действий. Множество проделок подобного рода никогда не попадают в полицейские протоколы, зато на некоторые обращает внимание пресса. Она проверила несколько вариантов. Испорченные флорпипеты. Вирусы, переносимые птицами. Вирусы, переносимые животными. Атаки вирусов, сопровождаемые повторными атаками. Вирусы, переносимые птицами и животными,

дали три положительных вывода, переданных частному детективному агентству, с которым работает Роза.

- Три из какого количества?

- У нее шестьдесят шесть положительных выводов. Но выделила она три, из-за некоторого сходства. Одно из них заключается еще в двух атаках на флорпиетов. Остальные два основаны на чистой интуиции, все дело в цепочке действий, которые сложно объяснить.

- Что насчет того велосипедиста, который распылил спрей?

- Камеры наблюдения потеряли его после того, как он бросил велосипед.

- И никаких доказательств того, что он покинул поселок. Он либо там живет, либо кто-то контрабандой привел его и вывел за пределы поселка.

- Я успел мельком увидеть его лицо, - сказал Вэн, - но даже не уверен, мужчина это или женщина. Знаю только, что лицо молодое.

- Губернатор передал, что видел пленку, снятую камерами, установленными на велосипедной дорожке, - объявил Стайман. - Он считает, что вы прекрасно справились с ситуацией.

- Спасибо, я очень ценю его мнение. Вы нашли доказательства того, что мы имеем дело с заговором против губернатора?

- Мы все согласны с тем, что вы, со своей стороны, должны сделать все. Найдите пакостника. Тогда решим, как поступать дальше.

Вэну никто не поручал выполнять обязанности круглосуточного телохранителя, но он решил, что на время должен обосноваться в доме Бада. Некоторые трепачи утверждали, что местных жителей «обязали» торчать на улице и следить за Бадом.

Мы уже едва не потеряли одну. Что будет, если мистер Вэн Леванти задремлет как раз в тот момент, когда кто-то вздумает дать Бадю понюхать убийственного газа?

Мне кажется, что они уже признали полную неудачу своего маленького «человечного эксперимента». Бадди-бой должен был жить среди людей вполне самостоятельно, если я верно понимаю исходную задумку.

Бад устроился в большом шезлонге в гостиной и углубился в созерцание дисплея. Огромные наушники изолировали его от всего окружающего. Он утверждал, что в тюрьме привык к наушникам. Там не избавишься от шума. Даже если сидишь в одиночке.

Пока за пределами дома все было относительно тихо. Двое молодых щеголей пару часов торчали на другой стороне улицы. Количество картов и велосипедов, катившихся по мостовой, превышало обычную цифру, возможно, в три-четыре раза, но и это ни о чем не говорило,

поскольку нормой было одно-два колесных средства на каждые несколько минут.

Прямо сейчас, на глазах Вэна, смотревшего из окон фасада, с полдюжины человек сгрудились вдали под деревьями с левой стороне. Взрослые неопределенного возраста и занятий, как доложил бы истинный коп. Но пока не было никаких признаков того, что ему следует опасаться толпы, вооруженной вилами и пылающими факелами. Но доклады других наблюдателей, слонявшихся в публичных местах, указывали на то, что Бад наконец стал основным предметом обсуждений.

- Я слышал разговоры множества людей, считающих, что проект нужно отменить, - отчитывался один из населяющих реальный мир. - Это примерно те же высказывания, которые слышишь в электронном мире: Бад представляет куда большую опасность, чем утверждало кадровое агентство. Никто не может гарантировать, что после очередного нападения он не убьет еще кого-то.

Подопытным кроликам гарантировали годовое проживание в строящемся поселке и жалование. Если правительство штата решит прервать Эксперимент Бада, оно может сдать декорации поселка в аренду одной из организаций, которые уже заплатили за внесение в список возможных альтернативных кандидатур. Годичная гарантия работы предназначалась для устранения всех сомнений: «подопытные кролики» знали, что их не выставят на улицу, даже если наниматели отменяют эксперимент.

На практике боязнь потерять работу была еще одной проблемой, которую приходилось рассматривать профессиональным аналитикам, если они не хотели остаться не у дел. В большинстве исследований утверждалось, что участники реагировали на события, не беспокоясь о сохранности своей работы. В других исследованиях, более глубоких, по утверждению авторов, доказывалось наличие остаточного эффекта, который можно снизить посредством некоего неизвестного фактора. Обе стороны сошлись на том, что требуются дополнительные исследования.

Но Вэн пришел к немного иным заключениям. В публичных выступлениях политики высказывали суждения, угодные избирателям. Их методики грешили приблизительностью, но все они имели под собой вполне объективную основу оценки результатов. Политики, имеющие правильное мнение и изрекающие правильные суждения, надолго остаются при должности.

Один из «интуитивных» вариантов в списке Розы включал три атаки, случившиеся за два года, чуть более трех лет назад. Одна закончилась взбесившимся флоппипетом. Две другие были совершены с помощью птиц. Общим, по мнению Розы, являлось стремление уничтожить или

повредить вещи, имеющие для жертв огромную эмоциональную ценность. В дополнение к нападению на флориста пакостник превратил плод тридцатилетней яблони в слабый психоделик и заразил передний двор вирусом, изменившим краски цветов. Две последние атаки стали предметом обсуждений в прессе. Оказалось, что и яблоня, и цветы имели особое значение для владельцев. Садовник даже предложил награду человеку, который сможет найти вандала.

Местоположения всех трех инцидентов образовали на карте треугольник с центром в Бриджпорте, штат Коннектикут. В Бриджпорте не было арбалетных клубов, но Роза решила проверить списки членов клубов в Нью-Хейвене, Хартфорде и большом Нью-Йорке.

- Три года назад парень, которого везла наша свидетельница, мог быть самого подходящего возраста, - заметила Роза. - Судя по описанию. И словесным портретам.

Вэн нахмурился. Розе придется покупать списки членов у торговцев информацией.

- Это может дорого обойтись, - заметил он. - У нас есть статистика вероятности того, что пакостник «завязал» на три года, после чего начал снова?

- Я спросила Джессику. Вероятность подобного, по ее мнению, серединка на половинку. Количество известных пакостников, которым перевалило за двадцать, слишком мало, чтобы делать обобщения. Некоторые уходят и возвращаются. Некоторых ничем не остановишь.

- И, конечно, если это действительно связано с планами свалить губернатора, кто-то мог предложить пакостнику денег...

- Наша дочь, криминальная королева, утверждает, что оплаченная работа нарушает этику сообщества пакостников. Предполагается, что они делают людям гадости ради развлечения. Но она считает, что не стоит вычеркивать человека постарше, поддавшегося искушению и меркантильным соображениям.

- А как насчет остальных вариантов? Как они повлияют на наши расходы?

- Это единственный, с которым я могу работать, не говоря уже о привязке к местности. Остальные два варианта... я пока ищу какие-либо основания.

Как выяснилось, проверка списков обошлась не так уж дорого. Агентство, с которым она работала, просто запросило имена членов, живущих в десяти милях от Бриджпорта. Кроме имен, агентство интересовали обычные данные: секс, возраст и т. д.

На дисплее Розы появились двадцать три имени. Интересно, что четырнадцать были женскими: более высокий процент, чем ожидали она и Вэн. Даже в этот просвещенный век. Шестеро мужчин оказались слишком старыми, а один едва успел отпраздновать двенадцатый день

рождения.

- Керт Дэвил, - прочитала Роза. - Двадцать четыре. Занятие: инструктор по стрельбе из арбалета. Начал забавляться с этими штуками три года назад. В первые же пятнадцать месяцев выиграл два турнира. Другой парень - приблизительно нужного возраста, но, судя по фотографиям на сайте, весит на тридцать фунтов больше положенного. И всего лишь отмечает стрельбу из арбалета, как одно из своих хобби.

- А «Керт» созвучен имени «Керк».

- Я как раз об этом подумала, муженек.

Вэн связался со своим свидетелем. Она приняла деньги и изучила снимки и видео сайта Керта Дэвила.

- У моего парня нет усов.

Вэн скопировал самый удачный снимок и удалил усы.

- А теперь?

- Усы были довольно густыми. Неужели парень сбреет такую красоту, после того как приложил столько труда, чтобы их отрастить?

- Я знал парней, которые могут отрастить такие усы за три-четыре дня. Он похож на того?

- Вполне возможно. Если добавите очки и подтемните кожу.

Вэн сфокусировал свой дисплей на лице женщины, прежде чем передать новый, переделанный снимок. Женщина мгновенно встрепелулась, но тут же взяла себя в руки:

- Повторяю: все вполне возможно.

- Что заставляет вас считать, что это не он?

- Это вполне может быть он. Больше я ничего не могу сказать.

Они все вычислили. И уже провели предварительную работу.

Я понимал теорию. Сделай что-то действительно необычное, и это будет единственным, что запомнят люди. И неважно, чья это работа: противников или сторонников. Сделай что-то действительно необычное, и у людей будет только одна реакция. Вот что случается, когда пытаешься затеять нечто вроде Эксперимента Бада.

Детективное агентство поместило запрос на инструкторов по стрельбе из арбалета на соответствующие сайты: «Мне хотелось бы найти кого-то неподалеку от Нью-Хейвна. Нужен действительно хороший инструктор. Я только начинаю и хочу попасть в руки мастера».

Записи, отслеживающие дальние поездки, представляли еще одну возможность. Где-то должна существовать запись, доказывавшая, что Керт Дэвил брал напрокат машину или летел на самолете в Кливленд, чтобы забрать птичку. Или запись в гостиничной книге, если он останавливался в гостинице.

- Конечно, пакостник, которого мы ищем, мог преспокойно нежиться на калифорнийском пляже, - пробормотала Роза. - Только бы он не проболтался об арбалете... если уже не проболтался...

- Ничего лучшего у тебя все равно нет, - пожал плечами Вэн. - Придется принять эту версию за рабочую.

- И подобное поведение типично для пакостников. Основной психологический конфликт: они смертельно боятся разоблачения и в то же время хотят, чтобы люди восхищались их изобретательностью.

- Поэтому они стремятся разрешить этот конфликт, хвастаясь чем-то иным...

Мне страшно не хотелось отказываться от денег, которые они предлагали. Скупостью они не отличались. Но я сделал это. Сумел. Все кончено.

Но мне сказали, что Вэн Леванти говорил с женщиной, которая брала для меня машину напрокат. Они сказали: «Вэн знает твое имя. Они показали ей твое фото».

Они показали мне запись беседы с женщиной.

«Она узнала тебя, - сказали они. - Пыталась это скрыть, но каждому видна ее мгновенная реакция».

Вэн тоже это видел. И сможет сделать выводы, когда просмотрит запись по кадрам.

Во всем, разумеется, обвинили меня. Не стоило упоминать об арбалете.

Я пытался выбросить все это из головы. Ни один судья не примет во внимание разговоры об арбалете. Но в глубине души я знал, что дело плохо.

«Это только начало, - сказали они. - Детективы расползлись по всему твоему городку. Им нужен ты. Они не сдадутся, пока не найдут то, что ищут. Есть только один способ защитить тебя. Никто не станет искать тебя, если мы сумеем закрыть проект».

Они преподнесли все в одном большом пакете. Я получу кучу денег, завершу карьеру пакостника, став человеком-легендой, и буду благополучно отсиживаться дома, как только губернатор и его сотрудники поймут, что пора покончить со своей мечтой.

Я попробовал объяснить, что как только достанут меня, достанут и их тоже, но быстро заткнулся. Уж очень это было похоже на угрозу: я вроде бы заявлял, что сдам всех. Но ведь они и сами это сообразят, верно? Мы все повязаны этим дельцем.

И что, спрашивается, я мог ответить, когда они объяснили, чего от меня хотят ?

Количество домашних любимцев в строящемся поселке в процентном соотношении соответствовало положению дел во всей Америке. И большинство этих организмов были тем или иным способом

генетически «улучшены».

В течение первых пятидесяти лет совместной жизни Вэн и Роза имели несколько сменявших друг друга кошек. Первую купили, когда Уолли было три года. Последняя умерла через три года после того, как Джессика навсегда покинула дом. Вэн всегда считал, что любит кошек. Но более двадцати лет они с Розой были слишком заняты проблемой воспитания детей, чтобы уделять животным какое-то особое внимание.

Миниатюрные носороги были ужасно милыми. Трехфутовые слоны - еще симпатичнее. Вэн с чистой совестью посоветовал некоторым хозяевам завести летающих созданий, которые, несомненно, добавят яркости и поэтичности их садам. Однако будь он заинтересован в общении с механической игрушкой, непременно остановился бы на флоппипете. Роботов не нужно кормить или купать. И их всегда можно выключить, когда уезжаешь на уикенд. Можно даже посчитать, что милый маленький носорог - всего лишь не слишком удачная и требующая больших хлопот версия флоппипета. Все современные любимцы снабжались имплантированными запрограммированными молекулами, которые контролировали их поведение. Летающие создания или мирно жующие млекопитающие соблюдали понятия о приличиях, присущие их хозяевам, потому что понятия о приличиях были определены невидимыми запрограммированными ограничителями поведения.

Меры безопасности, встроенные в программируемые молекулы, были одним из основных предметов дискуссий на сайтах пакостников. За всю их историю отмечалось только три случая, когда пакостник смог обойти специалистов по программному обеспечению. Во всех трех случаях удалось выявить дефекты, развившиеся в организмах. Пакостники заявляли, что компании, внедрявшие импланты, скрывали информацию от широкой публики, но если так оно и было, делали они это весьма успешно.

Первое свидетельство того, что программы снова подвергались взлому, сначала выглядело довольно безобидным. Посетители паркового кафе заметили ящерицу с размахом крыльев в три фута над северо-западным сектором основной части парка. Ящерицу наделили отражающей кожей, выглядевшей золотым украшением в свете парковых фонарей.

Потом ящерица ринулась вниз и, издавая трели, подобно певчей птице, снова взмыла над вершинами деревьев с толстеньким щенком коротконогой гончей, зажатым между передними лапами.

Мне предлагалось выпустить сразу тридцать животных. От белок до лабрадоров-ретриверов. Это означало, что придется совершить три путешествия от дороги до точки запуска на южной стороне парка. Трехмильное кольцевое путешествие. Пять или шесть

клеток на каждое путешествие. Перевозить на ручной тележке.

Я выгрузил все клетки из машины и сложил в ста ярдах от дороги. Потом отправил машину самоходом на парковку в десяти милях отсюда. Рассудил, что пойду к дороге, как только нужно будет убираться отсюда. И вызову машину, когда идти останется примерно с полмили.

Они все продумали. У меня был специальный передатчик, который удерживал на расстоянии парковых птиц-наблюдателей. Они сказали, что парковая система безопасности управляла шестьюстами птицами, избравшими произвольные маршруты полета. Нет никаких признаков того, что птицы изменяют свое обычное поведение.

«Все обойдется, - сказали они мне. - Ты выпустишь животных. Задержишься на сорок пять минут, контролируешь обстановку. И спокойно проваливай. Свободный и богатый».

Новости об атаке поступали частями. У Розы ушло почти пятнадцать минут на то, чтобы понять, что происходит. Но полиция не реагировала нужным образом еще пять минут.

Слоны бродили по улицам. Носороги набрасывались на машины. Миниатюрный тиранозавр-рекс вломился на соседний двор и сожрал стайку декоративных кур, содержащихся за живой изгородью. Собаки и кошки всех пород носились по дворам и улицам, словно преследуемые армией разъяренных ненавистников животных.

- Примерно то же самое он проделал с флоппипетом, - объявила Роза. - Только теперь он вытворяет это с настоящими животными. Полиция считает, что паника распространяется посредством передатчиков, прикрепленных к наземным животным. Копы засекли три носителя: передатчики прикреплены к ошейникам и сбруе.

- Итак, мы имеем дело с людьми, которые могут взломать программное обеспечение домашних любимцев...

- Но внешние передатчики показывают, что у них было немного времени на подготовку. Весь переполох распространяется по площади, приблизительно имеющей форму веера.

Роза показала копию карты на своем дисплее. Желтые точки отмечали сообщения об инцидентах, поступающие от полиции и с репортерских камер. Акулы пера, находящиеся в поселке, ухватились за первые инциденты просто потому, что они встраивались в профиль необычных, возможно, достойных новостных каналов событий, профиль, встроенный в их программное обеспечение. Теперь же торговцы новостями, как и полицейские, начали относиться к беспорядкам, как к полномасштабному скандалу. Комментаторы уже успели раскудахтаться. История перекочевала из местных сетей на каналы, предназначенные для более широкой публики.

Карта, выведенная на дисплей Розы, показывала красную линию, отмечавшую границы региона, испещренного желтыми точками. Общая схема, как она и сказала, имела приблизительную форму веера. Основание приходилось на север общины, а именно - на край парка штата. Веер постепенно раскрывался, по мере того как приходили новые сообщения, но основание оставалось на месте.

- Похоже, мы довольно точно можем определить место, где он выпустил животных, - заметил Вэн.

- Судя по тому, что я вижу, кто-то по-прежнему может там оставаться. Я заметила по крайней мере два места, где носители, вероятно, начали маневрировать в этой зоне, вместо того чтобы просто пройти ее насквозь.

- Отсюда до ближайшей дороги две мили пешком. Пакостник все еще может находиться в лесу, даже если выпустил животных и сбежал.

- Я так и сказала полицейским, - согласилась Роза.

- И?

Роза замялась:

- Мы не знаем, сколько людей в этом задействовано, любовь моя. Вполне вероятно, что пункт освобождения животных мог охраняться вооруженной бандой.

- И что на это ответила полиция? - поинтересовался Вэн. - Они как-то используют информацию?

Канал подачи новостей показал Вэну окрестности дома Бада. Кот, размером с немецкую овчарку, вышагивал по переднему газону. Из его пасти свисала большая оранжевая с красным птица с полураспушенными крыльями. Вэн подошел к окну и присмотрелся. Толпы на другой стороне улицы постоянно пополнялись за счет вновь прибывших. Два трехколесных карта остановились перед домом. Их пассажиры тыкали пальцами в кота и обсуждали событие с теми людьми, кто был с ними связан.

Он передал картинку Розе. Никто из присутствующих не казался чересчур агрессивным. Пятеро развязных юнцов устроились во дворе напротив. Хотя они держали велосипеды наготове, со стороны это походило на обычное любопытство.

- Тебе нужно оставаться с Бадом, - решила Роза. - Мы не знаем, когда копы сюда доберутся.

- Копам не до нас. Им бы с животными справиться. Они ничего не будут предпринимать для поиска источника проблемы.

- Ты не можешь оставить Бада одного. Это наша первейшая задача.

- Возьму его с собой. Я припарковал карт позади дома. Придется попортить клумбы, но мы можем выбраться отсюда и пуститься в путь, прежде чем нас засекут на новостных каналах.

Это был пик моей карьеры. Все новостные каналы трубили обо мне.

Я смог взломать программное обеспечение у половины животных и даже контролировать тех, с кем мог связаться. Лично я считал, что трюк с котом и птицей был просто гениальным. Никто не смел перейти улицу, пока кот стерег газон. Полагаю, люди стояли на почтительном расстоянии, глядя на дом Бада и постепенно наливаясь гневом.

На клумбе цвели желтые осенние цветы. Вэн проехал прямо по ним, не испытывая особых угрызений совести, и направил переднее колесо на ближайшую дорожку, которая вела в северном направлении.

Атака началась уже в сумерках. Вэн не мог видеть новостных птиц в темноте, но знал, что они где-то здесь. Птицы должны были уловить их присутствие, как только они с Бадом поспешили к карту. Бад был так массивен, что решил сесть сзади - на место, служившее одновременно багажным отделением и третьим сиденьем. На голове по-прежнему были огромные наушники.

- Передаю карту, - сообщила Роза.

Вэн повел карт вокруг очередной клумбы. Карт выкатился на дорожку. Вэн отнял палец от джойстика и позволил карту катиться по маршруту, пока сам он не отрывал взгляда от контрольного экрана. При скорости, с которой они ехали, и условия, что они не попадут в пробку, можно предположить, что на триста ярдов уйдет примерно десять минут. Потом придется снова взяться за управление и пересечь поле для гольфа, занимавшее северный периметр строящегося поселка.

Голос Розы звучал деловито и отчужденно. Она прекратила все споры с мужем, когда тот завел карт, но по-прежнему была убеждена, что он «вляпался в нечто полностью непредсказуемое».

Она перенесла карту на все новостные каналы и сайты в своих списках. Прятавшийся в лесу пакостник, скорее всего, узнает, что его обнаружили, но поймет это, едва новостные каналы покажут, что их карт направляется на север, - а это, возможно, уже случилось. Он появится на камерах новостных птиц раньше, чем Вэн до него доберется, если новостные менеджеры решат направить их в ту же сторону.

Вполне логичное решение. Вэн согласился, как только Роза это предложила. Но знал, что она поступает так не потому, что считает это хорошим тактическим ходом. И предложила в надежде, что они узнают имя пакостника раньше, чем муж войдет с ним в физический контакт.

Я сообразил, что новостные птицы, вероятно, охотятся за мной. Но не представлял, что женщина так быстро меня засечет. Я знал, что может сделать ее муж. Знал, что она определила мое имя. Но так и не понял, насколько она хороша в своем деле.

Я общался с людьми ее возраста. Видел, как девяносто-с-чем-то-

летние могут построить двадцатипятилетних, если девяностолетние имели все, что было у двадцатипятилетних плюс шестьдесят лишних лет развития способностей. Но все же недооценил ее.

Но и меня не застали врасплох. Я захватил подходящее для такого случая мешковатое пальто и шляпу с полями, которые могли бы накрыть автомобильную шину. Две различные живые маски. Пусть камеры обнаружат меня, но никто не увидит моего лица.

Я, разумеется, не мог вызвать машину. Но выход был. Дураком меня не назовешь. Пусть я для них мальчишка. Но мальчишка сообразительный.

Вэн увидел свой карт на новостных каналах. Как и ожидалось, он ехал слишком быстро, чтобы птицы сумели его засечь, но кто-то, очевидно, нацелил на них механическую медиасистему.

Другой карт свернул с дороги и занял позицию ярдах в пятидесяти позади их карта. Водитель направил на него камеру, и его дисплей показал новостной канал, предлагавший вид с земли.

Водитель, очевидно, решил проследить за знаменитостью:

- Привет. Это Джастин Деверо. Как видите, я в настоящее время следую за картом, в котором сидят Бад Уэлдон и его неустрашимый страж. Они выскользнули из дома Бада приблизительно пять минут назад, и наш маленький уголок сплетен разразился шумными дебатами, начавшимися через две минуты после того, как мы узнали, что они пустились в путь. Пытаются ли они тайком упрятать Бада в надежное убежище, опасаясь, что все мы обозлимся и взбесимся? Направляются ли в место, определенное на карте женой мистера Леванти, чтобы загнать в угол шутника, подарившего нам незабываемую ночь? Лично я уверен в последнем, учитывая общий образ действий нянечек Бадди. Мое послание Неустрашимому Вэну: я здесь не для того, чтобы обидеть вас. Но не думайте, что можете смяться от меня. Вы привлекли внимание самого Джастина Неумолимого. Куда вы, туда и Джастин.

Второй карт свернул на перекрестке и последовал за первым. Трое пассажиров жизнерадостно махали руками в камеры, словно вели избирательную кампанию для особенно привлекательного политического ведомства.

Вэна Леванти сопровождал настоящий парад. Карты, велосипеды, скутеры, всадники. Конечно, на дороге собралось не больше ста человек. Но процессия на новостных каналах выглядела крайне впечатляющей. Участники не собирались приветствовать меня широкими улыбками, что бы там ни думали о Баде и великом эксперименте. Мне следовало бы улизнуть, как только я понял, что

обнаружен.

Я решил, что смогу продержаться, пока Вэн не доберется до поля для гольфа. Я по-прежнему не появлялся в новостях. Пожалуй, стоит надеть шляпу и первую маску, чтобы быть готовым, когда они меня засекут. Так зачем смываться сейчас, когда веселье в самом разгаре? Можно бы даже решиться на кое-какие маневры, чтобы продлить вечеринку. Я держал одного из носителей в зоне, через которую проезжал Вэн. Заодно с несколькими созданиями, вполне пригодными для игры.

Корова была в половину меньше типичного немодифицированного представителя этого семейства - животное того рода, которое можно держать в домашних любимцах, если хочешь каждое утро иметь запас свежего молока на всю семью. Она перегораживала середину моста через речку, разделявшую поселок.

Вэн нажал клаксон и замахал руками, но корова, разумеется, не сдвинулась с места. Он подтолкнул ее в бок бампером карта, но животное продолжало безмятежно глазеть в темноту.

Что-то большое пролетело с правой стороны его визуального поля. Карт покачнулся. Птица с криком забила крыльями перед лицом Бада.

Вэн выбросил вперед левую руку. Перья хлестнули его по лицу. Пальцы Вэна сомкнулись на шее птицы. Он был правшой, но очень удачно поймал птицу, и сменить руку пока не представлялось возможным.

Взмахи крыльев становились все медленнее. Птица дергалась и изворачивалась, но Вэн держался, пока она не обмякла.

Он уставился на создание, свисавшее с его руки. Впервые в жизни он кого-то убил. С пяти лет он упражнялся в уничтожении виртуальных врагов, но сейчас на самом деле прекратил существование живого организма размером больше клопа.

Вэн огляделся, гадая, что делать, и наконец швырнул труп птицы в ручей. Все той же левой рукой.

Бад уже скорчился на сиденье и погрузился в сказочный электронный мир. Карт, принадлежавший Джастину Неумолимому, остановился ярдах в двадцати пяти. Процессия последовала его примеру.

Вэн вытянул из прорези рукоять ручного управления. Ширина ручья достигала пятнадцати футов. Берег у моста был крутым, но порос травой, и карт мог скатиться под углом, если бы сманеврировал на несколько ярдов вправо.

Я уже знал, что будет, когда Вэн съедет с моста задним ходом. Я подождал, пока его карт оставит мост позади, тогда я сдвинул корову с моста - как раз на нужное расстояние. Если бы он попытался форсировать ручей вброд, я бы поставил корову на

берегу и заблокировал дорогу, когда Вэн попытается выбраться из воды. Я всегда бы смог вернуть корову на мост, откажись он от идеи форсировать ручей. Конечно, рано или поздно он поедет дальше, но я хотя бы позабавлюсь, донимая его.

Вся беда в Джастине, этом борове с камерой. На него я не рассчитывал. Он катился через мост с поднятой рукой, потрясая кулаком в камеру, и остановил карт между мостом и коровой. Вэн повернул назад, к мосту, и я прикинул расстояние, которое ему еще придется проехать. И решил, что настало время начинать процедуру выхода из боя.

Через пять минут после встречи с коровой Вэн свернул с проселочной дороги и покатил по полю для гольфа. Когда он пересек мост, Джастин помахал рукой. Вэн подыграл ему, расплывшись в улыбке, и выставил большие пальцы.

- Они сумели снять противника на камеру, - сообщила Роза. - Вот он.

Вэн открыл дисплей в нижней левой четверти визуального поля. Изображение выглядело так, словно было передано из источника, работавшего ниже уровня деревьев. Он ясно видел фигуру в пальто и шляпе, склонившуюся над грудой электронных компонентов.

- Он оказался почти там, где мы и предполагали, - продолжала Роза. - Почти в ста ярдах к западу от предсказанной нулевой точки.

- Это максимальное увеличение?

- Я прогнала изображение через максимальное увеличение, прежде чем послать тебе. Лучше все равно не будет.

- Знаешь, что это за источник?

- Птица. В этой зоне есть и механический источник, но он слишком велик, чтобы действовать под деревьями.

Вэн сменил место назначения на экране карты. Обвел пальцем маршрут.

- Шесть минут, - сказал он. - Самое большее - десять.

Мои сообщники включили систему саморазрушения в прибор, который дали мне. До чего же противно портить такое снаряжение! Я надеялся, что смогу взять его с собой. Возможно, поэтому и задержался дольше, чем рассчитывал.

Со мной было устройство, отпугивающее парковых птиц. Новостные камеры меня засекли, но я видел, что в парке находится всего одна птица.

Я впервые действовал в зарослях. Нет, я не раз пускался в проделки, в процессе которых приходилось много и долго скитаться, но никогда не делал броска через лес. Однако я знал, что это может произойти, когда составлял планы. Не то чтобы я никогда не видел леса, просто сейчас участок был слишком велик.

- Похоже, он идет не прямо к дороге, - передала Роза.
- И неудивительно. Он слишком умен, чтобы все испортить в последнюю минуту и дать нам рассмотреть номер его машины.

Карт поднялся на холм рядом с концом песчаной ловушки и покатился вниз по длинному скосу, к опушке леса. Свет фар имел малый радиус действия и предназначался только для дорожек. Но Вэн переключился с прямого видения на двухэлементный дисплей. Программа делала более четкой информацию, полученную посредством освещения, и объединяла ее с другой информацией, идущей от карт и визуальных записей, хранившихся в банках данных. Изображение за пределами действия фар было смоделировано, поэтому не следовало принимать его на веру.

- Других камер в зоне по-прежнему нет? - спросил Вэн.

- Я работаю над переходом на аварийный режим. Он, очевидно, использует прибор, не позволяющий парковым птицам его видеть, а значит, в системе наблюдения имеется слабое место или мертвая зона. Это очевидно, поскольку парковая система безопасности содержит ограниченное количество птиц, летающих произвольными маршрутами. Но сейчас я занимаюсь анализом.

Карт скользнул под ветви первого дерева. Он оглянулся и отметил, что ситуация в этом направлении не изменилась. Джастин по-прежнему держался на расстоянии двадцати пяти ярдов. Позади светились фары машин сопровождения.

Я посчитал, что мое положение улучшилось, когда новостные птицы отстали. Немного повиллял из стороны в сторону, чтобы сбить преследователей со следа. На всякий случай. И только потом помчался прямо к цели. До меня не дошло, что женщина сможет отыскать брешь в подаче информации от парковой системы наблюдения. Мои покровители дали мне хороший прибор ночного видения, такой классный, что будь все в цвете, я бы подумал, что иду по широкой дороге при свете дня. Я решил проскользнуть в торговый центр на западной опушке парка, где переоденусь и исчезну в толпе. Конечно, они смогут доказать, что я был в торговом центре, если проследят путь взятой напрокат машины, ну и пусть! Доказательств, что все это натворил я, так или иначе, не найдется.

- Почему вы не посадите меня? - спросил Бад. - Я вас задерживаю.

По мнению Вэна, одним из самых больших преимуществ возраста было то обстоятельство, что с годами он становился все более уравновешенным. Роза тоже заметила, что стала куда более сдержанной. Но даже при всех достижениях в эмоциональном взрослении и развитии Вэн едва удержался, чтобы не обернуться,

когда голос с заднего сиденья помешал сосредоточиться на убегающей под колеса дорожке.

- Я могу посидеть и под деревом, - предложил Бад. - Зачем вам лишняя тяжесть?

Неужели Бад отмечал каждую мелочь все то время, пока был затерян в электронном мире? Значит, это одна из тех вещей, которым учатся в тюрьме? Погружаться в нечто воображаемое, сон наяву, чтобы легче было переносить заключение, в то время как некая часть сознания мониторит окружающее. С тем, чтобы выжить...

- Дело не в тебе, Бад, а в местности. Я, возможно, передвигался бы с большей скоростью, если бы просто вышел и побежал за ним.

- В таком случае, почему бы тебе не поступить именно так? Пока вы гонитесь за ним, я последую за вами на карте.

Вэн нахмурился. Бад вел себя так инертно и пассивно, что Вэн привык считать его бессловесной глыбой. Чем-то вроде переносимого с места на место груза.

Способен ли Бад выйти из защитной раковины и принять на себя часть ответственности после шестидесяти шести лет, проведенных в среде, где все командуют тобой, а ты сам не властен над своей жизнью? И разве не стоит дать ему шанс?

- А ты справишься с картом? Это совсем не то, что ехать по дорожке. Мы можем увеличить силу света, но карт не дает изображения каждой рытвины и выбоины, не говоря уже о древесных корнях.

- Я могу вести его в нужном направлении.

Вэн включил связь с Розой и представил изменения в плане как готовое решение.

- Если парень, за которым мы гонимся, окажется тем самым, я буду продолжать его преследовать, пока он не упадет или не попытается сбежать.

- Только не выпускай его из вида, - посоветовала Роза. - Постоянно помни об этом: не выпускай его из вида.

С физической точки зрения, особого труда задача не представляла. Придется пробежать пять миль до того места, где стоит торговый центр, но я не спотыкался в темноте. И путешествовал налегке: всего лишь сумка на длинном ремне, где лежали две смены одежды и двенадцатидюймовый арбалет плюс устройство для отпугивания птиц.

Поэтому я считал, что все в шоколаде. И так оно и было бы... если бы женщина не задействовала серые клеточки мозга. Я не знал, что Вэн бежит между деревьями, глядя на дисплей карты с серым овалом. Длина овала была примерно двести ярдов, ширина - в половину меньше. И где-то в нем находился я.

Я бы не узнал, что Вэн совсем рядом, если бы он не пользовался

освещением. Красным, но не очень ярким. И свет двигался вместе с ним. Поэтому я и заметил его, когда оглянулся. Я старался уловить шум мотора, но одновременно проверял, что находится у меня за спиной. Никогда не следует недооценивать детали, если участвуешь в большой игре.

Вэн бежал так легко, что даже не запыхался: следствие многих лет занятий бегом. Он начал после тридцати. Прежде чем понял, что достижения медицины помогут ему прожить столько, сколько понравится болтаться на этом свете. Он снял зажим камеры со свитера и приклеил ее на щеку, под левым глазом, чтобы получить возможность более четкого изображения местности. Конечно, это довольно грубое решение проблемы ночного видения. Но в экстренных случаях все сойдет, особенно если помнить - полученное изображение несколько отличается от того, что ты способен увидеть собственными глазами.

И это действительно сработало, тем более что сквозь деревья пробивался звездный и лунный свет. Мистер пакостник находился всего в тридцати ярдах, когда Вэн его заметил.

- Я его вижу. Бежит на запад. Он ярдах в пятидесяти от центра твоего овала, немного слева. Через несколько шагов я уменьшу разрыв между нами.

- Это необходимо?

- Я едва вижу его, дорогая. Но он зря старается. Я его поймаю.

Я знал, что не смогу удрать, уже через пять минут после того, как он появился у меня за спиной. Я много раз натыкался на фанатов бега, еще с тех пор как очутился в детском саду, где псих-воспитатель устраивал гонки на трехколесных велосипедах. Еще двадцать минут - и я начну задыхаться, согнусь вдвое, в боку заколет, а он будет по-прежнему лететь вперед, как заведенный.

Я на всякий случай взял с собой арбалет, но не просто запихал его в сумку. Предварительно все обдумал. И захватил с собой оружие самообороны, которое хранил в квартире, зная, что в любой момент смогу его использовать. На бегу я взвел спусковой рычаг. Оборачиваясь, вложил в канавку болт.

Вэна швырнуло влево, на землю, в холодный осенний запах грязи и мертвых листьев. Он поднял голову и увидел смотревшего на него в упор Керта Дэмила. Это должен быть Керт, потому что он держал в руках арбалет. Керт отвернулся, и Вэн медленно встал. Откинул голову и уставился на ветки. С пиджака что-то свисало. Яркая звезда царила в треугольном кусочке неба. Марс? Юпитер? Следует ли послать запрос?

Женский голос что-то говорил ему в ухо.

- Что происходит? Ты в порядке?

Деревья. Ветки. Лес. Все изменилось, когда ты обернулся. Все изменилось.

- Ты видишь его, Бад? Кто-нибудь видит Вэна?

Мир сдвинулся. Он смотрел на штуку, свисающую с пиджака, и понимал, что это стрела... вернее, болт, если речь идет об арбалетах. Он вытащил болт и уставился на иглу наконечника.

- Я в порядке, Роза. Все хорошо.

- Я слышала стон. А потом - тишина.

На дисплее по-прежнему серел овал. Он не видел Керта, но знал, в каком направлении идти. Сколько времени прошло? Минута?

- Говорю, все в порядке. Я потерял его из виду. Но скоро найду.

Он и не думает сдаваться. Мне говорили, что множество людей сдается, получив укол дезориентатора. Но, очевидно, он не из таких.

Я чувствовал, как сердце выбивается из ритма. Еще немного, и я перестану понимать, где нахожусь. Только в моем случае начну беспорядочно кружить по лесу, теряя сознание из-за недостатка кислорода.

На этот раз я заорал, чтобы он стоял там, где стоит.

«В следующий раз, - пообещал я, - ты точно не встанешь».

Он остановился. Я думал, он увернется, как тогда, но он стоял как вкопанный. Руки взметнулись вверх.

Я понял, что нужно действовать. До этого я ни разу не стрелял в живую мишень, даже в белку, но времени для колебаний не осталось. И лучшего шанса попасть в него у меня не будет.

Я опустил арбалет и, прежде чем он успел понять, что я делаю, выстрелил ему в правое бедро. Это оказалось совсем легко. Нужно было лишь забыть о последствиях, если что-то пойдет не так и болт попадет не в бедро, а еще куда-то.

Он не успел упасть, как я снова побежал. И, по-моему, услышал его крик.

Боль из острой стала вполне терпимой, как только улегся первоначальный шок. На брюках расплывалось кровавое пятно, но он достаточно разобрался в основах первой помощи, чтобы знать: если бы болт попал в артерию, кровь вырывалась бы из раны толчками.

- Мы прибудем минут через двадцать, мистер Леванти, - пообещал старший бригады «скорой». - Подъедем к опушке парка, а дальше - пешком. Лежите спокойно, старайтесь не двигаться. Мы остановим кровотечение, как только прибудем.

- Можно попросить Бада подвезти тебя к ним на карте, - предложила Роза.

- Думаю, будет лучше, если я останусь на месте.

- Судя по вашим словам, рана чистая, - продолжал старший.

В этот момент по деревьям прошелся луч света. Бад выскочил из карта и упал на колено. Его большие мясистые руки нависли над болтом.

- Как вы? Можете немного полежать?

- Все в порядке, Бад.

Бад тяжело поднялся.

- Тогда я иду за ним.

- Ты вовсе не обязан это делать, - запротестовала Роза. - Мы сможем его отыскать. Наличие арбалета доказывает, что это Керт Дэмил.

- Разве Вэн видел его лицо? Сделал снимок? Вам понадобятся неопровержимые улики.

- Однажды он уже воспользовался этим арбалетом, Бад. Должно быть, сейчас мечется в поисках выхода.

- Поздно, - вздохнул Вэн. - Бад уже ушел.

Теперь у меня на хвосте висит еще один помешанный на спорте псих. Не знаю, упражнялся он в беге или нет, зато уж точно каждый день ездил на велосипеде. И сидел в карте все то время, что я пытался удрать от его няньки.

Я мог бы дезориентировать и его. Одним выстрелом. Но уже знал: этот тоже не сдастся. Мне нужна не пара минут. Мне нужно безоговорочное прекращение погони.

Ион не дурак. Знает, что у меня арбалет. Не отставал от меня, но держался под прикрытием. Подумать только, такой здоровяк, а знает, как сделаться незаметным.

Я повернулся, готовый выпустить очередной болт, но он упал на колени и выставил что-то перед собой. Ага, это пиджак: настоящий болт пробьет его насквозь, а вот игла застрянет в ткани, если я применю дезориентатор.

Я сделал две попытки. Это помню точно. Но сейчас дурнота накатывала с такой силой, что цифры путались в голове. Он падал на колени каждый раз, прежде чем я успевал выстрелить. И держал перед собой пиджак.

В последний раз - не знаю в который - я вырвал болт из канавки и поднял над головой, чтобы он увидел: все очень серьезно.

«Этот проткнет тебя насквозь, - пообещал я. - Пробьет пиджак и застрянет у тебя в груди. Встань. Повернись. И беги в обратном направлении».

Я нацелил стрелу ему в грудь. На таком расстоянии не промахнешься. Он знал, что я смогу его прикончить.

Я дал ему еще один шанс.

«По-другому тебя не остановишь, - сказал я ему. - И это мой единственный шанс смыться».

Могу точно повторить, что он сказал, слово в слово:

«Давай, убей меня. Туда я никогда не вернусь. Вместо меня туда сядешь ты».

Роза приличествующим случаю образом тревожилась до того момента, как медики вытащили стрелу и стало ясно, что Вэн может спокойно добраться до больницы. К тому времени как она сама добралась до больницы, пришлось снова проверять дисплеи и бегущие строки аналитических обзоров. Что же до чувств к мужу, Роза, очевидно, перешла в режим укоризненного покачивания головой с видом «конечно-я-люблю-его-но-взгляните-только-за-кого-я-вышла-замуж?!». В этот режим она неизменно впадала, когда ее многолетний спутник делал нечто такое, о чем нормальный человек и помыслить не мог.

- Итак, что вы собираетесь делать с Бадом? - спросила Роза Стаймана.

- Губернатор оценивает ситуацию.

- Обзоры соответствуют прогнозам нашей дочери, - продолжала Роза.

- Первая реакция семидесяти процентов комментаторов - гнев, направленный на людей, которые все это затеяли.

- Нам это известно. Губернатор примет все это в расчет.

- А как насчет участия Бада? Разве это в расчет не принимается? Его поступок - главная тема разговоров.

- Губернатор попросил передать вам обоим его благодарность. Ваша работа произвела на него огромное впечатление.

- Мы рады, что он остался доволен, - вмешался Вэн. - Можете сказать ему, что я вернусь к работе через два-три дня.

- Обязательно скажу, - заверил Стайман и, учтиво распрощавшись, прервал связь.

- Так и вижу их, - заметила Роза. - Стайман, губернатор и все остальные сидят в губернаторском кабинете и ОЦЕНИВАЮТ.

- Я сказал бы, что весы склоняются в пользу Бада. За него голосует большинство, - объявил Вэн.

- Знаю. Но все же.

- У нас по-прежнему есть работа, Роза. Мы по-прежнему здесь. По-прежнему вместе.

Роза улыбнулась. Мягкая улыбка стерла с лица приобретенную с годами суровость. Эту улыбку было дано видеть только Вэну.

- И это главное, - согласилась она.

Должен признать, что едва не пошел на попятный, увидев их реакцию, когда я сказал, что могу опознать только двух связников. Но они продолжали допрашивать меня, требуя сказать больше. А я продолжал твердить, что эти люди были единственными

посредниками между мной и теми, кто все это устроил. Иногда мне приходилось туго. Но им, похоже, было наплевать на законы и правила ведения допросов. Потом мне показали несколько видеозаписей, и я уверенно опознал всех. После этого ситуация улучшилась.

Не знаю, что они сделали с полученными от меня данными. И, возможно, никто не узнает. Полагаю, их использовали, чтобы заключить некую сделку с политическими врагами нашего вечно улыбающегося губернатора. Сделку, которая даст ему лишний козырь, когда настанет время подняться на следующую ступеньку карьерной лестницы.

Пакостников в тюрьму не сажают. Нас ловят, мы делаем то, что приходится. И все это понимают: одна из основных причин, по которым пакостники обычно работают в одиночку. Мы не какое-то секретное общество, члены которого дают клятву держать рот на замке, даже если при этом с них сдирают кожу заживо. Я бы дал им больше информации, если бы она у меня имелась. Но того, что я им выложил, было явно недостаточно.

В новостях долго расписывали мой ножной браслет, подчеркивая, что он может остановить других пакостников, поскольку мы боимся позора. Но это была не обычная проделка. Я позволил себе зайти слишком далеко. Как Бад в свое время. Позволил им соблазнить меня. Однако остановился, пока дело не обернулось трагедией.

Бад был не самым красноречивым в мире человеком. Он был одиночкой еще до того, как его закрыли, и шестьдесят шесть лет заключения не дали ему особой возможности отточить искусство общения с людьми. Но я знал - он не лгал, когда говорил, что мне придется убить его, чтобы остановить. Будь вы там, тоже ему поверили бы. И на моем месте вы отреагировали бы точно так же, когда услышали, каким тоном он обещает, что я займу его место в тюрьме.

Я пакостник. Не убийца. И могу выдержать два года домашнего ареста. Мне нравится думать, что я вынес бы три или четыре года в настоящей тюрьме. Если бы, конечно, пришлось. Но я не собираюсь, подобно Баду, отсидеть в клетке следующие полвека.

Бад Уэлдон был пакостником. Он действительно нагадил людям и заплатил за это по полной программе. Но всё же был пакостником. И попал в беду, потому что набросился на людей, считавших себя в полной безопасности. Но нельзя же, чтобы пакостники разгуливали повсюду, пытаясь убивать пакостников! На что тогда будет похож этот мир?!

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

ВАЛЕРИЙ ГВОЗДЕЙ

ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

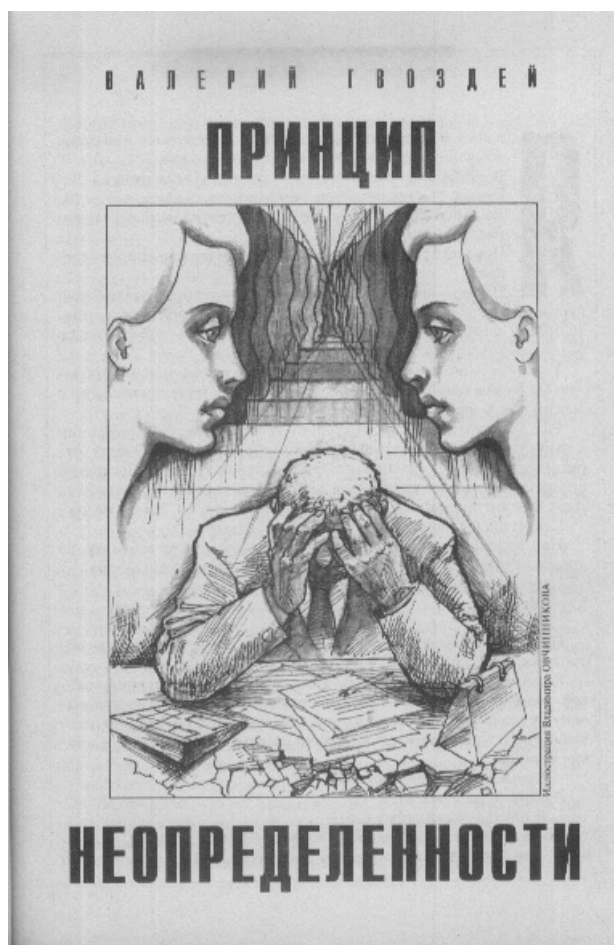

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

1.

Я вошел в головной офис крупной и довольно известной компании уже после окончания рабочего дня.

В лобби только секьюрити. Безлюдье, гулкая тишина. Дежурное освещение. Разлапистая зелень в кадках.

Рослый парень в черном костюме встретил меня и, расшаркиваясь, повел к лифту.

Пока лифт двигался вверх, я посматривал на сопровождение.

Парень - не рядовой охранник. Если телохранитель ближнего круга, то

хозяин ошибся в выборе. Сильный, хорошо подготовленный и с приятной внешностью. Костюм носить умеет. Только очень заметный. VIP-охране это противопоказано.

У меня есть опыт в данной области. Никто сейчас и не предположил бы во мне одного из самых востребованных телохранителей, а я был им в недалеком прошлом.

Род занятий сменил вынужденно. И приложил немало усилий к тому, чтобы не походить на прежнего себя. Изменил прическу, отрастил усы и бороду, стал носить очки. Прибавил в весе. Несколько штрихов там, несколько штрихов здесь... Еще взял другую фамилию. Даже бывшие знакомые не всегда узнают при встрече. То, что надо.

Секретаря в приемной, конечно же, не оказалось.

На массивной двери справа я увидел гравированную табличку, из которой следовало, что за ней - кабинет генерального директора.

Парень осторожно приоткрыл дверь:

- Можно?

- Войдите.

Просторная комната, респектабельная и в то же время строгая обстановка. Двое у стола.

Гостя приветствовал человек в сером костюме, с крупной головой, наголо выскобленной электробритвой. Он так маскировал лысину. А сидел перед начальственным столом. Вряд ли был хозяином кабинета. Сделав почтительный жест раскрытой ладонью, представил хозяина:

- Круглов, Николай Сергеевич.

А потом и себя назвал:

- Я Виктор Михайлович Сухов.

Из-за стола встал немолодой, но молодящийся, успешный мужчина, следящий за собой с заметной тщательностью, в неброской дорогой статусной одежде. Ровный, красивый загар, благородная седина.

Протянул руку:

- Вас рекомендовали как специалиста в области информационной безопасности. С этим проблемы. Я не хочу вдаваться в подробности. Коротко - похищен готовый бизнес-план. Им воспользовался конкурент. Ущерб составил миллионы долларов... У нас хорошо поставлена служба охраны. Люди преданные. Конечно, много технических средств контроля. Просмотр записей ничего не дал. Видимо, изощренный бизнес-шпионаж. Что касается исполнителя, тут - полнейшая неопределенность... «Крота» найти мы не смогли... У конкурента не спросишь: «Друг, без обид - как ты сумел, а?». Вас пригласили, когда наши собственные ресурсы были исчерпаны. Вы понимаете, огласка нежелательна...

Я кивнул:

- Хотите определить, кем была организована утечка информации?

- Вот именно.

- Сначала нужно выяснить, кто имел доступ к ней. Всё, конечно, обговаривалось в ходе внутреннего расследования. Вам неприятно возвращаться к тому, что пережевано сто раз. Но я должен войти в курс... Итак, кто имел доступ?

Глава компании вздохнул с покорным видом:

- Я. Мой заместитель Виктор Михайлович, но лишь частично - по разделам, связанным с его сферой ответственности. И секретарь... Файл в моем ноутбуке. Он не подключен к Сети. Оснащен множеством защит. Никто не сумеет войти в него дистанционно, что-либо скачать. Ноутбук я не оставляю без надлежащего присмотра. Выходя, запираю в сейфе. Кабинет тоже запираю. Дома веду себя так же. Никаких следов проникновения. Чисто.

- Был ноутбук в ремонте?

- Нет.

- Программы лицензионные?

- Да. Все программы инсталлировал сам. Мой ноутбук в идеальном состоянии. Из самых новых и дорогих - одна из лучших моделей.

- А кто собирал для вас данные?

- Множество людей и в разное время. Ни у кого из них целостной картины сложиться не могло. Вряд ли они догадывались, для чего нужны сведения.

- Материалы вам приносили на электронных носителях?

- Только на бумаге. Я знаю, что файл может содержать лишнее, в скрытом виде... После обработки сведения вводились в мой документ. Набирал секретаря, под диктовку.

- А если вы как-то обмолвились в разговоре, выдали свою идею?

- Нет. Мы осторожны.

- Включая секретаря?

- Мой секретарь вне подозрений. Я ручаюсь. Да и не в идее суть. Она как раз доступна, и ее не раз высказывали. Никто не мог найти подхода. А я нашел... План содержал пошаговое описание программы действий... Все мы - одна команда. Все были кровно заинтересованы в сохранении тайны и успехе этого проекта. Не представляю, как...

Он с горечью махнул рукой.

Я спросил:

- Конкурентом ваш план реализован слово в слово?

- Пошаговая цепь действий, операций - на сто процентов.

- А вдруг - невероятное совпадение?

- Использовались нетрадиционные решения, своего рода ноу-хау... Совпадений тут быть не может... Да что говорить, я узнал свой проект. Корпел над ним шесть лет.

- Человек в состоянии запомнить его, хотя бы в основных положениях?

- Что вы... - Николай Сергеевич откинулся на спинку мягкого кресла. -

Это совершенно исключено. Бизнес-план - целый фолиант. Огромные массивы цифр, имен и адресов. Ссылок на документы, с обширными цитатами. Всё там важно, мелочей нет...

- Я бы хотел поговорить с секретарем.

Просьба не вызвала энтузиазма.

- Не стоит. Разбирательство произвело на секретаря тяжелое впечатление.

Что с того? Секретарь - фигура неприкосновенная? А может, секретарша?

Нужно прояснить ситуацию:

- Ваш секретарь мужчина или женщина?

- Женщина. - Круглов поиграл желваками. - Какие-то проблемы?

Ни с того ни с сего - боевая стойка. Вот тебе раз.

Я покачал головой:

- Никаких проблем.

Честно говоря, подмывало добавить: «у меня». Я сдержался.

Возникло подозрение, что Круглов неровно дышит в сторону отсутствующей секретарши. Если спросишь, почему сразу не дал понять, что секретарь - женщина, ответит: во избежание предвзятости.

А рыльце в пушку. Их отношения вряд ли ограничены рамками официальных. Я кое-что знал о нем. Счастливый муж. Отец троих взрослых детей.

Бывает.

- Зачем Светлане Владимировне кусать руку, благодаря которой она живет как в раю? - спросил шеф.

Явно стремился оградить ее.

Опустив взгляд, я невольно подумал, что мужские и женские представления о рае могут варьироваться в довольно широком диапазоне.

2.

Круглов нервничал:

- Секретарь документ набирала под мою диктовку... Она могла видеть лишь фрагмент, с которым мы работали. Целиком проект в руках не держала - только по кускам и с большими временными интервалами... И я говорил с ней о пропаже. Светлана Владимировна тут ни при чем. Верный человек. Она себя всю отдает компании.

Двусмысленная фраза.

- Родственников нет, друзей тоже нет. И секретов никаких. Она же на виду постоянно.

Эк хватил! Даже с учетом неформальных отношений.

- Совсем никого? - решил уточнить я.

Шеф помолчал, хмурясь.

- Ну, как-то она звонила в один город. Я случайно узнал. Выяснил по своим каналам, что у нее там сестра. Но других родственников не имеет, точно.

- А сестру почему скрывала?

- Это личное. Касаться не будем.

Ладно. Хотя у вас тут всё личное.

- Кстати, о личном, - сказал я небрежно. - Если нельзя лицезреть саму Светлану Владимировну, то я хотел бы видеть ее личное дело.

- Опять вы... - поморщился Круглов.

Я бы мог добавить, что интуиция меня выручала не раз. Какой смысл? У бизнесмена - розовые очки.

- Виктор Михайлович, - обратился глава компании к заму. - Не в службу, а в дружбу... У Светланы Владимировны в столе. Кажется, в правом нижнем...

Так. Личное дело хранится не в отделе кадров - в столе у секретарши. Ну и ну.

Сухов вышел. Было слышно, как он выдвинул и задвинул пару ящичков. Через полминуты неловкого молчания вернулся, папку вручил мне.

Я начал ее пролистывать.

В деле сразу обнаружилась нехватка бумаг. И в основном тех, на которых должно быть фото. Причем отсутствовали даже копии страниц паспорта. Их не изъяли из папки - их не подшивали вообще. Нумерация везде сплошная.

Всё отчетливее становилось ощущение махровой липы.

Девушка крепко зацепила шефа.

Наверняка появилась в компании совсем недавно и взлетела стремительно, вызвав ярость в коллективе, на который ей плевать, как любой временщице.

- Где же фотографии? - спросил я.

- У нее тогда не оказалось, при оформлении. А потом как-то... Я ее лицо вижу пять дней в неделю, без фото.

Кашлянув, я начал было:

- Николай Сергеевич, при всем уважении...

- Простите, вы уверены в своем праве делать мне замечания? - вскинулся шеф.

Какое-то время в кабинете было тихо.

Вот ситуация.

Ищите «крота», при этом хозяйскую пассию, главного подозреваемого, не трогайте.

Шеф понимал, что выглядит нелепо.

- Извините, - буркнул он.

Во мне забрезжило какое-то предчувствие, неясное, ускользающее. Но пока трудно было расшифровать сигнал непредсказуемого, словно ребенок-вундеркинд, подсознания.

- Вас не затруднит описать внешность Светланы Владимировны? - отозвался я, надеясь на подсказку зрительной памяти.

- Зачем?

- Вы же хотите помочь нашим поискам истины, правда?

Круглов засопел:

- Все женщины красятся. Я понятия не имею, блондинка она, шатенка или брюнетка. За время работы не меньше двух раз меняла колер...

Нехотя стал описывать.

Стройная, привлекательная. С необыкновенными глазами. С необыкновенной улыбкой... И далее в том же духе. Ничего конкретного.

Шеф мямлил. Зам поддакивал.

Для мужчин характерно. Мужчине описать женщину гораздо сложнее, чем женщине - мужчину.

Как правило, наш брат воспринимает общее впечатление, о деталях редко задумывается. У женщин в таких ситуациях всё иначе, те подмечают частности, которые и формируют облик. Хорошо бы с женщиной поговорить, из сотрудниц...

Вряд ли позволят. Фаворитку в коллективе не любят. Шеф это знает. Да и сор выносить не хочет из кабинета.

Я уже почти не сомневался в том, что «крот» - секретарша-любовница. Хотя из того, что мне рассказали, непонятно, как же она сняла информацию, как передала конкуренту.

- Много знаете о сестре?

- Фамилия другая. Но у женщин фамилия - как цвет волос. Живет в небольшом городке у моря...

Я почувствовал холодок в животе:

- Сестра младшая, старшая?

- Они близнецы. Одно лицо. Выросли в детдоме. Не лучшие воспоминания, конечно...

Вот на что намекал ребенок-вундеркинд. Наверное, и здесь совпадения исключены.

Я прикрыл веки. На мгновение вернулся в прошлое. Картины пронеслись вихрем, как при ускоренной перемотке.

3.

Налево - коридор, направо - коридор. Прямо - лестница, ведущая на второй этаж. Вдоль ее перил - развесистые пальмы в лакированных кадках. Зеленая ковровая дорожка между ними.

Что-то прислуги не видно. Спросить не у кого.

Я поднялся на второй этаж особняка.

Налево - коридор, направо - коридор. Солнце, бьющее сквозь арочные окна. Двери.

И куда мне?

Из ближней двери вышел мужчина с нервным, подвижным лицом.

Вот он, клиент.

Пиджак сливочно-белый, черная водолазка, джинсы радикально голубого цвета. Светло-коричневые туфли. Буду работать на него две недели - за очень приличные деньги. Причем шестьдесят процентов гонорара получены и уже разошлись. На долги, на срочные платежи... Но большая часть денег - на врачей. Клиента спас, однако серьезно пострадал от взрыва, которым его хотели отправить на тот свет. Видимо, это последний контракт такого рода.

Как ни жаль, с последствиями контузии приходилось считаться. Виду я не показывал. А сам понимал, что пора искать другую работу.

Клиент, протягивая руку, шагнул вперед:

- Евгений Реутов. Мне, честно говоря, нравится моя фамилия. Она такая решительная... Скажешь: «Реутов» - и сразу возникает образ. Имя тоже ничего. Там прячется гений... А вас я знаю. Лучше и полнее, чем вам кажется... Идемте.

Мы вошли в просторную комнату с дорогой мебелью. Реутов запер дверь:

- Присаживайтесь.

Он принялся ходить по комнате, готовясь к разговору.

Правильно выстроить деловые отношения с клиентом непросто, между тем это половина успеха. Довольно часто клиент ведет себя как взбалмошная, избалованная дамочка: охраняй меня, а я стану капризничать, стану плевать на рекомендации и ни за что не позволю собой командовать.

Я сказал:

- Для начала хочу выяснить, кто постоянно живет в доме - кроме вас.

- Галкина сестра, Марина, вы ее узнаете. - Реутов усмехнулся. - Горничная Лизавета. Еще Галка, моя жена. До некоторой степени.

- До какой степени? Извините, это профессиональный вопрос.

- Спим в разных комнатах. Иначе было бы невозможно работать с ней. От рук отбилась. Сюда вывез ее вместе с сестрой. Они двойняшки, однойцевые близнецы. Из одной клетки.

- Я могу увидеть вашу супругу? Она где сейчас?

Реутов выдал язвительную тираду:

- Вы наивный! Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, в одно и то же время знать точное положение Галки в пространстве и ее скорость мы не можем. Да уж, либо то, либо другое. Скорость Галки известна - четыре кмэ в час. На шпильках - три кмэ в час. А раз скорость известна, координаты определить нельзя. Гейзенберг

возражает!..

О господи...

Клиент - псих. Скверно.

- Принцип неопределенности - фундаментальный принцип квантовой теории, - пояснил Реутов. - Постулирует невозможность точного измерения координат элементарной частицы и ее импульса.

- Ваша супруга ведь не элементарная частица.

- Напротив, она элементарна... - Вновь губы Реутова изогнулись в горькой усмешке. - В зависимости от обстоятельств, ведет себя то как частица, то как волна. Более того, в мнимой хаотичности своего движения может совершать квантовые скачки.

- Понятно, - кивнул я смиренно.

Клиент был в таком запале, что не мог выразиться просто: «Не знаю, где она мотается».

- Вы должны взять на себя роль «темной лошадки», - сообщил Реутов.

- Для всех в доме и вне дома вы мой ассистент. Надо форсировать исследования, а я не справляюсь. Поэтому выписал кандидата физико-математических наук, ученого того же профиля.

То есть меня. Да уж...

- Чем вы занимаетесь? - спросил я.

- Лишняя информация, - отрезал Гений.

Это не лишняя информация, это - суть, которая определяет всё остальное. И дела обстоят так: либо хорошо поставленная охрана, способная действовать превентивно, либо тайны.

Определяйтесь, господин клиент.

Я задал нейтральный вопрос:

- Где мои апартаменты?

Комната располагалась на том же этаже, рядом с комнатой Реутова.

Устроив свои вещи в пустом шкафу, я вышел на балкон, окинул взглядом окрестности - зеленый пригород уютного приморского городка.

Услышал два голоса. Не услышать было трудно: разговор шел на повышенных тонах.

- Опять?! - едва ли не кричал Гений. - Я бы тоже хотел пошляться! Но это - нельзя!..

- Почему? - возмущенно отозвалась девушка.

- Никаких почему!.. Ты подписала контракт!.. Изволь же выполнять свои обязательства! Еще раз сорвешься - отправлю назад!

- Ты злой!..

- Ты у нас больно добрая!..

- Зачем привез сюда? Мучить?.. Держать в четырех стенах?..

- Много работы, как ты не понимаешь!

- Одна работа! Я хочу кататься на яхте, ходить на танцы, ужинать в ресторанах! Я жить хочу! Знакомиться с людьми, веселиться!

- Как будто жизнь - одни танцы!.. А работа?

- Пошел ты со своей работой!

Их разговор явно иссяк.

Я вышел в коридор, чтобы увидеть номинальную супругу.

Распахнулась дверь. Из нее выскочила блондинка в ярком, излишне коротком сарафане. С прической типа «взрыв на макаронной фабрике».

Чуть не плача, не видя меня, она метнулась по коридору.

Выглянув, Гений проследил за ней, убедился, что номинальная супруга вошла в комнату.

Заметил и меня:

- Видал? Такой цирк устраивает периодически. Ветер в голове.

- Ребенок еще.

- Нашел ребенка... Ей двадцать. - Он вяло махнул рукой. - Я просто в ярости. За Галкой нужен глаз да глаз. Того и гляди сбежит.

Реутов перешел на «ты», и сам, кажется, не заметил. Весь в своих изысканиях. А может, играл в богача, уверенного в своем праве тыкать людям, которые старше по возрасту. Но все в кого-то играют.

- Что за работа у вас с ней? - опять начал я.

- Лишняя информация.

- Ваши тайны меня интересуют в той мере, в какой это нужно для постановки охраны. Я должен понимать, какие опасности вам угрожают, в связи с чем, от кого и когда.

- Не могу сказать. Работа, в общем, секретная. Хоть и не госзаказ. Деньги не из казны, от частного инвестора. Тут всё принадлежит ему, включая дом... Если получится - он и решит, как быть дальше.

- А если не получится?

- На такой случай требуется человек, незасвеченный, квалифицированный...

- Помочь унести ноги?

- Да... Я запланировал серию опытов. Но может не хватить времени. А инвестору нужен результат. Его пока нет. И Галка захандрила... Она думала, что мы сюда не работать, а развлекаться едем... Изучай местность, возможности отхода. Я сброшу тебе файлы. Потом всё обсудим, варианты прикинем... Есть вопросы?

- Почему вы обратились ко мне?

- Ты меня однажды спас - вытащил из-под льда. Я тогда пацаном еще был... Лица ты не помнишь, конечно... И с возрастом я изменился... Когда подрос, стал тебя искать. Нашел. Следил издали. Знал, ты пригодишься. Я тебе доверяю. Ну и квалификация... Наслышан...

Единственную служанку в доме, Лизавету, я увидел в первый же день. Крепкая женщина, лет тридцати, в шортах и майке, надраивала пол в коридоре. Если на ней уборка всего дома - не позавидуешь.

Я поздоровался, не без труда назвал себя ассистентом и спросил участливо:

- Не многовато ли у вас работы?

Женщина выпрямилась, уперев швабру в плинтус. Небрежно, тыльной стороной ладони, поправила завитую прядь и поделилась, тронутая сочувствием:

- Я, вообще-то, повариха. Тут раньше две уборщицы было, из местных. Горничная была. И садовник. Хозяин дал им расчет. У него трудности. Я одна теперь, за всех.

- Постараюсь не мусорить.

Я осмотрел дом, ограду, проверил окна, двери, изучил сигнализацию. Определил слабые места и потребовал их усилить. Конечно, всё пришлось делать самому.

«Тойота», на которой я приехал, стояла в гараже - ей мелькать не резон. Гений выделил мне свеженький представительского класса «мерседес», хотя имелся еще «форд».

Колеса по округе под видом беззаботного туриста, я исследовал окрестности, на каждом шагу сверяясь с картой. Ведь даже самая лучшая карта не всегда может дать представление о текущем состоянии пути. Где-то ремонт, а где-то оползень... Всё нужно проверить и внести коррективы...

Номинальную супругу я рассмотрел за обедом. В глаза бросилось, что зубов у нее во рту, мелких, ровных и белых, не меньше сотни. Она любила их показывать при всяком удобном случае. Галкина сестра-близнец из своей комнаты не выходила.

После обеда клиент завел меня к себе, улыбнулся и указал на стол, где лежал пистолет:

- Твой любимый «стечкин». Можно его пристрелять в подвале. Нам хорошо бы, конечно, обойтись без стрельбы, но... К «стечкину» - три магазина. Думаю, хватит.

Мне очень хотелось выяснить, чем клиент занимается. Это базовая информация. Без нее - как без опоры в пространстве. И я продолжил копать:

- Никогда не думал, что наука может зависеть от девушки вроде Галки... Неужели у нее мощный интеллект?

Гений фыркнул:

- Ее интеллект на уровне ученицы восьмого класса!..

- Поэтому и возникает сомнение в серьезности исследований.

Все-таки я задел Гения. Он начал говорить, с некоторым раздражением:

- Мозг - это передатчик, наши мысли разносятся электрическими сигналами. Но сигналы очень слабые - в милливаттах. И к тому же мозг не способен принимать такие сигналы от другого мозга. Хотя порой и наблюдаются явления, выпадающие из круга привычных. Такое происходит у однойцевых близнецов. Ведь они как два точно синхронизированных приемо-передающих устройства, настроенных друг на друга.

- И к чему сводится ваша идея?

- В квантовой физике принято, что вероятность самых невероятных событий не является нулевой. Положим, два электрона колеблются в унисон, то есть когерентно. В этом случае они сохраняют волновую синхронизацию даже на большом удалении. Даже если их развести на расстояние в световые годы, волна Шрёдингера будет связывать электроны между собой. Когерентные частицы обладают связью - науке пока не подвластной. Всё, что происходит с одной частицей, мгновенно отражается на другой, вне зависимости от расстояния. То же - с близнецами. У кого сильнее, у кого слабее. Жалко, двойняшки рождаются не так часто, как хотелось бы... Из восьмидесяти беременностей лишь одна заканчивается появлением на свет близнецов... У Галки с сестрой, можно сказать, - дар... Галка сильнее как передатчик. А ее сестра Марина - идеальный приемник.

Я опустил взгляд.

Понятно, откуда страхи. Неужели Гений сам верит в то, что говорит?

Ох, чует мое сердце, без стрельбы - никак...

- Расскажите еще о квантовых близнецах, - сказал я, желая поощрить словоохотливость Реутова. - Это интересно.

- Эксперименты я провожу в основном с Галкой. Если специально ей что-то сообщить, для передачи сестре, - ничего не получается. Но если хочет посплетничать, то между ними словно искра проскакивает... Строгие факты передавать трудно... Но всё же есть определенные успехи. Скажу больше, я близок к выработке надежной методики. Осталась пара шагов.

Мой клиент продолжал говорить. Слушая вполуха, я прикинул.

Скажем, один из близнецов внедрен в какую-то секретную контору, а второй находится в другой стране. Между ними осуществляется передача сведений, которую не обнаружить и не перехватить. И это самый очевидный, простой вариант. Наверняка возможны комбинации похитрее.

За это многие ухватились бы. Информацию ведь мало добыть, ее потом еще надо как-то переслать заказчику. Агентов чаще ловят при выходе на связь и передаче сведений... А тут - попробуй-ка выследи...

Жаль, идея мертворожденная.

Клиенту бы не составлять план экспериментов, а уносить ноги, прямо сейчас, не рискуя своей умной головой.

И моей, не умной, тоже.

Пистолет я пристрелял.

Вечером на лестнице я увидел Геню подшофе. Он покачивался.

Я деликатно повел его на второй этаж.

- Лучше сорок градусов в рюмке, чем в термометре!.. - задиристо объявил Реутов.

- Какой термометр вы имеете в виду?

- Любой. Ну, за исключением тех, что отслеживают производственные технологические процессы. Я имею в виду и уличный, и медицинский...

Он боялся. И не хотел, чтобы я заметил.

На другой день после завтрака, идя по коридору мимо открытой двери в одну из комнат, я услышал тихий голос. В комнате увидел Марину, копию Галки.

Та же внешность, та же фигура. Но выражение лица мягче.

Она сидела на стуле, держала фотографию сестры в руках. И, глядя на нее, бормотала:

- Вспомни обо мне, говори со мной...

Ощувив мой взгляд, обернулась. Тут же опустила ресницы, будто смутившись.

- Вы затворница? - улыбнулся я.

Марина смутилась еще больше. Такое впечатление, что мужским вниманием она совсем не избалована, даже не знает, как себя держать. Или ей неприятно, что я застал ее за несколько странным занятием...

Вечером в коридоре меня окликнул Реутов, завел к себе. Тихо заперев дверь, сказал:

- Завтра прием на вилле у инвестора. Вечером. Предстоит разговор, в кабинете. Войти я смогу. А смогу ли выйти? Оружие получишь внутри, от повара. Я отвез ему твой «стечкин» с глушителем.

- Это опасно. Повар не откажется?

- Он мне обязан. Я пристроил его сынков на хорошее место, к инвестору. Они близнецы, однойцевые... В кабинет я тоже ничего не пронесу - обыскивают. Но в случае опасности я подам сигнал.

- Каким образом?

- В пуговицу пиджака встроено миниатюрное устройство. Другая пуговица, на твоём пиджаке, должна завибрировать. Что будет означать - я в смертельной опасности. И можно - всё. Надо убрать охрану у дверей и в кабинете. Из окна прыгаем на клумбу. С боем или как прорываемся к машине.

Я отвел взгляд. Боевик какой-то. В жизни так редко бывает. Уж во всяком случае - не с Гением.

- Дальше я кое-что приготовил. Скажу, когда придет время... Уйдем - ты получишь еще сто пятьдесят тысяч евро. Обойдется без наезда - сорок процентов гонорара, что остались за мной.

- Галка будет на приеме?
- Да.
- Если прорываемся к машине - как супруга присоединится? Она же в доме.
- Галку не тронут. Об этом не волнуйся. Что еще не ясно?
- Говорите, у вас нет денег. Тут же предлагаете сто пятьдесят тысяч. Как-то не вяжется.
- Просто я кое-что скопил.
Украд у инвестора, подумал я.
Сто пятьдесят тысяч евро - неплохая сумма. Недаром Гений уверен, что я стану ради нее убивать.
- Нужен план здания, поэтажный, - сказал я. - И привязка к местности. Еще схема дорог вблизи дома инвестора.
- Точный план не раздобыть. Он есть в разных инстанциях, но, конечно, под контролем. Засветимся. Нарисую, что помню, от руки. А схему дорог получишь.
Я кивнул.
Моя ставка была на то, что инвестор на глазах влиятельных гостей не устроит погоню со стрельбой и взрывами...
Ладно, посмотрим, как получится.

5.

Следующим вечером мы выехали из ворот на «мерседесе». Я сидел за рулем, а Реутов и Галка - сзади. Форма одежды - парадная. Охраняемая парковка у ворот огромной виллы оказалась забита машинами. Гости проходили через арочный металлодетектор, и если он срабатывал, парни в черных костюмах вежливо просили выложить из карманов всё металлическое и пройти еще раз. Я вошел как бы с Реутовым и как бы отдельно. Растворился в толпе. Отыскал на первом этаже кухню, благоухающую гастрономическими ароматами. Сказал, что у одного из гостей-язвенников - пожелание. Ко мне вышел тучный повар в белом. Он сразу понял, что к чему, но спросил для маскировки:
- Чего хочет уважаемый гость?
- Не при всех же...
Повар, взяв под локоток, отвел меня за огромный холодильник. Угол не контролировался ни одной камерой. Вынул из-за спины завернутый в белую тряпку «стечкин». Там были два запасных магазина к пистолету и глушитель.
Сверток я сунул за брючный ремень. Голова у повара соображает. Белая тряпка на фоне белой рубашки. Сверху пиджак. В глаза не

бросится, даже если пола отойдет в сторону.

- Всегда рад помочь, - сказал повар.

Странные тут между людьми отношения.

Повар очень рискует. Если начнется стрельба, а затем - внутреннее расследование, поступок, который он совершил, вряд ли понравится работодателю...

В туалете я развернул тряпку, осмотрел и проверил «стечкин», навинтил глушитель. Два магазина разложил по карманам. Сам пистолет устроил в специальной подмышечной кобуре. Вышел, чувствуя себя увереннее.

А народу была тьма. Немолодые мужчины в строгих костюмах и дамы в вечерних, очень дорогих платьях. Сновали официанты с батареями высоких бокалов на подносах.

На полукруглой сцене выступала группа с длинноногой певицей.

Вскоре я увидел инвестора.

Лицо, как древний, выветренный камень, изрыто оспинками. Инвестор слегка напоминал борова, одетого в смокинг. Но держался величественно. Как-то сразу было ясно - у человека миллионы крутятся на счетах, если не миллиарды. Один из хозяев жизни. С гостями говорил доброжелательно, радушно и в то же время чуть свысока. Постоянно давал ощутить разницу уровней, ступенек пресловутой социальной лестницы.

Настал момент, и Реутова пригласили в кабинет. Я на расстоянии последовал за ним, до обитой натуральной кожей двери.

Галя, одетая в красивое длинное платье, жадно смотревшая на окружающее великолепие, кажется, не заметила ухода супруга.

Пристроившись за колонной, я ждал, когда завибрирует пуговица. Иногда поглядывал на часы.

Прошло семь минут. И я стал подумывать, не сорвался ли план. Реутова уже могли скрутить по рукам и ногам, чтобы сунуть в багажник и отвезти к ближайшему обрыву.

Но вот дверь отворилась, из нее вышел Реутов под руку с хозяином.

- ...Можно сказать - даром, - проговорил Гений с улыбкой, заканчивая какую-то фразу.

Инвестор усмехнулся, но беззлобно и без желания возразить.

По лицу клиента было видно, что переговоры удались. Гений сумел успокоить инвестора и, вероятно, получил новые ассигнования.

Короче - заморочил голову.

Странно.

Боров не из тех, кто может купиться на пустышку.

Я был заинтригован.

Впрочем, какое мне дело? Стрельбы не будет - и ладно...

Гонорар я получил. Надо было уезжать. Но я застрял в городке.

Сидел в кафе.

На стойке переливался красками экран телевизора, а я смотрел в окно, залитое водой. С утра хлестал ливень.

Я был неудовлетворен. Не потому, что сорвались дополнительные сто пятьдесят тысяч - на них я и не рассчитывал.

Осталась неопределенность.

Хотелось расставить точки. Хотелось знать: что лежит в основе проекта Гения Реутова - обман или всё же научная идея?

Мне казалось важным это выяснить. На случай, если вдруг столкнусь с чем-то подобным в будущем. Так что мой интерес имел отчасти профессиональный оттенок.

По шоссе я гнал быстрее, чем следовало. В дождь, при скорости восемьдесят километров в час и выше, на покрышках образуется водная пленка, сцепление с дорогой снижается.

Машину вело, она почти не слушалась.

Казалось бы, зачем рисковать жизнью бесплатно?

«Тойота» летела, разбрызгивая земную и небесную воду. Здешней милиции, видно, лень было за мной гоняться по такой погоде.

На мне серая куртка из непромокаемой ткани. Прежде чем выйти, я надвинул капюшон, прячущий лицо и от струй дождя, и от взглядов. Осмотрелся вокруг - через стекла, залитые водой. Никто не слонялся поблизости.

Ворота оказались заперты на внешний замок, словно дом покинут.

Тронув железную калитку рядом, я убедился, что она тоже заперта на ключ.

Я зашел с тыла, к садовой калитке, воспользовался отмычкой. И осторожно заглянул.

Слышен только плеск дождевых струй, их дробный стук по листьям.

Я выждал минуту. Ничего не происходило. Напрасно я напрягал слух, зрение, в надежде различить сквозь шум воды какое-либо иное движение, какие-либо иные звуки.

Вот будет стыдно, если поймут в чужом особняке.

По дорожке, среди мокрых деревьев и кустов, я подошел к двери черного входа, отпер ее.

Минуту слушал тишину. Потом взбежал на второй этаж, оставляя мокрые следы.

Никого и ничего. Исчезли и люди, и личные вещи.

Исчезли компьютеры.

Н-да...

Означать это могло только одно.

Гений сделал недостающую пару шагов, у него получилось.

Инвестор опробовал методику на тех, кто оказался под рукой, - на сыновьях повара. И выразил удовлетворение. Перевез Гения и девушек в другое место, уединенное, подходящее для тайной, хорошо оборудованной лаборатории.

Девчонки стали очень дорогим товаром. Инвестор уж постарается вернуть, приумножить вложенные деньги с их помощью. Должно быть, и сыновей повара к делу пристроит. И других близнецов искать будет.

Наверное, Гале понравится ампула Маты Хари, она так любит яркую жизнь...

Стоп.

А если всплывет, что Гений рассказал о проекте временному ассистенту?

Чем это обернется?

Меня станут искать, чтобы не дать информации разойтись.

Начать могут с минуты на минуту.

Сутулясь, придерживая капюшон рукой, я вышел под дождь, завел машину.

Всех благ, господа.

Я для вас никто, элементарная частица.

И потому вступает в действие принцип неопределенности.

Вы можете знать мою скорость, но вы не можете знать мои координаты.

6.

С тех пор я интересовался научными исследованиями в этой области. Узнал, что в мозгу есть структуры, известные как микротрубулы, - они демонстрируют квантовое поведение. Так что мозг нельзя свести к простому набору электронных компонентов. Многие в работе мозга имеют квантовую основу.

Можно ли как-то иначе понимать стремительное пронзание, или тоннелирование, обход очереди умозаключений, ведущей от вопроса к ответу? Ведь у нас случаются порой озарения.

Поэтому создание искусственного мозга, интеллекта просто невозможно без выхода на квантовый уровень.

Согласно квантовой механике, одному и тому же фотону в одно и то же время ничего не стоит пройти сквозь два разных датчика на противоположных краях Вселенной.

А в случае с Галей одна и та же информация должна пройти через две головы - не столь уж далекие друг от друга. Всего-то...

Галя.

Я как чувствовал - мы с ней пересечемся.

Наверное, год она будет скрываться, наверное, изменит внешность.

Потом ей дадут новое задание, где-нибудь в другом месте.

Звонок сестре - это прокол, нарушение инструкций. Проблемы с дисциплиной у Гали так и не изжиты. Своенравная.

- Допустим, вы меня убедили, - сказал Николай Сергеевич. - Я не

говоря, что согласен с выводами, которые вы сделали. Предположим, «крот» - мой секретарь. Но как же она могла эту информацию - в значительном объеме, исключаясь запоминание, - извлечь и передать конкуренту?

Я улыбнулся:

- Голь на выдумки хитра, Николай Сергеевич.

Шеф велел привезти секретаршу. Результат не удивил.

Поговорив с кем-то по телефону, Круглов изменился в лице.

Глядя в сторону, известил меня ровным, бесцветным тоном:

- Светлана Владимировна... пока недоступна. Ведется поиск.

Эти слова дались ему нелегко. Шок пройдет, и глава компании хлебнет душевных мук.

Он доверял Светлане Владимировне.

Хотя зовут ее иначе.

Будем считать - заказ выполнен. Работа оказалась не такой уж сложной.

Говорить о специфике той связи, которая существует между сестрами, я не собирался.

Круглову не до того. Уже не молодился и грудь не выпячивал. Огонь в его глазах потух - надолго, может, и навсегда.

Круглов испытал удар, едва ли менее сильный, чем от финансовых потерь. Удар в спину, удар в сердце, удар по самолюбию. Он подавлен. Ему тяжело дышать. Рубашку на себе рвать не будет - защищая репутацию коварной.

- По-моему, канал утечки обнаружен, - сказал я, чтобы напомнить о своем присутствии.

- Да... - вздохнул заказчик. - И ведь набирала текст, не считаясь с личным временем. А я думал - какая самоотверженность...

Вот именно.

Гале ничего не требовалось запоминать.

В процессе набора она сразу передавала информацию о проекте - сестре-близняшке, для спонсора.

Я покинул удобное кресло. Не хотелось видеть, как любимчик Фортуны превращается в развалину.

Круглов тоже поднялся. И даже силы нашел пожать руку:

- Вы заработали свой гонорар. Ценю квалификацию.

Опустив взгляд, я сделал вид, что польщен.

Главное было - вас переупрямить, уважаемый. Ваши подчиненные рисковать не стали. А мне все равно.

Заказчик снова канул в свою боль. Сел, ладонями закрыл лицо. Последняя в его жизни любовь. Остается посочувствовать. Тем временем Сухов извлек конверт из внутреннего кармана:

- Деньги счет любят. Не стесняйтесь, проверьте.

- Не буду. Всего доброго. - Я пошел к двери. У порога обернулся. -

Вопрос. Секретарша была информирована о моем визите?

Николай Сергеевич наморщил лоб, с трудом возвращаясь к реальности:

- Это обсуждалось при ней.

Спускаясь в лифте, рядом с тем же молчаливым секьюрити, я думал.

Вряд ли, планируя мой визит, упомянули фамилию. Но даже если упомянули - фамилия не прежняя, другая. Значит, Галя верхним чутьем взяла.

Что происходит с сознанием квантовых близнецов, с их мозгом, освоившим мгновенную связь на расстоянии, вышедшим на какой-то иной уровень?

Появляются дополнительные опции? Экстрасенсорика?

Предвидение?

Что еще возможно?

И сколько таких близнецов выпустил Гений Реутов за три с половиной года?

Ох, Галя...

Вы можете знать ее скорость, но вы не можете знать ее координаты.

Гейзенберг возражает.

МАЙКЛ КАССУТ

ПОСЛЕДНИЙ АПОСТОЛ

Иллюстрация Вячеслава ЛЮЛЬКО

*...нет ничего сокровенного,
что не открылось бы, и тайного,
что не было бы узнано (Мф, 10:26).*

Сердечный приступ?»

«Нет. Разбился на горном велосипеде. Выскочил на полосу песка, скатываясь с каменистой дороги возле Флагстаффа».

Проверка правописания сгладила ошибки в электронной переписке, не добавив ни красок, ни эмоций. Тем не менее Джо Ликери не мог сдержать невольной улыбки перед неумолимой точностью известия. В смерти Чака Беренса усматривались все характерные для его образа жизни черты: досуг под открытым небом, превышение скорости и полное пренебрежение правилами и ожиданиями других людей.

К тому же, великий боже, тринадцатого апреля прошлого года Чаку исполнилось восемьдесят девять лет (дата запоминалась легко: она совпадала с днем рождения Джо, которому было на три года больше). Джо даже в мыслях не мог взгромоздить свою древнюю задницу на горный велосипед, не говоря уже о том, чтобы проехать на нем вверх, вниз или поперек какой-нибудь извилистой дороги.

«Он был хорошим человеком», - набрал Джон на клавиатуре, стараясь

не всхлипнуть. Слава богу, можно было только писать, а не говорить. Эти внезапные и не поддающиеся контролю эмоциональные порывы посещали Джо уже сорок лет. И по-прежнему досаждали ему. «Все в порядке, папа», - Джейсону, его сыну, было уже пятьдесят девять, собственные дети и внуки... неужели он становится еще более слезливым?

«Церковная служба будет?» - не то чтобы у Джо был шанс посетить ее.

«Родные обещали только гражданскую панихиду. Не иначе решили отправить его прах на Луну», - Джейсон добавил выражающий иронию смайлик.

«Итак, я остался последним».

«И лучшим».

Спасибо тебе за это, сынок. Джо вышел из переписки, предварительно попрощавшись, и откинулся на спинку кресла.

Их было двенадцать в шести лунных посадочных миссиях. Двенадцать человек, переживших это жуткое и восхитительное, едва управляемое падение с высоты шестидесяти миль в похожую на порошок серую пыль на лунной поверхности. Двенадцать человек, открывших хлипкую металлическую дверцу, за которой оказался суровый мир, залитый ослепительным солнечным светом. Двенадцать человек, имевших право произнести приличествующее первооткрывателю первое слово. Двенадцать человек, оставивших свои следы там, где до них никто не ступал.

А точнее, двенадцать человек, у которых по прошествии нескольких лет начались проблемы с глазами, сердцем, руками, легкими, явным образом восходящие ко времени, проведенному на лунной поверхности с баллоном из жесткой металлизированной ткани за плечами. Двенадцать человек, добившихся разной степени известности, в разной степени претерпевая чувство вины перед не дожившими до этой цели - и теми, кто на Земле собственными руками и совершил всю подлинную работу.

Двенадцать апостолов, согласно этой дурацкой книге. Естественно, Джо был знаком с каждым из них. Начиная с Летчика - образцового американского парня из коренных штатов, провожавшего в детстве взглядом самолеты, стартующие с травяного летного поля... потом был Проповедник, исправившийся пьяница и бабник, встретивший Иисуса не на Луне, не в ходе последовавшего за возвращением смертельного марша по кабакам и девкам, но по прошествии многих лет, после неловкой посадки на самолете в качестве пассажира... Визионер, воспользовавшийся своей лунной известностью, чтобы придать неоправданную весомость всяческим штуковинам вроде сгибания ложек...

Еще там был Бизнесмен. И его более сомнительный, менее

удачливый двойник - Акула. А потом Мистик. Доктор. Политик. Хороший Парень. Кадровый Офицер.

И, как всегда, Альфа, первый среди пилотов программы «Аполло» - Чак Беренс.

Джозеф Ликери, девяносто четыре года, пилот лунного модуля «Аполло-506», известный в рамках той же программы под именами Омега или Последний Апостол, пригубил старательно отмеренную порцию водки и позволил себе заплакать - по павшему собрату и старому другу, ну, и по себе самому.

* * *

Через часок Джо решил предпринять прогулку. Решение было отнюдь не внезапным. Он уже достиг того порога в жизни, когда выход из собственных апартаментов стал требовать предварительных приготовлений. Жилой комплекс, в котором он находился в данный момент, представлял собой крошечную спальню с общими удобствами. Примерно такую же площадь он занимал в миннеаполисском студенческом городке, будучи выпускником в 1950-х годах. А ведь мог позволить себе и нечто лучшее - палатку в Северной Калифорнии, с перспективами и садами, рядами книг, слугами и даже большегрудой сиделкой.

На самом деле Джо некогда располагал особняком, а также несколькими привлекательными и внимательными сиделками. Однако с девицами пришлось расстаться, а его дворец в калифорнийском графстве Марин давно снесли, преподав тем самым еще один урок в отношении эфемерной природы земного бытия. Так, во всяком случае, утверждал Проповедник, когда Джо в последний раз разделял с ним трапезу.

Перед прогулкой, а точнее поездкой, Джо предстояло пройти все привычные и мучительные гигиенические и механические процедуры, необходимые в столь зрелом возрасте и предназначенные для контроля за мочевым пузырем и желудком, а также прихватить механизмы, помогающие зрению и слуху вкупе с медицинскими мониторами и постоянно напоминающие об афоризме, который он так часто твердил после своего возвращения: «Легче пройти по Луне, чем выйти на дорожку, ведущую к своему дому».

Запрашивать разрешение ему было не обязательно, однако помощь всегда приятна и полезна. Кари Шифф, свеженькая фея из Канзаса, называвшая себя на базе вторым пилотом Джо, полагала, что ему вообще не следует выходить.

Пока он не рассказал ей о смерти Альфы.

- Тогда позвольте мне сопровождать вас, - предложила она.

- Далеко я не заеду. - По космическим стандартам НАСА такую ложь трудно было назвать значительной.

- Вы уверены? - Кари посмотрела на обоих своих коллег, Джеффордса и Бока. Последний располагал медицинским дипломом, но при этом являлся страстным либертарианцем. Любые сомнения в отношении способности Джо совершить такую прогулку в текущих обстоятельствах, с его точки зрения, были несущественны в сравнении с законным правом каждого человека выбрать время и место собственной смерти.

Однако прогулка совершенно не обязательно должна оказаться фатальной.

- Хорошо, - согласилась Кари. - Надевайте ваш панцирь.

Словом «панцирь» именовался костюм для выходов в открытый космос, жесткий экзоскелет, на поясе разделявшийся пополам. Надеть такой в одиночку было невозможно. Особенно если тебе почти сто лет. Проверка разъемов системы жизнеобеспечения и работоспособности заняла еще некоторое время.

Наконец Джо застегнули «на все пуговицы», примерно также, как в тот апрельский день 1973 года, когда он вышел из переднего люка лунного модуля «Следопыт» миссии «Аполло-506».

Через пять часов после получения от сына известия о смерти Альфы Джо Ликери вышел из десятиметрового сооружения (так называемый «Уютный отель»), в котором обитал с тремя другими астронавтами на базе «Эйткен», расположенной на обратной стороне Луны, чтобы завершить последнюю миссию программы «Аполло».

Проповедник скончался от старческих немощей в 2011-м, в приюте Колорадо Спрингс.

Прозвищами астронавтов наделила Максина Феличе - скандальная швейцарская журналистка, безжалостно преследовавшая их в течение целого десятилетия и в итоге опубликовавшая противоречивый бестселлер под названием «Апостолы». (Чак возненавидел уже само название, о чем сообщил Джо при первой же встрече. «Апостолы? А ты помнишь, что случилось с этими парнями? Одного распяли вверх ногами? Другого сварили в масле? Нет уж, спасибо!»)

Феличе настаивала на своем: по ее мнению, то, что их оказалось двенадцать, не было случайным совпадением.

- Наша миссия несколько отличается, - возразил Летчик. - А у вас получается, что мы служим Богу.

Женщина отмахнулась:

- А что такое Аполлон, как не бог?

Договор, заключенный Джо с «Эйткен Энтерпрайзес», предусматривал девяностодневное пребывание с возможностью

продления. На деле смехотворная неспособность компании обеспечить регулярное расписание запусков предусматривала по крайней мере одно автоматическое «продление» до 180 дней. А когда одному из членов экипажа станции «Эйткен» потребовалось срочно вернуться на Землю, Джо предложил купить его место. Тщательно подобранный персонал офиса волшебным образом согласился, и проблемы фирмы «Эйткен» с деньгами обрели решение на месяц.

В тот день, когда Апостол Альфа разбился на аризонской дороге, Джо Ликери уже 196-й день пребывал на базе «Эйткен», где в основном занимался своим блогом - рассказывал морские истории (станционное трио особенно любило «подлинную» историю смерти Мистика).

Кари Шифф, единственный настоящий космический кадет из троих членов экипажа, даже продолжила заведенную Максиной Феличе игру, спросив у Джо:

- Если вы были апостолами, то кто же тогда мы?

- Трое: любви, то есть льда не имеющих? - фыркнул Бокк. - Разве не так сказано в Послании к коринфянам?

Джеффордс захлебнулся хохотом, и Кари ущипнула его за руку. Действительно, исследовательская бригада проекта «Эйткен» еще должна была обнаружить значительные запасы льда, представлявшие основную цель всего предприятия. Однако пока попадались только следы воды, и приходилось продолжать поиски, посвящать большую часть времени подготовке к очередному выходу на поверхность, проводить в скафандре весь десятичасовой рабочий день, потом приходиться в себя. Им везло, если за каждые восемь дней удавалось совершить два полных цикла.

В паузах они проводили виртуальные прогулки по Луне, гоня по поверхности мини-роверы, чтобы остающиеся на Земле клиенты могли получить собственные впечатления от псевдопребывания на базе «Эйткен». Кроме того, то и дело приходилось проводить тестовые испытания аппаратуры обработки данных, находящейся в Операционном складе - втором сооружении базы, соединенном с «Уютным отелем» надувным туннелем.

Выходя из блока, Джо провел положенную предварительную проверку коммуникационного оборудования, закончившуюся вопросом от Кари:

- Кстати, на тот случай, если будут спрашивать... куда вы направляетесь?

- Как куда? - спросил он. - На место посадки «Следопыта».

Роберт Темпл, Кадровый Офицер, скончался от сердечного приступа в Орландо, штат Флорида, в 2008 году. Он остался на работе в НАСА и после завершения полетов по программе «Аполло» командовал тремя полетами шаттлов.

Джо вернулся на Луну, чтобы заново пережить ключевой момент собственной жизни, суть которого, судя по воспоминаниям прочих астронавтов, либо начисто изгладилась из его памяти, либо полностью не дошла до него. Он представлялся себе неким подобием парашютиста из 101-го десантного полка, вернувшегося в Нормандию через пять десятков лет после дня высадки.

Впрочем, вполне возможно, что открытие, которое они с Альфой совершили во время второго выхода на лунную поверхность, исказило общее впечатление.

Как бы то ни было, те три дня пребывания на Луне впечатались в его память постоянным беспокойством о временном графике миссии, тупым страхом, полнейшим утомлением. Страх начался с того момента, когда посадочный двигатель лунного модуля чихнул при подходе к поверхности - пауза в его работе была настолько аномальной, что хладнокровный и спокойный Чак Беренс, Апостол Альфа, повернул голову внутри круглого прозрачного шлема, глаза его расширились в тревоге, с губ сошло простое, но выразительное словцо.

Однако в классической для Альфы манере ему не пришлось ничего делать. Двигатель вновь вышел на полную тягу, процедура посадки продолжилась, и под действием адреналина оба астронавта обратились к изучению сценариев своего первого выхода. (Чаку надлежало в качестве первых слов произнести: «Ну, папа и мама, смотрите-ка на меня!». Реплика Джо была менее пафосной: «Отличная погода для прогулки».)

Несмотря на то что в день посадки Альфы и Омеги вокруг Луны кружили три ретрансляционных спутника, связь с обратной стороной стабильностью не отличалась. Тем не менее первая семичасовая вылазка прошла как по маслу. Флаг воткнули в грунт. Ровер выкатили на поверхность. Научные приборы расставили.

После двадцати часов бодрствования и крайнего напряжения обоим астронавтам не требовалось никаких снотворных пилюль, чтобы уснуть в тесном и неудобном «Следопыте».

На следующий день - после официальных церемоний и улаживания ряда непредвиденных обстоятельств - они получили возможность забраться в ровер и отправились в путь, в той же самой манере, в которой Альфа разгонял свой Т-38^{*2}, направляя его в синее тexasское небо. Если позволят обстоятельства и местность, по прямой от посадочного модуля их будут отделять шесть километров. Достаточно близко для того, чтобы можно было вернуться назад пешком, если

² * Учебный сверхзвуковой самолет фирмы «Нортроп», используемый НАСА для тренировок астронавтов. (Здесь и далее прим. перев.)

ровер подведет.

Целью поездки служило так называемое Большое Соленое озеро, впервые обнаруженное геологом из штата Юта. Это самое БСО являло собой мини-кошмар в форме печенки размером один на три километра, буквально усеянный скоплениями кратеров и расщелин.

На трехчасовой отметке программы выхода астронавты расставили приборы на первой из двух запланированных остановок, и тут связь с Хьюстоном прервалась на сорок минут. Альфа предложил:

- Эй, Джо, давай скатаем туда.

Туда оказалось затененной расщелиной в скале высотой метров с десять, видневшейся в пяти десятках метров к югу. Расщелина представляла собой вход в пещеру внутри одного из невысоких холмов на дне БСО. Джо, конечно же, знал его. Он помнил окрестности котловины Эйткен буквально фотографическим образом. Узкая и неровная расщелина вела, однако, не в пещеру, а на открытое пространство, которое геологи называли атриумом.

Если бы Альфа спросил: «Что ты об этом думаешь?», Джо ответил бы: «Каждая минута нашего выхода распланирована. Один из геологов уже десять лет хочет посетить это место. И ты предлагаешь нам заняться спелеологией?». Однако вопрос так и остался незадаанным.

Альфа вошел первым, остановился (дело нелегкое при высоком центре тяжести тела и количестве поступательного движения) и спросил:

- Видишь что-нибудь?

- Что я должен увидеть?

- Цвет. Любой, кроме черного или серого.

- То есть окисленную почву?.. Дерьмо! - Тут Джо поскользнулся и упал на руки. В условиях лунного тяготения даже в скафандре и с ранцем системы жизнеобеспечения, весившими больше, чем он сам, ему легко и без всякой помощи удалось подняться на ноги.

- Этот мой знакомый из Лаборатории реактивного движения заметил вспышку света на одном кадре пленки, когда ее обрабатывал. - Чак остановился и повернулся налево, затем направо, широко поводя рукой и преодолевая при этом суровое сопротивление скафандра. - Сюда!

Джо моргнул. А потом поднял забрало шлема, чтобы глянуть без фильтра.

- Ты хочешь сказать: «Туда».

Джо не был уверен в том, что именно видел: может быть, просто розовую вспышку, результат воздействия на зрительный нерв быстрой солнечной частицы - однако причину эту, по его мнению, можно было отбросить. Черт побери, вот единственный не запланированный заранее момент во всей полетной программе. Радуйся же!

Подпрыгивая и подволакивая ноги, они перебрались к затененной

стороне валуна размером с автобус.

- Может быть, лед? - предположил Чак.

В тени, под защитой гранитного выступа, бог весть сколько тысяч, миллионов, а возможно, и миллиардов лет покоилось нечто, напомнившее Джо руины римской виллы, увиденные им во время студенческой экскурсии в Геркуланум.

У субстанции этой были не просто кристаллические грани, хотя даже в первом адреналиновом пылу открытия он был готов рассмотреть их естественную природу. Однако объект поразительным образом казался ему... искусственным. Бесспорно, ничего подобного найти на лунной поверхности они не рассчитывали. (По прошествии многих лет, наблюдая за разрушением планеты Криптон в первой серии «Супермена», Джо буквально поднялся со своего места в кинотеатре, думая, что смотрит на коралл Эйткена.)

Молчание нарушил Альфа:

- Сколько времени осталось до выхода на связь?

Контакт с Центром управления должен был начаться через семь минут.

- Давай-ка возьмем образец. И никому ни слова.

Джо готов был завопить в знак протеста. Однако, с точки зрения НАСА, они должны были уже отъехать отсюда. Зачем ставить под угрозу выполнение всей дневной последовательности операций, забрасывая эту «гранату» в план работ? *В случае сомнений не предпринимайте ничего.* Возможность еще раз глянуть на этот объект будет и после возвращения на борт «Следопыта». Получив разрешение центра, они могут вернуться сюда в ходе третьего выхода на поверхность.

А вдруг это открытие века?! И оно оправдывает всю лунную программу «Аполло»!

Тем не менее три года тренировок - и двадцать пять лет исполнения приказов - возымели свое действие. Ничего не ответив, Джо просто протянул руку к инструментам.

Они быстро отбили несколько граненых выступов и набрали обломков.

- Интересно, - проговорил Джо, понимая, что его могут услышать. - Твердое вещество слюится как слюда, а обломки похожи на коралл.

- «Хьюстон-506», проверка связи. - Чак провел сеанс в четкой манере, заодно служившей предупреждением.

«Ничего не говори. Ты работаешь на меня».

Бизнесмен пропал у берегов Флориды в 1999 году.

Все двенадцать Апостолов собрались в одной комнате впервые после завершения программы «Аполло» в ходе интервью для

документального фильма по книге Феличе. Девять лет сгладили былые распри. Они отобедали, сыграли в гольф, а потом допоздна выпивали, как встарь, обмениваясь историями, которые Альфа называл «морскими».

И Джо, ныне председатель Бюро экспериментальных систем, поведал сокровенное. Хороший Парень и Акула, в Хьюстоне будто бы и не знавшие его имени, не перебивали.

И тогда с подачи Альфы в последний вечер, проведенный ими в гостинице в Глендейле, Калифорния, Джо поделился секретом эйткенского Коралла.

- Сукины дети! - Политик пытался спрятаться за улыбочку. - Неужели вы не понимаете, насколько трудно в наши дни продать пилотируемую космическую программу? Вы могли бы избавить меня от уймы трудностей!

В разговор немедленно вступил Мистик:

- Вы обязаны обнародовать это открытие! Боже мой, это создаст совершенно новую парадигму!

Тут Акула и Бизнесмен дружно фыркнули. Трудно было сказать, кто из них вложил в этот звук больше презрения. И вообще, что за штука такая - парадигма?

Перед голосованием, предложенным для разрешения проблемы, Проповедник твердил об осторожности:

- Откуда вам известно, насколько все это реально?

Высказался и Летчик:

- А вы исследовали эти камни?

Визионер пожелал узнать, где они хранятся. Кадровый Офицер, как всегда, пребывал в глубоком молчании. Были и другие точки зрения, а Хороший Парень сохранял нейтралитет.

Поднятые руки засвидетельствовали ничью - 5:5.

Джо повернулся к Альфе, который подвел итог:

- Парни, благодарю вас. Как говаривал Джеб Пруэтт, всякий раз, когда мы запарывали задание, мы обыкновенно делали это «по здравом размышлении». Мы рассказали вам обо всем, потому что хотели услышать ваше мнение. Однако решение за нами. Джо?

Джо испытывал низменное чувство удовлетворения. Впервые в истории их рабочих взаимоотношений Чак Беренс предлагал ему высказать собственное мнение!

- Думаю, не стоит пороть горячку. Здесь требуется целый комплекс исследований. Если это действительно что-то значимое, несколько лет задержки не повредят. А если ошибаемся, то хоть не вляпаемся в кучу дерьма.

Альфа не стал возражать. Голосование Апостолов завершилось со счетом 7:5 против открытия.

Другого собрания всех двенадцати Апостолов уже не произошло.

Альфа всякий раз каким-то образом умудрялся отменять их. А потом смерть начала вносить свои поправки...

Герман Полски, Политик, умер от сердечного приступа слишком уж молодым. Через три года после встречи в Техасе.

Даже на базе «Эйткен» Джо все еще приходилось слышать: «А каким образом вы оказались на Луне?»

Задававшие подобный вопрос не представляли, что ответ можно дать только в три этапа. Первый: «Однажды мне позвонили из НАСА и сообщили, что я попал в число выбранных ими астронавтов и что мне надлежит доставить свою задницу в Хьюстон пятнадцатого января».

Шаг номер два состоялся шесть лет спустя. Дело было в понедельник, за десять минут до утренней летучки. Двумя днями ранее Летчик и Проповедник плюхнулись в море после первой высадки на Луну в ходе 501-й миссии.

Чак Беренс пригласил Джо в свой кабинет:

- Джеб намеревается назначить меня командиром дублирующего экипажа для третьей высадки.

- Поздравляю. - Джо не мог отделаться от ощущения, что всякий успех другого астронавта каким-то образом сокращает его собственную жизнь.

- Хочешь лететь со мной?

- Пилотом лунного модуля?

- А кем же еще?

- О'кей.

Чак приподнял бровь:

- Джо, ты подлый сукин сын. Когда я получил свое назначение на Джемини³, то, пожалуй, мог бы вылететь на орбиту без ракеты.

- Я жду уже шесть лет. Целая куча времени.

Третий этап был наименее впечатляющим. Джо и Чак провели целый год в качестве дублеров Акулы и Мистика. Оба они, Джо и Чак, как раз

³ * «Джемини» (англ. *Gemini*) - космическая программа США. Космические корабли серии «Джемини» продолжили серию кораблей «Меркурий», но значительно превосходили их по возможностям (два члена экипажа, большее время автономного полета, возможность изменения параметров орбиты и т.д.). В ходе программы были отработаны методы сближения и стыковки, впервые в истории осуществлена стыковка космических аппаратов, произведено несколько выходов в открытый космос, установлены рекорды длительности полета. Суммарное время полетов по программе составило более 41 суток, а время выходов в открытый космос - около 10 часов. Опыт, полученный в ходе программы «Джемини», был использован при подготовке и осуществлении программы «Аполло».

наблюдали за их приводнением (малость корявым в результате отказа одного из трех парашютов) из Центра управления полетами, когда Джеб Пруэтт повернулся к ним и сказал:

- Вы назначены на 506.

Именно в этот момент Джо мог бы вылететь на орбиту, а возможно, и добраться до самой Луны - без ракеты.

Однако ключевое решение было принято раньше, когда Альфа пригласил его в свой экипаж.

- Прежде чем ударить по рукам, приятель, надо согласовать одну вещь. Начиная с этого дня, ты получаешь приказы только от меня.

- А от кого же еще?

Чак расхохотался, даже лицо его покраснело.

- Джо, Джо, Джо... вся причина того, что ты стал правым крайним в этой команде, заключается в том, что ты слишком уж независим! И это известно всем. Нет, ты не забываешь о субординации. Ты просто знаешь больше, чем все остальные, и не сомневайся, что это понимает и тот, на кого ты работаешь. Но мне подобное не по нутру. И я признаю здесь и сейчас, что, судя по коэффициенту интеллекта и всему прочему, тебе следовало бы быть моим командиром. Черт побери, ты знаешь лунный модуль лучше кого-либо другого. У тебя научный склад ума, чему я вовсе не завидую. Однако, начиная с этого мгновения, я требую от тебя слепого повиновения. Если я скажу тебе садиться вручную, ты сделаешь это. Если я велю тебе снять штаны и наложить кучу перед Белым домом, ты исполнишь мое приказание. Если я буду ошибаться, а в некоторых вопросах я, вне сомнения, буду ошибаться, ты выполнишь всё. И если мы погибнем по моей вине, то или мне не следовало быть командиром, или Вселенная стала против нас. Я хочу, чтобы ты был инструментом. И никогда не напоминал мне, что думаешь быстрее меня, что умираешь от желания предложить мне свое блестящее решение.

Всего две секунды потребовались Джо Ликери на то, чтобы переменить свою личность и судьбу.

- О'кей.

Джесси Кинг, Акула, командир трудной 503-й миссии. Тогда двигатель взлетной ступени выключился слишком рано, заставив командный модуль нырнуть вниз ради спасения экипажа. Акула умер от рака легких в 1990-м. «Отличный карьерный ход», - с жестокой иронией отметил Альфа. Финансовая карьера Акулы закончилась вместе с ним. Если бы он остался жить, то попал бы под суд за мошенничество.

Теоретически, выбор места посадки лунного модуля шестой миссии был произведен уже давно. От относительно удобных Моря

Спокойствия и Океана Бурь внимание перемещалось к более вызывающим высокогорьям, подобным кратеру Фра Мауро и борозде Хедли - местам посадки, отвергнутым для первых миссий. Уже казалось, что Чаку и Джо предстоит опуститься на равнину Кейли... но состоялось плановое заседание, на котором присутствовали директор центра, менеджер программы из штаб-квартиры, научный руководитель и два десятка штабистов и прочих начальников.

А также Чак и Джо. То утро они провели в воздухе, в Т-38, и Чак настоял на том, чтобы явиться в пропитанных потом летных комбинезонах. С опозданием на десять минут.

Доктор Роу, директор центра, не замедлил прокомментировать их выходку:

- Должно быть, вы, ребята, ошиблись поворотом на пути в имитатор?

- Да или нет - зависит от того, что мы здесь услышим, - ответил Чак, пододвигая к себе пару стульев, настолько близкую к переднему ряду, насколько мог дотянуться.

Роу, под отеческой внешностью которого таился строгий инженерный ум, бросил косой взгляд на генерала Шилдса, далеко не благостного менеджера программы «Аполло». Тот просто сказал:

- Слушаем тебя, Чак.

Улыбаясь, Чак направился к карте Луны и последовательно постучал пальцем по Морю Спокойствия, Океану Бурь, кратеру Фра Мауро.

- Мы были здесь, здесь и здесь. А через год побываем и здесь.

Он снял карту с подставки и перевернул. Тыльная сторона ее была чиста.

- Забавно, но меня всегда учили, что у Луны есть обратная сторона, пусть и не видимая нами.

Джо, любитель научной фантастики, пересказывал Чаку рассказ Азимова, утверждавший именно это. В кабинете стояла тишина, если не считать постукивания карандаша в руках генерала Шилдса.

- Ближе к делу, полковник.

- Программа «Аполло» подходит к концу, мы потратили двадцать миллиардов долларов и посетили какую-то часть одной половины этого мира. Передней половины. Легкой половины. Как там говорил президент? «Неужели мы взялись за это дело потому, что его можно назвать легким?»

Комната взорвалась возгласами. «Как будем налаживать связь с обратной стороной?» «На складе ВВС в Лос-Анджелесе пылится целая партия небольших коммуникационных спутников. Можно помещать их в служебный модуль на следующих трех посадочных миссиях...»

Чак понимал, что хватил через край, но таков был его стиль: проси Луну и хватай, что дают.

Ничего не изменилось - в тот самый день.

Но через семь недель было озвучено объявление НАСА: шестую и

последнюю лунную миссию посвятят попытке посетить котловину Эйткен.

Лен Кэски, военный хирург, переквалифицировавшийся в летчика-испытателя, известный всем как Доктор, скончался в 2007 году, через шесть лет после парализовавшего его инсульта.

Только в бессонную вторую ночь они оказались в уединении, позволившем переговорить об открытии.

- А знаешь, забавно... - начал Чак. - Нас трое в четверти миллиона миль от остального человечества - причем один болтается над головой в другом корабле, - и мы опасаемся подслушивания.

- Ага, забавно.

Чак постучал босой ногой по ящику с образцами.

- Как ты думаешь, что это такое?

- Розовый коралл.

- Однако значение может иметь даже нечто настолько простое, как коралл, верно? Но это никакой не коралл. Не с такими гранями. Кто-то *сделал* этот предмет.

- Или этот предмет *был* кем-то, - предположил Джо. - Возможно, телом кристаллического разумного существа.

- Опять ты со своими научно-фантастическими идеями. - Чак прикрыл глаза. - Я знаю только одно: если об этом предмете вырвется хотя бы слово, на Земле уйма людей надует в штаны.

Джо не стал информировать Чака о том, что, увидев коралл, сам налил в памперс от радости.

Третий выход на поверхность Луны прошел столь же рутинно, как и все остальные. Несколько часов спустя, закупорившись в «Следопыте», они включили взлетную ступень и начали путешествие домой.

Состыковавшись с «Конестогой», они переправили в корабль образцы и оборудование, и Джо вплыл в лунный модуль, чтобы бросить на него последний взгляд перед отстрелом взлетной ступени.

Общая тяжесть полета, тренировок, тайны, всей жизни обрушилась на него. Он зарыдал.

- Джо, с тобой все в порядке? - Дон Берринджер, пилот командного модуля, сквозь люк смотрел на него, согнутого пополам, плывущего в воздухе, сотрясаемого рыданиями.

- Заткнись, Дон. - Чак тоже видел происходящее... и осторожно прикрыл крышку люка.

Через пять минут Джо успокоился. Он завершил положенные проверки, сложил в модуле пакеты с фекалиями, которые Берринджер накопил за три дня пребывания в орбитальном уединении, позволил себе последний взгляд из треугольного окна «Следопыта» на

скользящий под ними унылый лунный ландшафт.

Чак вплыл в модуль, закрыв за собой крышку люка:

- Готов сплясать?

- Ага. - Джо заметил пакет с образцами в руке Чака. - Что это у тебя?

- А как ты думаешь?

- И зачем ты принес его сюда?

- Хочется оставить его здесь. Отправить в путешествие вокруг Солнца на ближайšie десять тысяч лет.

После отделения от «Конестоги» «Следопыт» должен был выйти на гелиоцентрическую орбиту.

Джо по-прежнему пребывал в режиме покорности:

- Второй экземпляр, будьте добры.

Чак снова рассмеялся:

- Не могу тебе его предоставить. Но не хочу широко транслировать новость. Пока. Как нас учили во всех инструкциях: если сомневаешься, ничего не предпринимай. И скажу тебе откровенно, дружище, я действительно не знаю, что с этим делать.

- Тогда лучше переложи его в коробку с личными вещами. - В этих ящиках астронавты держали семейные реликвии, почтовые открытки и памятные медали.

Чак подмигнул и прищелкнул языком в знак высшего одобрения. На сем обсуждение и закончилось.

Хороший Парень, Флloyd Брэшир, умер от рака простаты в 2019 году.

Ящик с личными вещами принес и кое-какие проблемы. Послеполетная проверка включала взвешивание, показавшее, по терминологии НАСА, «значительное расхождение», которое Чак уладил, убедив проводивших взвешивание сотрудников в том, что поместил туда в качестве сувенира свои лунные перчатки.

- Не выбрасывать же за борт, сами понимаете...

Затем он повернулся и отправился с положенным отчетом в кабинет Джеба. Каким-то образом Чаку и Джо удалось выйти из центра с так и не открытыми личными ящиками.

Возник еще один вопрос во время послеполетного отчета. Геолог из Юты зазвал недавних луноходцев на кофею и спросил:

- Кстати, ребята, а не случилось ли вам съездить к этим холмам в БСО?

- Боже, Ник, мне так жаль. Во время первой паузы связи мы были футях в десяти от этой пакости. Мы заглянули в щель - так, Джо?

- Именно, Чак.

- Прямо в устье расщелины. Однако почва под ногами показалась нам слишком рыхлой, а стенки тесноватыми и зубастыми, если вы

понимаете, о чем я. - Тут Чак понизил голос и наклонился поближе к геологу, - Я испугался, что свалюсь мордой вперед и разорву костюмчик. Не стоило производить на пятьдесят миллионов людей подобное впечатление.

Ни один из этих ученых сухарей, никогда не покидавших Земли, в подобной ситуации не стал бы сомневаться в мнении астронавта - во всяком случае открыто.

Вот так и завершилось расследование.

Но не дискуссия.

Пять лет спустя, когда Джо впервые посетил Хьюстон в качестве гражданского лица для прохождения ежегодного медицинского обследования, ему сказали в клинике, что Чак только что прошел положенные процедуры. Естественным образом Чак должен был оказаться в Хьюстоне примерно в то же время, ведь точкой отсчета для медиков являлся этот самый общий день рождения. Как ни странно, Чак оставил для него записку: «Встречаемся завтра в оперативном отделе в 08:00 утра».

Оперативный отдел вместе со всем воздушным флотом НАСА находился на базе ВВС «Эллингтон», расположенной в пяти милях от медицинского комплекса. Каким-то образом Чак уговорил тамошнее начальство предоставить им с Джо Т-38 для воздушной прогулки.

Только когда они оказались в воздухе, пробиваясь сквозь облака подступавшего с Мексиканского залива шторма, Чак нарушил обыкновенное для себя радиомолчание:

- Пятьсот миллионов лет.

- Чего?

- Пятьсот миллионов лет тому розовому кораллу, который мы обнаружили в котловине Эйткен. Загадочному объекту, который мы с тобой нашли на Луне и продержали столько лет в тайне. Ему пятьсот миллионов лет.

- Не слишком большая древность по лунным стандартам. По последним сведениям старушке четыре миллиарда лет. Или... пять.

- Джо, этот коралл с *Земли*.

Благодаря многочисленным связям и обходным ходам Чак сумел испытать образцы в трех разных организациях. Возраст, состав, датировка - все испытания дали один результат: подобный материал можно было найти на дне земного моря пятьсот миллионов лет назад.

Сама информация эта ничего не изменила - Альфа и Омега как и прежде хранили молчание, - однако дала ход дискуссиям между Апостолами. За последовавшие три десятка лет собственными усилиями и в беседах с Визионером, Акулой и Пилотом, Джо сумел разработать концептуальную модель созданий, способных оставить розовый коралл в котловине Эйткен.

По меньшей мере амфибии, возможно, даже чисто водные существа.

Земля за пять сотен миллионов лет до Христа - эта вот сине-белая сфера, которую видишь с Луны, - была совершенно неузнаваемой: континенты на ней теснились друг к другу, образуя суперконтинент Гондвану. Нынешняя Антарктика была свободна от льдов, и возможно, даже являлась родиной этих существ.

Впрочем, цивилизация, достаточно развитая, чтобы произвести хотя бы один полет на Луну, по логике, должна располагать чем-то большим, нежели наличие просторной поверхности суши.

- Почему ты так решил? - спросил Акула. - Какие у тебя основания для подобного заключения?

Визионера в большей степени смущало отсутствие свидетельств существования цивилизаций в далеком прошлом Земли. Здесь Пилот обнаружил неожиданно глубокие познания в области археологии и геологии:

- Какая часть нынешней суши, которую можно видеть и раскапывать, находилась над поверхностью воды в те давние времена? - И прежде чем Визионер успел предложить приблизительную оценку, проговорил: - Менее пяти, а может, всего два процента... если вообще не ноль.

- Так что если пять процентов территории, населенной этим коралловым народом, сейчас находятся на суше, искать их придется, быть может, в Андах или посреди пустыни Такла-Макан?

- А то и в Албании, - под общий хохот предположил Акула.

- Мы находим следы прошлых цивилизаций во многом потому, что копаем там, где они жили. К тому же возраст этих цивилизаций не превышает десяти тысяч лет.

- Однако динозавров находим, - с обычным для себя упрямством заметил Визионер (выходец из фундаменталистской семьи, насколько помнил Джо).

- Случайно, - заметил Джо. - Кроме того, когда жили самые старые из динозавров? А это кембрий, начало палеозоя.

- Как минимум, - согласился Акула.

- Однако мы обнаруживаем ископаемых, когда о динозаврах и речи не было. Правда, все они очень маленькие. Но ведь должны же быть какие-то признаки, черт, ну не знаю что... может быть, горшки? Или что-то вроде вилки? Аналог нефтяной вышки или даже храма?

- Я тут сделал кое-какие выкладки, - заметил Джо. - Помните, что говорил Хайнлайн: «Поверхность Луны равна поверхности Африки. И наши миссии обследовали только окрестности Кейптауна».

- Если предположить, что коралловый народ обитал в Антарктике, явно слишком небольшой для него, то мы успели порыться в земле лишь на территории меньшей, чем занимают «Восток», «Берд» и еще с полдюжины полярных станций: всего около сотни квадратных миль.

- Однако в итоге все это - вопрос веры. Слишком скудна основа для предположений...

- Один образец? Конечно, но если взять эту скудную основу и как следует накачать ее...

- ...получается свидетельство того, что земляне посещали Луну еще за полмиллиарда лет до вас обоих.

- И всех прочих. - Акула не упускал возможности напомнить собеседникам о том, что программа «Аполло» является именно программой, а не отдельным событием, подобным перелету Линдберга.

- Я полностью удовлетворен данным заключением, - проговорил Визионер. - Что делает эту находку эпохальной! Подобной находке Ноева Ковчега или части Истинного Креста! Почему не предать ее гласности?

- Потому что мы с Чаком так и не можем понять, как она повлияет на всю космическую программу. - Джо простер свою руку к Акуле. - Шаттл летает, космическую станцию строят, планы исследований Луны уже нашли свое воплощение на чертежных досках.

- В данный момент все прекрасно! Это как если тебя, находящегося в прекрасной форме, вызывают к врачу - лучшего впечатления ты просто не можешь произвести, только худшее.

Упоминание об авиационных медиках, особенно в отсутствие Доктора, решило вопрос. Джо почти поверил этому.

Летчик умер от опухоли мозга в Сиэттле в 1994 году.

В апреле 1998 года Джо, явившийся в Хьюстон на очередное обследование, заглянул в гостиницу «Кингс-инн», находящуюся прямо у ворот Космического центра имени Джонсона. На телефоне в его комнате моргал огонек, сигнализовавший о послании Чака - старого доброго Альфы, - приглашавшего Омегу, то есть Джо, сегодня заглянуть к нему домой.

За время всего знакомства Джо никогда не бывал в гостях у Чака. Оба не ощущали потребности: Джо полагал, что успел навидаться с ним на две будущие жизни.

Альфа и его третья жена Лори занимали апартаменты с тремя спальнями в доме, находившемся в устье так называемого Чистого озера (во-первых, далеко не чистого, и, во-вторых, отнюдь не озера) в огороженном доходном доме, принадлежавшем Акуле.

Несмотря на летный мундир и авиационное прошлое, Альфа увлекся парусным спортом и купил сорокафутовый шлюп, которому дал имя «506». После подобающей случаю выпивки и раунда морских историй они отправились в море.

Сразу же стало ясно, что, будучи природным авиатором и астронавтом, Альфа являлся абсолютно сухопутной крысой. Джо, естественно, выглядел ничуть не лучше, поскольку предпочитал воду

или в бассейне, или в виде кубиков для коктейля. Единственное его преимущество заключалось в том, что на роль моряка он не претендовал.

После долгой и безуспешной возни с парусами и снастями «506» направился по выходящему в залив судоходному каналу на машинной тяге. Мимо пролетали настоящие моряки, белые паруса хлопали на ветру, капитаны с ехидцей салютовали - пока им не удавалось прочесть название на борту яхты и заметить, кто управляет ею. Тогда почтительно поднимались пивные бутылки, а девицы принимались энергично махать руками.

- А что, - молвил Альфа, - хорошо уже то, что нам не пришлось идти под парусами до котловины Эйткен.

Они вышли в залив, и желудок Джо немедленно возмутился.

- Давай-ка принесу чего-нибудь. - Оставив Джо у штурвала, капитан Альфа спустился в каюту, однако появился из нее отнюдь не с бутылочкой драмамина.

В руках он держал чемоданчик.

- В дорогу собрался? - попытался пошутить Джо, преодолевая дурноту.

- Старина, в этом чемоданчике не одежда. -- Альфа открыл крышку и под ней оказался весь коралл Эйткена: набор розовых образцов - включая те три, что вернулись из институтов после исследования.

- Ого, - изумился Джо, которого мутило все сильнее.

- Ну что ж, старый друг... похоже, мне приходится делать выбор. - Джо отметил, что Альфа явно имеет в виду только себя, а не команду. - Яви эту вещицу миру, и какие волны она поднимет...

- Подлинное культурное цунами! - проговорил Джо, особенно гордясь уместной в обстоятельствах метафорой.

Альфа явно находился под впечатлением момента.

- Именно! Культурное цунами! Мир никогда более не станет прежним... вот ведь какое дерьмо.

Тут на какое-то мгновение оба они застыли, пока «506» вползал на волну. А потом непринужденным движением, которое навсегда врезалось в память Джо, Альфа поднял чемоданчик и вывалил за борт его содержимое в зелено-бурую жижу, наполнявшую хьюстонский корабельный канал.

Джо бросился к борту, сумев только выдавить: «Какого черта ты делаешь?» - прежде чем его вывернуло наизнанку.

Когда зеленоватая лужица, состоявшая из полупереваренных остатков курицы и пива, осталась за кормой, Альфа спросил:

- И что же я слышал - редакторский комментарий? Или речи блевотины?

Джо утер рот.

- Это же черт-те что, Чак!

Альфа напряженно улыбнулся, от уголков его глаз разбежалась сетка морщинок, рожденных службой, проведенной в наддутых кокпитах.

- Пусть так, - проговорил он неожиданно спокойным тоном. - Эти камни вернулись туда, откуда пришли.

Мистик погиб в странной авиакатастрофе в Чехии в 2002-м.

Получив огромные деньги, предложенные телевизионной сетью за эксклюзивные права, Джо совершил обязательный визит на место посадки «Следопыта» еще в первую неделю своего второго посещения Луны - в закрытом ровере вместе с Кари, исполнявшей роль оператора.

Странно, насколько окрестности отличались от запечатленных его памятью воспоминаний пятидесятилетней давности: конечно, они с Чаком прилунились, когда солнце стояло над самым горизонтом, обрисовывая на поверхности детали, которых лучше всего избежать при посадке. В этот, второй, раз светило стояло настолько высоко, насколько это ему вообще удастся в приполярном регионе Луны.

Солнце начисто смыло все краски с выставленного ими флага, но древко горделиво стояло.

- Не затопчите свои прежние следы, - заранее предупредила Кари.

В том, первом, путешествии по памятной лунной дорожке Джо постарался подалее объехать то место, где они с Чаком обнаружили коралл Эйткена, не имея при себе камеры. Тем более после того, как с ним связался сам Альфа, поздравивший и попросивший:

- Не поищешь ли там мои темные очки? Думается, обронил где-то...

Теперь, когда Джо Ликери в третий раз посещал место посадки, оно и в самом деле казалось знакомым.

Почему он так долго хранил этот секрет? Потому что Чак, Апостол Альфа, хотел этого. Потому что так сказал человек, пробивавшийся с боем по жизни, сыгравший свою роль на уровне более высоком, чем кто-либо другой из знакомых Джо людей. Не человек - эпоха. Потому что люди, отваживавшиеся на лунную высадку, обладали уникальной способностью принимать правильные решения.

Но теперь Альфы нет в живых. Камень откатился. Смерть его освободила Джо.

Альфа, Чак Беренс, погиб, совершая прогулку на велосипеде возле Флагстаффа, Аризона, в 2020 году.

Джо ненадолго остановил ровер в сотне ярдов к югу от «Следопыта», и окрестности показались ему знакомыми - как главная улица родного городка. Посмотрев на следы, оставленные им во время второго визита, он прибавил газу, развернул ровер налево и направился вдоль

колеи, оставленной им и Чаком во время второго выхода на лунную поверхность.

В 1973 году до Большого Соленого озера им пришлось катить едва ли не два часа, но сегодня Джо покрыл то же расстояние за сорок пять минут. Он знал, куда ехать, и ему не нужно было останавливаться через каждый километр, чтобы выставить приборы или произвести съемку окрестностей.

Возле расщелины он притормозил ровер. По привычке, рожденной двадцатью пятью годами летной службы и космических тренировок, Джо проверил - дважды и трижды - свой скафандр и расходные материалы, к одобрению Кари (следившей за ним по телеметрии и видео).

- Мы не хотим терять вас, - проговорила она.

- Я тем более. К тому же какой ущерб моя смерть может нанести будущим туристическим полетам!

Это была шутка: случаи гибели в космосе только подогревали общественный интерес - подобно смертям альпинистов, восходящих на гору Эверест. Чем загадочнее и трогательнее, тем лучше!

Джо не испытывал никакого желания послужить обществу подобным образом.

Он вышел наружу, вновь подивившись чудесным достижениям техники за последние пять десятков лет. Не только роверу, казавшемуся классическим «мерседесом» рядом с хлипкой гольфовой тележкой «Следопыта», но и скафандру, более тонкому и легкому и более жесткому, практически бравшему на себя все усилия при ходьбе.

Он взял один из стандартных ящиков для образцов - да, коммерческая фирма «Эйткен энтерпрайсез», по крайней мере, изображала некий интерес к чисто научным исследованиям - и направился вперед.

Джо казалось: он идет по песку в сапогах. Однако он непринужденно миновал вход и вновь остановился посередине Большого Соленого озера.

Интересно, на чем прилетали сюда с Земли во время того невыразимо давнего визита? Черт, а может, они вообще обходились без транспортных средств? Наполненный научно-фантастическими образами разум подсказывал дикие варианты... Что если Луна была тогда много ближе к Земле? Или же они добирались сюда с помощью некоего космического лифта...

Глупо. Пусть об этом думают другие.

Добравшись до расселины, он заглянул в тень...

Ничего, кроме искристого черно-серого камня. Где же розовый коралл? Он пробыл здесь миллионы лет! Не мог же он рассыпаться в пыль! Или это дело рук их с Чаком...

Нет, нет и нет. И тут Джо показалось, что он видит чьи-то чужие

следы.

Христе боже, так значит, Кари со своей компанией уже побывала здесь! Ладно, Джо... отступаем и перегруппировываем силы!

Он позволил себе перевести дыхание, сделать шаг назад и понял, что заглядывает не туда! Он смотрит в обратную сторону!

Ну, вот и она! Груда волшебного исторического материала, доставленного сюда с древней Земли...

Джо погрузился в сбор образцов.

Ему потребовалось всего двадцать минут, чтобы наполнить чемоданчик, сделать необходимые снимки и обговорить каждый шаг. Сделать то, что он мог бы сделать во время своего первого возвращения сюда.

А теперь: назад в ровер - к новому миру, который он создаст своими руками.

Шаг. Другой.

Ему пришлось остановиться. Болел живот, болела грудь. Глаза заволакивала чернота.

Идти, надо идти...

Со стоном, прижимая к груди последний образец программы «Аполло», Джо Ликери упал вперед.

Несчетные минуты он лежал на лунной почве, не слыша ничего, кроме ровного шипения воздуха и мягкого посвиста насосов. Сколько же это продлится? Еще два часа?

Джо не мог шевельнуться. Ему предстоит умереть на Луне?

Но как же радио! Он проскрипел призыв о помощи. И не услышал в ответ ничего, кроме статических разрядов. Чего еще ожидать? Он находился в низине, направление на базу «Эйткен» перекрывали холмы, окружавшие Большое Соленое озеро.

Визионер скончался во сне - в своем доме в Колорадо в июне 2011-го.

Последние двадцать лет, по мере уменьшения числа Апостолов, общаясь через электронную почту, они обменивались шутками по поводу собственной старости. И только Альфа обыкновенно отказывался участвовать в шуточной переписке, а в тех случаях, когда все же вступал в нее, отделялся фразами: «В старики меня не записывайте!», «Хорошо, что жив, а где живу, не помню!», «Черт побери, все машины катят не туда, куда надо!».

Лежа под лучами лунного полдня, Джо Ликери в полузабытьи вспоминал эти нелепые анекдоты. И еще то, что Чак Беренс, Апостол Альфа, мог ошибаться...

На него легла тень.

- Эй, Джо, что это вы тут делаете?

Это были Кари и Джеффордс со станции «Эйткен». Они поняли, что

Луна не место для одинокого девяностолетнего старца, пусть даже первооткрывателя здешних краев.

Оказавшись в их ровере, Джо принялся демонстрировать свои образцы и рассказывать их историю, понимая, что делает это не так, как надо.

Кари остановила его.

- Мы все поняли, Джо. Мы заметили эти ваши розовые камни - и они привели нас к тому, что мы искали... в сотне метров от них мы обнаружили лед!

Джо Ликери, Апостол Омега, умер от сердечного приступа в Ланкастере, Калифорния, через два дня после своего второго полета на Луну - обнаружив при этом водяной лед и сделав тем самым возможной колонизацию людьми спутника своей планеты.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Michael Cassutt. The Last Apostle. 2009. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

ИГОРЬ ПРОНИН

КОСМОС ЕСТЬ КОСМОС

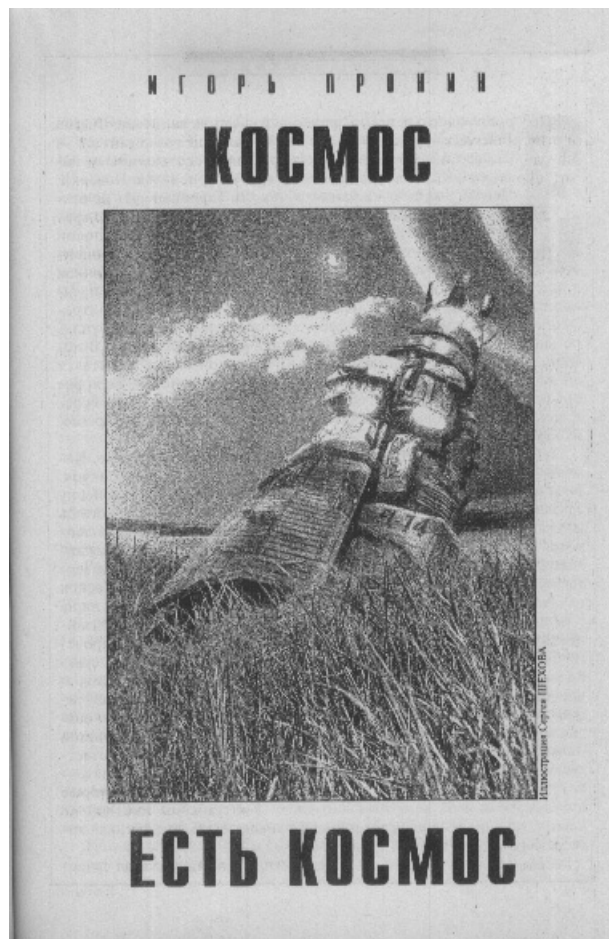

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Это был первый рейс Гаррисона в качестве капитана. Фирма оказала ему высочайшую честь и - даже не сомневайтесь! - заставила перецеловать столько задниц, сколько иному любителю в сладострастных кошмарах не приснится. Подарки. Деньги «дарить» не принято, так что Гаррисон чуть не рехнулся, соображая, кому из руководства что купить. Но вроде бы всем угодил, и Фирма его утвердила. Итоги: полон рот долгов и официальное жалованье на тридцать процентов выше, чем у остальных членов экипажа. Плюс личная ответственность, чудовищные штрафы за все, на чем поймают, и, самое главное, «капитанская доля» - половина прибыли от контрабанды. Чистой прибыли, само собой, которая остается после «уплаты налогов» всем заинтересованным лицам и организациям. В общем, не так уж просто свести баланс, но Гаррисон честно попытался и выяснил, что лет через пять сможет зажить как человек. Если все пойдет хорошо. А уж потом, еще лет через десять, списаться на берег и забыть о Космосе навсегда. Это если все так и будет идти хорошо. Что вряд ли.

Тем не менее первый рейс в чине капитана начался недурно. Команда в основном из своих, проверенных, только седьмая - новичок. Врач и биолог Чен, мелкая и чересчур любопытная сучка, Гаррисону сразу не

понравилась. Ну вот не любил он таких девок, и все. Летишь первый раз? Молодец, сиди на попе ровно, делай, что скажут, и вопросов не задавай. Что нужно, старики сами скажут. Доли новичку никакой не полагается, это Чен должна была знать, а раз так - не вертись рядом с грузом вообще, не твое дело. Но биолог еще на Трейси начала суетиться: давайте я проверю, мало ли что... Потом чуть ли не с официальным рапортом явилась к капитану: мол, это ее обязанность по инструкции - все проверять на предмет заражения и прочего. Гаррисону пришлось напомнить нахалке, что ее дальнейшая судьба зависит прежде всего от его отзыва, а Чен, видимо, держит кэпа за идиота, если полагает, что он не предусмотрел всего. Вроде получилось - прежде Гаррисон такими разговорами не занимался. Но осадок на душе остался. Ведь если говорить прямо, попробуй он напиши плохой отзыв - Чен тут же побежит стучать о контрабанде в соответствующую службу, терять ей будет совершенно нечего. А кого не любит Фирма даже больше, чем конкурентов? Капитанов, которые привлекают к себе ненужное внимание. Контрабанды никакой не найдут, но списание на берег пройдет раньше и вовсе не так, как хотелось бы.

- Не нравится она мне, - в такт мыслям капитана сказал суперкарго Огински во время погрузки. - Зад с кулачок, глазки узенькие, а подмечает все. Я, грешным делом, прикупил тут местного пойла... Не домой, конечно! Так, в дорогу. А она мне пакет по дороге к «Феле» чуть не порвала - все прижаться норовила, интересно ей. Ты имей в виду, кэп, я для всех! Все-таки первый раз с вами в компании, надо отметить.

- Предупредил бы! - строго сказал Гаррисон, но всерьез злиться на Огински не мог. Конечно, суперкарго - та еще заноза, но хоть парень свой. - Если что, говори, мол, масло какое-нибудь, договорись с Рябтсевым. Ну, ты понимаешь...

- Не понимал - не летал бы! - подмигнул Огински. - А Рябтсев в курсе. Мы с ним и «по железу» заглянем к вам после отлета? А «по навигации» звать?

Так было принято во флоте Фирмы: «по навигации» - штурман, «по железу» - инженер, и так далее. В Космосе много своих обычаев. Тут не берег, тут свои порядки. Конечно, Гаррисон согласился. Обмыть первый рейс кэпа - один из обычаев. Правда, делается это «активом» корабля, а Огински на «FL-14» первый раз, но что с ним делать, если уже закупился на свои? Да еще если Рябтсев в курсе.

Рябтсев подошел с негласным докладом перед отбытием с Трейси.

- Набрали нормально! - «По связи» Рябтсев заодно выполнял обязанности бухгалтера экипажа. - Эллиши, красы, всякое дерьмо по мелочи... Едва холодильник закрыли. Должны хорошо сходить, под расчет.

Говоря «под расчет», Рябтсев использовал какое-то неизвестное

новоиспеченному капитану понятие, но Гаррисон пока стеснялся спросить.

- Огински не слишком шустрит?

- Да нет, просто хочет понравиться. И хорошего пошла купил, молодец. Ты, да я, да Морган, да «по навигации», вместе с ним - пятеро. Двоих как раз на вахту определим и посидим пару часов.

По мнению Гаррисона, Рябтсев чересчур любил «посидеть», но вместе они летали давно, и «по связи» еще ни разу не попался. К тому же и бухгалтером был неплохим.

С Трейси ушли без происшествий, в штатном режиме, и все, что оставалось капитану «FL-14», - это довести корабль и экипаж до «Луны-18», базы Фирмы. Штурман Вальдшнеп рассчитала маршрут на три прыжка, после первого они и «посидели», оставив на вахте Чен и молчаливого, нелюдимого пилота Илая.

Когда все, кроме Рябтсева и инженера Морган, решили, что им достаточно, разговор зашел о Чен.

- Мне ее прямо за борт выкинуть хочется! - шумел Огински, поводя слегка остекленевшим взглядом. - Не слетаемся мы с ней. Может, небольшой несчастный случай организуем, а? Переложим груз, а заодно и прищемим ей лапку-другую...

- Уймись! - Вальдшнеп отвесила «по трюму» подзатыльник. - Хорошая девочка, просто первый раз, ей помочь надо! А вы окрысились всей командой, и я знаю почему!

- Потому что у «по биологии» сисек нет! - хрипло засмеялся покрасневшийся Рябтсев, чокаясь с Морганом. - Вальдшнеп всегда, как выпьет, про сиськи!

- Да пошел ты! - отмахнулась штурман. - Хотя так и есть. Была бы она...

- Как ты! - теперь заржал Морган. - Нет, серьезно, дорогая: тебя мы сразу полюбили!

- Вот, а я о чем! Ей же всего двадцать два, ничего не видела, людей не знает. Нужно поддержать, а вы... Чтобы мне никаких несчастных случаев! - погрозила Вальдшнеп суперкарго. - А с Чен подружитесь. Космос, как говорится, есть Космос. Всякое может случиться.

Если бы Гаррисон предвидел, что произойдет всего пару часов спустя, он врезал бы штурману по сочным губам. А произошло то, чего ждать никто не мог - Космос есть Космос.

Илай стоял рядом с капитаном, а чуть в стороне, отчаянно разя перегаром, возился с проводкой Морган. Гаррисон хотел о чем-нибудь спросить пилота, чтобы убедиться, что тот не обижается на посиделки без него. Чистая формальность, вообще-то, - Илай не уважал спиртное. Вот только спросить Гаррисон ничего не успел, потому что пилот вдруг схватился за грудь и покачнулся. Тут же взревела аварийная сирена, мигнуло освещение, на долю секунды исчезла

гравитация... И все стихло еще прежде, чем Илай упал.

- Это что сейчас было? - спросил у всех сразу кэп и потряс головой, разгоняя остатки хмеля. - «По пилотажу»! Ты чего?

- Вроде кровь у него, - заметил Морган.

Так бывает очень редко. Настолько, что просто не бывает. Крошечный, неизвестно из какой преисподней прилетевший на субсветовой скорости метеорит прошел «Фелю» насквозь. Система упреждения просто его не заметила - теоретически это возможно. Вот только не происходит такого никогда.

Илай умер почти сразу - метеорит прошел прямо сквозь сердце. Поняв, что держит на коленях голову мертвеца, первой примчавшаяся Вальдшнеп осторожно уложила ее на пол.

- Бесполезно! - сказала штурман подоспевшему с аптечкой Огински. - Сердце стало. Сквозная дыра, два пальца пройдет.

- Может, током его шарахнуть? - предложил «по связи».

- Трезвей, Рябтсев! - Капитан наконец смог говорить. - Долбаный Космос, ну почему на моем корабле?! Что, в самом деле метеорит?

- Ну, или по нам кто-то шамальнул из соседней галактики, - развел руками Морган. - Система восстановила последовательность, можем траекторию рассчитать... Только зачем?

- Повреждения?

- Крохотные, все залаталось автоматом. Потери воздуха незначительные. Штуковина пролетела оттуда, - Морган показал пальцем за плечо капитана, - и вот туда, под переборку. На ладонь примерно от твоей головы. Поздравляю!

- Себя поздравь! - Гаррисона охватывала дрожь от бессильной ярости, хотя он все еще старался не думать о последствиях произошедшего. - Все могли тут сдохнуть, будь она покрупнее!

- Покрупнее система бы отследила, - некстати встрял Рябтсев, продолжавший глазеть на мертвого пилота. - Шансов, что такое с нами случится... Я даже прикидывать не буду пытаться, но Космос есть Космос, вот уж верно говорят.

- Вообще, всякое бывает! - Морган присел рядом с трупом на корточки и наморщил черный высокий лоб. - Вот когда я только начал летать, с экипажем одной из «делек» кое-что случилось. Корабль - в док, якобы повреждения, а команду расформировали и по-тихому, в полгода, всех уволили. Но говорили, что прилетели ребята без двух членов экипажа и ничего не могли объяснить. Просто исчезли люди, и все. Вот это - да, тут свихнуться можно! Космос есть Космос.

- Без одного они прилетели! - заспорил тоже не первый десяток лет пахавший на Фирму Рябтсев. - И все там было понятно: ссора, пьяный выстрел, труп. Выкинули его, «по связи» поправил внутренние записи, и прилетели огурчиками: исчез! Каким дураком надо было быть капитану, чтобы...

- Заткнись!

Перед мысленным взором Гаррисона разворачивалась ближайшая перспектива. Вот «Луна-18», вот срочно созданная комиссия забирает тело Илая. Вот Гаррисон сидит в залитой белым светом комнате и строчит объяснение. А потом допросы, перекрестные допросы с членами экипажа, неизбежные противоречия, всплывающие обиды, раздражение... Случай из ряда вон выходящий, и, хотя отверстие в груди пилота, конечно, не от выстрела, это эксперты докажут, пресса заинтересуется. Кто-нибудь да вынесет сор из избы. Чен! Гаррисон скривился: он совсем про нее забыл! Но вполне может быть, журналюг натравят Рябтсев или Морган - именно потому, что все подумают на Чен. Фирму даже сотрудники не любят, не говоря уже обо всем остальном мире. Будет шум, и фамилия Гаррисон на первых страницах новостных сайтов.

- Да ладно, сейчас что-нибудь придумаем! - Рябтсев похлопал стоящего с перекошенным лицом капитана по плечу.

- А кто его убил?

Все обернулись и увидели пришедшую на шум Чен. Конечно, девчонка брякнула такое от шока, но впечатление от этого лучше не стало.

- Никто никого не убивал!

Вальдшнеп ринулась к Чен, словно насадка к цыпленку, и поволокла прочь. Вовремя, Гаррисон уже сжал кулаки.

- Тихо, тихо, сейчас что-нибудь придумаем! - Рябтсев хлопал его по плечу, как заведенный. - Сейчас все обмозгуем...

- Огински! Что ты стоишь, придурок?! - Капитану нужно было выпустить пар. - Неси пленку, заверните его, ведь льет кровь, как из свиньи! Морган, помоги ему, а эта Чен потом пусть приберется! - Гаррисон повернулся к «по связи», вцепился ему в комбинезон и принялся мелко трясти. - Ты понимаешь, что она будет лепить на допросах, эта Чен?! Ты понимаешь, что ситуация вообще идиотская?! А ты понимаешь, что это мой первый рейс, что я весь в долгах, ты понимаешь?!

Рябтсев попытался отодрать от себя пальцы капитана, но понял: затея это бессмысленная.

- Ну, постой! - Он тоже потряс головой, повторив ритуал «протрезвей сейчас же!». - Давай-ка выпьем кофе и все обдумаем. Знаешь, безвыходных ситуаций не бывает.

Гаррисон на ватных ногах проследовал за Рябтсевым в рубку. Больше всего ему сейчас не хотелось оставаться одному, ведь одиночество было бы мнимым: на самом деле перед глазами висело злое, некрасивое лицо жены. Если позволить ей сказать, что она думает по поводу увольнения мужа и взятых кредитов на все, что только можно, у Гаррисона просто лопнет голова.

- Вот что...

Рябтсев поставил на пульт перед капитаном стаканчик кофе из автомата и задумался. Что сказать дальше, он пока не знал. Ситуация складывалась и правда хреновая - «по связи» отвечал перед Фирмой не столько за связь, сколько за внешние и внутрикорабельные записи. Каждый вздох каждого члена экипажа должен быть визуально документирован. Обычно просматривать записи никому не нужно, и даже грубо слепленные «правки» никого не волновали. Но в этот раз... Смерть, даже в Космосе, - всегда чрезвычайное происшествие, а вот такая, малообъяснимая, заставит Фирму вообще задуматься, нужен ли ей Рябтсев. Презумпция невиновности не работает там, где дело касается бизнеса. К тому же сцену пьянки ему все равно придется вырезать, и даже если все сделать чисто, на неизбежных допросах кто-нибудь да проболтается. Прежде всего, Чен.

- Все-таки сволочь эта «по биологии», - проворчал Рябтсев, мыслями уже уйдя далеко от неприятностей капитана.

- Зато Вальдшнеп ее обожает! - обжегшись кофе, Гаррисон частично унял панику. - Черт, ну почему там охладитель нельзя какой-нибудь приделать?! Значит так, Рябтсев, слушай сюда. Сколько ты еще можешь не отчитываться?

- Часа три, если все оставить, как есть, - прикинул безопасное для себя время связист.

- Нельзя «как есть»! Илай должен погибнуть при объяснимых обстоятельствах, а не при каких-то других! - Пальцы Гаррисона забегали по клавиатуре, компьютер вывел на экран расположение «FL-14». - У нас еще два прыжка, между прочим. А холодильник забит! И что, будем тут трупными запахами дышать или выкинем часть груза? За борт его вывешивать я не позволю - если сорвет при прыжке, будет еще хуже.

- Без трупа хуже, - подтвердил Рябтсев. - А из холодильника ничего убирать нельзя - ты представляешь, сколько это будет нам стоить?! Год работы на дядю.

- Вот! - Капитан ткнул пальцем в экран, на довольно крупную планету. - Единственное, что мы у этой системы имеем. Там и погиб Илай, там и упокоился согласно Кодексу. Шесть свидетелей, косвенно подтверждающие записи сделаешь. Чен... С ней Вальдшнеп поговорит. Прорвемся!

Корабли Фирмы, как и всякие другие, передвигались по Космосу прыжками через гиперпространство, ориентируясь на следы излучения звезд. Одна из задач капитана - по возможности, обследовать интересные для Фирмы планеты. Дело, впрочем, хлопотное и почти всегда бесполезное, поэтому экипажи предпочитали экономить время. Рябтсев навел курсор на изображение планеты и прищурился, читая информацию во всплывшем окошке.

- Ты извини, кэп, но за посещение этого тоскливого куска грунта Фирма

нас по головке не погладит. Что там стоящего?.. Руды, допустим, вот золотишко, может быть... Но у нас с собой аппаратуры никакой нет, а по распорядку вообще такими делами должна Чен заниматься - ты думаешь, у крысеныша хватит мозгов тут что-то найти? Выйдет, что не пойми с какого перепугу мы высадились, ничего не нашли, потеряли человека и вернулись.

- А надо найти причину высадиться! - Гаррисон обеими руками ожесточенно почесал голову. - И еще что-нибудь там найти! Смотри, там вода может быть. Температура, кстати, комфортная. Орбита вращения интересная, сила тяжести в половину земной! Чудесное место для базы Фирмы.

Рябтсев, покосившись на капитана, пожал плечами и стал изучать планету подробнее. В принципе, Фирма интересуется такими вещами. База или даже место для возможной базы - это всегда хорошо. Особенно если учесть, что бизнес развивается, и не только легальный. Правда, участок Космоса такой, что база здесь вроде бы пока совершенно не нужна. Но хуже всего то, что необходимая информация уже получена автоматикой «FL-14», и зачем опускаться - неясно. Однако у Гаррисона мозг работал в аварийном режиме.

- Бывало хуже! - Он всю прихлебывал кофе, глаза горели. - Выкрутимся, Рябтсев! Вот что случилось: авария! Рассинхронизация гипердвигателя, во как!

- Ты что, совсем рехнулся? - возмутился «по связи». - Загнул! С такими поломками не возвращаются, это только в доке спецами чинится.

- А мы справились своими силами! Я пару лет назад неделю торчал на семинаре в Вайоминге, Фирма заставила. Тема - «Внештатные ситуации с гиперприводами в автономном полете». Или вроде того. Я, конечно, отметил и пошел в бар, но... - Гаррисон уже копался в коммуникаторе. - Информация - она ж ничего не весит, так что все с собой, все материалы! Дай мне час, я найду тут поломку, и мы ее смоделируем. Для ремонта потребовалось время, и, чтобы его не терять, мы заодно планетку решили посмотреть. Если еще что-то найдем там... Так, Чен не обижать! Всем целовать девку в задницу, так и передай по цепочке. - Капитан оторвался от коммуникатора и сурово посмотрел на «по связи». - Никакого доклада, ты, понятное дело, отправить не можешь - гиперпространство для нас закрыто!

- Ну, давай, подумай... - Рябтсеву стало неуютно от такого размаха и захотелось посоветоваться с Морганом. Он встал. - Я тогда пойду... Ты только это, в двигатель не лезь, ладно? Записи я поправлю как хочешь, только кожух даже не снимай. С ними шутки плохи, сам понимаешь. Застрянем тут, и можно сразу люки раздирать.

- Ага! - Гаррисон уже считывал что-то с коммуникатора. - Не волнуйся, все будет хорошо! Прилетим или в дерьме, или в шоколаде - одно из

двух. У нас Илай еще на мемориальной доске Фирмы окажется! Придумай-ка пока ему смерть. Пусть он нас всех спас или еще что-нибудь...

Рябтсев вышел. Чернокожий инженер копался с проводкой тут же, у двери в рубку. Они обменялись парой жестов и молча отправились в трюм - чтобы сосредоточиться, обоим нужно было промочить горло. Конечно, бездельничающий там Огински к ним присоединился.

- Две головы хорошо, а три лучше, - закончил Рябтсев короткий рассказ и налил по второй. - «По трюму», ты у нас молодой, что думаешь?

- Мне нравится! - Огински в возбуждении потер руки. - Если все сделать правильно - прогремим на всю Фирму, а может, и не только! Я бы еще пару внештаток устроил. Пожар, например! И мы все - герои по возвращении, никто разбираться особо не станет! Фирме нужны герои, герои - это имидж. Нас премируют, отпуска на Багамы оплатят, ценить станут!

- Забавно, что если человек боролся за свою жизнь и выжил, то он уже герой, - заметил склонный к философии Морган. - Хотя какой тут героизм? Одни инстинкты. Вот против инстинктов когда - другое дело.

- Против инстинктов кэп хочет пустить Илая, - вспомнил Рябтсев. - Вот он и будет главный герой. Только не придумали еще, каким образом.

- Я придумаю! - подскочил Огински. - Может, у нас при посадке груз сорвало?! Это можно сделать. Меня, скажем, прижало, а Илай меня спас! И вообще всех спас - переборки уже гнуло! Это можно сделать, а если еще мне пару ребер сломать...

- То есть вы вдвоем всех спасли, только Илай погиб, - уточнил Рябтсев. - Ну а что, нормально. Только бы Гаррисон спяну в гипердвигатель не полез.

- Я послежу, - кивнул Морган. - Вообще-то, моя работа. Только я в этом ящике не понимаю ничего и не хочу, от греха. Но если что - врежу капитану гаечным ключом по башке, это будет запасной вариант. Тогда все свалим на него. Это ведь не сложно?

- Это еще проще, - кивнул Рябтсев. - А если Илая прямо по той дырке бластером прожечь, вообще хорошо карты лягут. Записи сбрендившего капитана я сделаю, какие хочешь, хоть голым скакать будет. Правда, есть еще Чен... Пойду поговорю о ней с Вальдшнеп.

Инженер и связист ушли, оставив икающего от неожиданности Огински прибираться. Космос есть Космос, но «по трюму» и не предполагал, как легко, оказывается, можно договориться об убийстве капитана. Что уж тогда говорить об остальных членах команды? Воровато оглянувшись, Огински налил себе из чужих запасов. Потом сел поудобнее и стал прикидывать, что в трюме надо сделать, чтобы все выглядело, как после борьбы за живучесть корабля. Перспективы, и правда, открывались шикарные. Нужно было только придумать, что

такого произошло, чтобы он, суперкарго, в ситуации с сорвавшимся грузом никак не виноват.

Пока он думал, Рябтсев успел изложить план капитана Вальдшнеп, отозвав ее в сторону от все еще пребывавшей в шоке «по биологии». Первая реакция штурмана была предсказуемой:

- Вы совсем там перепились, что ли?! Рябтсев, от тебя разит!

- Гаррисону не наливали. И потом, план неплохой - если планета вдруг того стоит, мы еще и с премией окажемся. Только Чен надо привести в чувство. Все эти руды, жилы, залежи... Кроме нее, ведь вообще никто в них не разбирается, а она совсем недавно из учебки.

- Да при чем тут планета! - даже шепотом исхитрилась кричать Вальдшнеп. - Имитация аварии, имитация смерти - издевательство над трупом, между прочим! - это что, пустяки, обычное дело?! Да еще вранье о гипердвигателе! Давно ли Гаррисон таким спецом по ним стал, что хочет экспертов Фирмы обмануть?!

- А там все просто! - Капитан подошел незаметно и ласково обнял Вальдшнеп. - Проще, чем ты думаешь. Штука настолько высокотехнологична, что не вполне предсказуема. Пропадают же корабли? А может, дело в пустяке. Может, пни его ногой, и он снова синхронизируется - да яйцеголовые сами толком не понимают, как он работает!

Вальдшнеп осторожно отстранилась.

- Что ж ты, Рябтсев, врешь, что кэпу не наливали? От него прет сивухой хуже, чем от тебя!

- Мне Морган принес немножко! - Гаррисон снова притянул штурмана к себе. - На семинаре по гипердвижкам рассматривалось несколько случаев, когда помогало, а когда - нет. Я серьезно. Вот я выбрал один такой пример, там все, что нужно попробовать сделать - это обесточить, дождаться полной остановки и перезагрузить установки в определенном порядке. Те же установки, что на нем сейчас стоят, понимаешь? Это никак не ловится! Но полной остановки движка надо ждать около сорока часов, то есть имеется время на высадку. А дальше все по плану! Да мы даже по простой человеческой логике должны были высадиться - а вдруг двигатель не синхронизируется? Нужно искать место для выживания колонии. Вдруг там можно обосноваться? Жили бы там, плодились, размножались...

- Гаррисон, ты пьян! - Штурман брезгливо убрала руку капитана со своей талии. - Мне не нравится эта комбинация. Затеянная, между прочим, только чтобы прикрыть кое-кого одного.

- Не одного, - вздохнул Рябтсев. - Странная смерть, на нас всех ляжет пятно. А желающих на наши места идиотов всегда много. Вот тебе, красавица, хочется посередине жизни профессию менять? А ведь придется, даже если просто переведут на внутренние рейсы. Там не заработаешь.

- Долбанный Илай! - процедила сквозь зубы Вальдшнеп. - Угораздило же его встать именно там! Так, «по связи», ты передо мной лично отвечаешь за то, чтобы наш пьяный капитан не остановил гипердвижок на самом деле. Хотя я еще подумаю. Мне все это не нравится.

- Выиграть можно много! - напомнил Гаррисон. - Пока будем сидеть, сочиним целый сценарий, где каждый - герой! Ты вот, скажем, героически спасала Илая, потому что Чен, наш основной врач, не справилась по молодости. Ах, да, Чен - вот твоя задача. Поговори с ней.

Вальдшнеп оглянулась на «по биологии», продолжавшую изучать переборку перед собой.

- Знаете что? Дайте-ка мне тогда вашего самогона и соку. Я тоже человек, да и с Чен поговорить будет проще.

- Ладно, - кивнул согласный уже на все капитан. - Только учтите: через пару часов идем на посадку. Как ни крути, а Илай останется там. Это решено.

Вот так и получилось, что «Фелька», она же «FL-14», опустилась на неизвестную планету возле далекой от Земли звезды. Планета, впрочем, к тому времени уже называлась Илай, хотя по официальной версии должна была быть так названа лишь после смерти героя. Который, правда, был уже мертв и лежал себе тихонько, завернутый в непромокаемую пленку.

Космос есть Космос, и случиться может все. Может, например, случиться так, что пока основной пилот неофициально, но фактически мертв, посадку выполняет капитан. И конечно, может так случиться, что этот капитан только кажется себе трезвым после пары таблеток и стаканчика кофе. Впрочем, Гаррисон остался убежден, что все сделал правильно. Только кому это докажешь, если, по ощущениям экипажа, все вышло довольно «жестко», а спустя несколько секунд корабль со скрежетом завалился на бок?

От падения и удара несколько крепежей в трюме не выдержало, и Огински чудом остался жив. Не успел он еще понять, насколько произошедшее укладывается в составленный план, как в наушниках раздался истерический хохот Рябтсева.

- Кэп, мы упали? - на этом фоне вопрос Моргана прозвучал довольно разумно.

- Инженер, разберитесь с повреждениями и доложите! - довольно сухо отозвался Гаррисон. - «По трюму», что с грузом? Рябтсев, да перестань ржать!

- Вальдшнеп!.. - выдохнул «по связи» и вдруг всхлипнул: - Капитан, у нас на борту второй труп.

Ситуация разъяснилась, когда все - кроме Илая, конечно, - собрались в штурманской. В момент посадки здесь находились Вальдшнеп и Рябтсев, оба пристегнутые к креслам. За те короткие секунды, что

«Фелька» стояла ровно, нервничающая, да еще и слегка выпившая штурман успела отстегнуться. Падение корабля швырнуло ее на компьютерные блоки с трехметровой высоты. Шлем Вальдшнеп, конечно же, не надела - а кто их надевает вообще?

- Вы меня простите... - Рябтсев сидел на спинке кресла, свесив ноги над телом штурмана, и утирал слезы, все еще похихикивая. - Но так смешно все получилось! Она только отстегнулась, и тут нас - шарах! Она и не пикнула, просто нырнула вниз и мозгами раскинула. Кэп, а гравитацию нельзя включить? Нам на боку будет жить очень неудобно! Неудобно скрючившийся на стене Гаррисон и сам видел, что медицинская помощь Вальдшнеп не нужна, и Чен совершенно напрасно принесла аптечку.

«А ведь только Вальдшнеп защищала Чен! - некстати пришло ему в голову. - Где два трупа, там и три!»

Он отвернулся, чтобы скрыть истерическую улыбку. Вот так первый полет в капитанской должности! И все же, если собраться, многое можно исправить.

- Действуем по плану. Рябтсев, приведи себя в чувство без спиртного, или я тебя арестую! Огински, груз?

- Наш - цел. А остальной... Я подробно доложу через час. И мне потребуется помощь, завалы надо разгрести.

- Возьми пока Чен. «По биологии», очнись! - Гаррисон заставил себя погладить девушку по ненавистной голове. - Космос есть Космос. Случиться может всякое, но мы команда, мы справимся. Морган, мать твою! Что с повреждениями?!

- Да ничего серьезного, как ни странно. - Инженер поискал, куда сплюнуть кровь из прикушенной губы, но не нашел места, чтобы не угодить в останки Вальдшнеп, и проглотил. - Опора треснула и переломилась, а мы теперь лежим на боку. Корпус держит, утечек нет. Можно сказать, обошлось.

- Взлетим? - спросил не успевший уйти Огински.

- А чего ж не взлететь? Надо только «Фелю» вертикально поставить. Ну, используем лебедки, домкраты...

- Хоть градусов на сорок подними нос, я оторвусь! - пообещал Гаррисон и встретился глазами с Рябтсевым. - Не смотри на меня так! Я сел нормально, опора подвела!

- Усталость металла, - послушно кивнул «по связи», хотя взгляд его не сулил капитану ничего хорошего. - Космос есть Космос.

И все же на некоторое время воцарился покой - вероятно, потому что у всех было много дел. Огински с помощью Чен навел относительный порядок в трюме, а капитан с Морганом и Рябтсевым вытащили наружу все, что могло пригодиться для подъема упавшего корабля. Сила тяжести в половину земной помогала в работе, но и ее было многовато. В конце концов, так и эдак прикинув варианты, инженер

сказал, что за пару дней сможет поднять «Фельку» почти вертикально.

- Но отдельной статьей мне влетит за потерю оборудования, так что вы уж там нарисуйте хорошую историю для Фирмы, - попросил Морган.
- Складские - люди мелочные, им на героизм наплевать, им тросы нужны и домкраты. А тут хана настанет всему этому во время взлета. Да, и вот еще... дюза у нас погнута.

Выругавшись, Гаррисон сунул голову в шлеме в оказавшуюся снизу дюзу и попытался там что-нибудь рассмотреть.

- Да не парься! - похлопал его по спине инженер. - Чем пытаться такой пользоваться, лучше на трех улететь. От греха. Ты ведь сможешь?

- Смогу, - кивнул капитан. - А когда прилетим, «Фельку» - в док. Значит, еще и ремонт на мне повиснет.

Рябтсев тяжело, но тихо вздохнул. Посадка Гаррисона произвела на него настолько глубокое впечатление, что, будь возможно вернуть все назад, он сразу перешел бы к плану «Б» - врезать капитану гаечным ключом и имитировать его буйное сумасшествие. Это обошлось бы куда дешевле всем, особенно Вальдшнеп. К ним, озираясь на инопланетный пейзаж, подошла «по биологии».

- Разрешите обратиться, капитан?

- Девочка, давай-ка будем на «ты»! - как мог ласково попросил Гаррисон. - Сама видишь, как все обернулось. Не до церемоний, хорошо?

- Хорошо, - кивнула Чен. - Огински почти закончил в трюме, позже доложит. Знаете, он ведь тоже мог серьезно пострадать! Так что могло быть хуже.

- Конечно! Но мы ведь космонавты, верно? Мы должны быть готовы ко всему!

- Я понимаю. Кстати, я провела первичные анализы - это перспективная планета! Здесь есть вода, хоть и немного, а в атмосфере четыре процента кислорода. Бактерий не обнаружено, если все чисто - тут можно ходить просто с дыхательными аппаратами! - Чен совершенно искренне старалась хоть чем-то порадовать капитана.

- Температура сейчас двадцать, три градуса по Цельсию. Фирме должно понравиться! Чудесное место.

- Ну, вот видишь! - Гаррисона это сейчас волновало не в первую очередь. - Есть чем заняться? То есть, я хочу сказать, ты свободна пока, можешь просто лечь поспать. Возьми что-нибудь в аптечке.

- Там, - Чен махнула рукой, - в сорока пяти километрах, есть какие-то руды. Если нет других распоряжений, то я могла бы съездить, взять образцы. Огински говорит, что может мне помочь. Если вы его отпустите, конечно.

Гаррисон, совсем забывший, что планету стоило бы хоть для вида осмотреть, облегченно вздохнул. Если «по биологии» займется своими второстепенными обязанностями, то это просто замечательно! Еще

лучше, если одновременно подружится с Огински - нужно обзавестись хоть какими-то рычагами влияния на нее, и «по трюму», видимо, это понял.

- Конечно, конечно, отправляйтесь! С докладом я подожду, так Огински и передай. Можете сначала отдохнуть. Или потом отдохнете... Или и до, и после! - Он чуть было не добавил «ваше дело молодое», но решил остановиться. - Ты молодец, Чен, я рад, что ты с нами.

- Спасибо!

Девушка смутилась и, изобразив нечто вроде книксена, ушла.

- Дела налаживаются, парни? - с преувеличенной бодростью спросил капитан.

- Вроде того, - согласился Рябтсев, а инженер согласно кивнул. - Морган тут пока справится, ну, а нам... надо заняться похоронами, пока время есть. Нельзя же просто их выложить? Кроме того, если Фирме понравится планета, то возможна эксгумация. Сжигать тела не стоит, это подозрительно.

- Ну что ты меня расстраиваешь, ну зачем?! - всплеснул рукам Гаррисон. - Не успел обрадоваться, что Фирме планета может пригодиться, как уже не рад! Рябтсев, ну хоть ты-то понимаешь, как мне тяжело?!

- Да. Хотя ты мужественно это скрываешь. - Рябтсев хотел было съязвить что-нибудь, но передумал и похлопал мужественного капитана по плечу. - А пойдём - по капельке? Помянем, так сказать, павших в борьбе с Космосом товарищей.

- Сначала закончите с ними! - потребовал Морган, отвлекаясь от своих железяк. - А потом и я подойду. Вон там, метрах в ста, хорошее место для могил и обелисков. И выжгите какой-нибудь крест над Илаем.

- Тогда и над Вальдшнеп надо что-нибудь выжечь, а я не знаю, что положено! Нет уж, вот прославимся, Фирма организует сюда родственников покойных, пусть они все и обустроивают.

- Да прекратите! - в голосе капитана прорезались слезливые нотки. - Какие родственники?! Какой, на фиг, обелиск?! Нам, между прочим, два прыжка еще без штурмана считать, а я и так за пилота!

- Мы заметили, что ты за пилота! - не удержался Рябтсев, но все же снова похлопал кэпа по плечу. - Пойдем займемся ими. Но обелиск какой-нибудь надо. Камней тут много, придумаем.

Для посадки Гаррисон выбрал ровное, безопасное базальтовое плато, и камней тут действительно хватало. Ветры попусту гоняли по лишенной жизни планете песок, но случались здесь за миллиарды лет и землетрясения, и извержения вулканов, и всякие прочие камнеобразования. Подумав о возможных стихийных бедствиях - а почему бы нет, если уже двое мертвы без всяких на то причин, а корабль лежит на боку? - капитан и правда захотел выпить. В таком

рейсе может тряхнуть в тот самый момент, когда Морган подвесит «FL-14» на тросах.

- Рябтсев, а ты хорошо все продумал?

- Насколько мог, ты же мне пить запретил. Илай погиб, спасая Огински, во время падения корабля. Оно ведь произошло не сразу после посадки, верно? - Рябтсев подал из корабля первый труп, замотанный в пленку. - Принимай!

- Здесь? - растерялся Гаррисон. - Он же в трюме погиб!

- Мы замыли кровь. А обработать его лучше снаружи. Надо, в общем, поломать ему ребра, а в дыру загнать крепежную стойку. Сейчас принесу, мы с Огински выбрали одну - с ней и похороним. Смысл в том, - Рябтсеву доставлял огромное удовольствие тот факт, что капитану разговор не нравился, - что эта штука пробила ему грудь насквозь. И застряла. Чтобы ее достать, мы слегка порезали тело бластером. Вот это мы и сделаем: сперва загоним, потом вырежем. И ребра поломаем. Это просто.

- Не сомневаюсь, - буркнул Гаррисон. - Только на трупе будут следы бластера теперь... Это не слишком... А, ладно! Что с Вальдшнеп?

- А ничего - она просто была в корабле, когда он упал, и погибла. Зачем теперь-то из нее героиню делать? Теперь ты герой - капитан заменил собой и пилота, и штурмана!

- Понадобится - и «по связи» заменю... - тихо прошипел Гаррисон вслед Рябтсеву, когда тот полез за вторым трупом.

Подошел Огински, вытирая рукавицы скафандра какой-то ветошью.

- Кэп, мы готовы ехать. Вдруг там и правда золотишко какое прямо на звезды смотрит?

- Выход на связь через каждый час, - довольно-таки безразлично отозвался Гаррисон. - И смотри, не сломай трактор, он у нас один.

- В моих же интересах - не пешком ведь возвращаться!

- Хорошо. И насчет Чен... Ну, ты понимаешь? Она вроде стала неплохо относиться к тебе.

- Конечно, понимаю! - Огински подмигнул. - Доверьте это мне, капитан!

После того как тело Илая приобрело вид, соответствующий придуманной легенде о его гибели, они кое-как вырезали в каменном плато две ямы. Трактор, который и правда был один, уехал, и пришлось порядком поработать руками. Капитан и «по связи» несколько раз поссорились, а хитрый Морган, ковыряясь с тросами и лебедками, даже не подумал помочь. Только когда на плато окончательно сформировались две пирамидки из камней, инженер оказался рядом.

- Салют положен! - сказал он, отстегивая свой бластер. - Командуй, кэп.

- Ну, что-то вроде обелиска есть, а надпись, я полагаю, ни к чему, -

решился Гаррисон. - Тогда что ж... прощай, дорогой Илай. Ты был славным товарищем, а твоя нелепая смерть...

- Забудь! - потребовал потный, злой «по связи». - Чтоб я больше не слышал про метеорит!

- Прощай и ты, Вальдшнеп. В общем-то, мы и правда тебя любили.

- И твои большие сиськи, - завершил Морган. - Что-то речи не клеятся, значит, и не надо. Пальнем и пойдем - по маленькой.

Гаррисон только взмахнул расстроенно рукой, и подчиненные трижды нестройно выстрелили в чужое, серое небо. Капитан первым отправился к кораблю, инженер и «по связи» не спеша побрели следом.

- Каждый из нас вот так может закончить... - печально сказал Морган, зачем-то взяв Рябтсева под руку. - Знаешь, друг, мне с самого начала казалось, что это мой последний рейс.

- Бог троицу любит! - Связист злился и на Моргана, не пришедшего помогать. -- Только ты сперва «Фельку» подними, чтоб наш виртуоз взлететь мог. С планеты нас гипердвижок разве что в ад отправит.

- Подниму, конечно, - смиренно кивнул инженер. - Вы все вернетесь. А у меня последний рейс, чует мое старое сердце. Ты успеешь записи подделать?

- У нас еще два прыжка, а с таким штурманом... Времени полно. Может, еще и в два не уложимся. Знаешь, как бы оно ни вышло, но с этим капитаном у меня тоже последний рейс!

- Успокойся, Рябтсев! Не гневи Космос.

И Рябтсев успокоился, когда они, сидя втроем на груде ящиков, выпили по маленькой в третий или четвертый раз. Успокоился и Гаррисон, вдвоем они стали успокаивать инженера, а тот все предрекал и предрекал свою скорую гибель.

- Вот и Рябтсев говорит: Бог троицу любит! И меня, старика, камнями завалите..

Но вышло иначе. Огински вышел на связь и возбужденным, веселым голосом сообщил о смерти Чен.

- Не понял?.. - Гаррисон зачем-то встал, ударившись головой о потолок, который до падения корабля был обычной переборкой, сел обратно и потянулся к бутылке. - Это как?

- Ну, капитан, тут обрыв... А она совсем рядом встала. Метрах в четырех всего! - Огински захихикал. - В общем, будем помнить и скорбеть. Я сейчас ее достану и - назад.

Морган и Рябтсев переглянулись.

- Образцы она взяла какие-нибудь? - спросил «по связи».

- Да нет, мы только приехали. Я могу захватить камней, но они тут вроде такие же, как и везде.

- Давай возвращайся, - распорядился Рябтсев, видя, что капитан ничего говорить не собирается. - Морган, твоя очередь могилу рыть. А

я буду делать вид, что занят тросами, я смогу.

- Ладно, - согласился инженер, разливая выпивку. - Помянем, стало быть, малышку Чен. Она мне всегда нравилась.

- И мне! - ядовито сказал Рябтсев. - И всем! Морган, ты понимаешь, что ситуация выходит из-под контроля?

- Космос есть Космос! Тут может случиться все.

Инженер вложил стаканчик в руку капитана, но тот не реагировал, и они выпили без него. Гаррисон смог говорить только минуты через три.

- Этот идиот ее убил!

- Может, и к лучшему? - «По связи» тщательно пережевывал консервированного цыпленка, и вкус его явно не радовал. - Теперь, по крайней мере, нас никто не сдаст. И как бы эксперты Фирмы ни цеплялись: что мы четверо скажем, то и правда. Никто, кроме нас самих, нас не посадит. А в сложившейся ситуации остаться на свободе - это уже немало!

- А может, и Огински того? - Морган снова налил. - Еще проще все будет.

Рябтсев задумался.

- Этот идиот ее убил! - повторил Гаррисон и машинально выпил.

- И этот идиот думает, что я так хотел!

- Разве нет? - Рябтсев осоловело привалился плечом к ящику. - Ах да, ты хотел, чтобы он ее трахнул и обещал жениться... Но, знаешь, это сложный, длинный и опасный путь.

- Я потерял трех членов экипажа! - сурово сказал капитан и попытался встать, но снова ударился головой. - Я не могу вернуться.

- Не умеет пить, - сказал Морган, прихватывая Гаррисона за руки. - Забери у него бластер из кобуры, а то застрелится. И как мы полетим без пилота и штурмана?

Рябтсев послушно изъясил у капитана оружие, подложил его себе под голову и задремал. Покорный судьбе, инженер еще долго слушал Гаррисона, увещевал, успокаивал, подливал и наконец тоже пристроил спать на ящиках. Самому ему не сиделось, и Морган, облачившись в скафандр, вышел пройтись. Чем-то его волновала эта планета.

- Илай! - прошептал инженер, направляясь к могилам. - Планета Илай. Звучит, вообще-то. Прости, штурман, но планета Вальдшнеп - не звучит. А планета Илай - это звучит. Звучит трогательно, нежно и в то же время тревожно, и...

Дальше Морган забористо выругался, потому что настроение его резко изменилось. Одна из каменных пирамидок, та, что скрывала тело Илая, развалилась. Зачем-то пригнувшись, подвыпивший инженер огляделся. Кто мог это сделать на безжизненной планете? Разве что они за пьянкой не заметили землетрясения... Однако Морган все время разливал и этот вариант отверг - его не качало.

- Тебе не лежится, Илай? Ты не упокоен?.. Эх, надо, надо было

поставить крест! - Морган, достав бластер, осторожно приблизился.

Еще два камня, один за другим, скатились вниз. Их что-то выталкивало. Приглядевшись, инженер увидел, что камни покрыты чем-то вроде плесени. Трогать ее он побоялся, а вместо этого вернулся к кораблю, задраил люк, как следует выпил и лег спать там же, на ящиках с грузом.

Именно по этой причине возвратившемуся Огински пришлось провести несколько часов снаружи - из «Фели» ему просто никто не отвечал. «По трюму» очень повезло: падая с обрыва, Чен не повредила баллоны с кислородом, в противном случае Гаррисон проснулся бы, имея уже четыре трупа. Тем не менее Огински не размысленно попрощался с жизнью, и дело было не только в кислороде.

Когда похмельный, пребывающий в глубочайшей депрессии капитан открыл люк и вышел, «по трюму» неподвижно сидел в тракторе, положив на колени бластер, и любовался мрачным, серым рассветом планеты Илай. На появление Гаррисона он не отреагировал никак.

- Эй, Огински, я с тобой говорю! - Капитан потряс суперкарго. - Проверка связи, эй!

- Ты видел могилы?

- Что?.. - Гаррисон растерянно обернулся. Даже отсюда он видел, что каменных пирамидок больше нет. - Ты зачем это?..

- Это не я. - Огински встал, потянулся, насколько позволял скафандр. - Кто-нибудь еще жив?

Капитан попытался почесать голову, ушиб палец и только теперь заметил пустой скафандр рядом с «по трюму». Он схватил его и рассмотрел, будто пытаясь найти в нем Чен.

- Где она?

- Отнес на кладбище.

Огински, покачиваясь, направился к кораблю. Тени быстро укорачивались, и Гаррисон смог рассмотреть возле могил тело в красном комбинезоне. Он пошел туда, зачем-то решив достать бластер, и не нашел его в кобуре.

- Кэп! - В наушниках послышался хриплый голос Рябтсева. - Я тебя вижу. У меня три новости. Во-первых, Огински вернулся сам не свой. Во-вторых, Морган бредит ожившими мертвецами. В-третьих, этот подонок все допил. У нас больше ничего нет и пора отсюда убираться. Ты меня слышишь?

- Где мой бластер?

- У меня. Слушай, не ходи туда, а? Потом вместе прогуляемся. Надо немного кофейку попить, как ты думаешь?

Не отвечая, Гаррисон продолжал идти. Смерть Чен окончательно добила его и без того расшатанную психику. Не то что возвращаться - думать о Земле не хотелось. Фирма, семья, кредиты... Да пропади оно все пропадом! Чем жить для этого, так лучше не жить вообще.

Пирамидки были развалены, а на камнях, в радиусе пары десятков метров, повсюду виднелась серая плесень. Капитан ее сперва не заметил и теперь стоял прямо на ней. Там, где покоился Илай, слой плесени был особенно толстым. Когда Гаррисон нагнулся, он легко рассмотрел шевелящиеся ростки в полпальца длиной.

- Мох, что ли?.. - Он повернулся к «по биологии», но Чен больше ничем помочь не могла. Плесень или мох полностью покрывали ее лицо и руки. - Ну, значит, что тебе сказать? Мне жаль, что так вышло. Хотя, честно говоря, мне уже наплевать.

- Ты там с Чен разговариваешь? - Рябтсев в наушниках шумно прихлебывал. - И что за мох?

- Серый. Мох, или плесень, или грибки... Я не разбираюсь. - Капитан вышел из серого круга и присел на корточки. - Слушай, Рябтсев, а он расползается. Прямо на глазах. Очень быстро. Через пару часов, наверное, будет у корабля.

- Сейчас я кофе допью, а потом мы выйдем и сожжем этот мох. Морган, слышишь? Там просто мох какой-то. Инопланетная форма жизни. Это - премия, да еще какая! Кэп, а что с трупами?

- Наверное, он их ест, этот мох. Нет, Рябтсев, мы ничего выжигать не будем. Он... - Гаррисону нелегко дались эти слова, но так он чувствовал: - Он красивый.

- Ясно. Вернись, пожалуйста, к нам. - Теперь Гаррисон слышал клацанье кнопок. - Ага, вот, вижу Чен. То есть не Чен, а... Мама дорогая, да на ней комбинезон шевелится! Надо бы расспросить Огински, но он закрылся у себя. Кэп, возвращайся. Нам всем надо отдохнуть, подумать, а потом валить отсюда, если мы еще хотим жить.

Гаррисону показалось, что в словах Рябтсева есть какая-то логическая ошибка, и всю дорогу до «Фели» он ее искал. «По связи» ждал его возле шлюза.

- Надеюсь, дезинфекция у нас в порядке... - Он осмотрел капитана, будто мох мог быть прямо на нем. - Не хотелось бы, чтобы меня тоже начали есть. Этой дряни, поди, совершенно все равно: живое или мертвое. Слушай, я не хотел по общему каналу... В общем, Морган не в себе.

- Мы все тут слегка тронулись, не находишь?

- Нет. Я, например, просто не могу нормально похмелиться, потому что этот придурок все выпил. - Рябтсев воровато оглянулся. - Говорит, что пока мы спали, выходил «подышать». Понимаешь, в каком он был состоянии, да? Ну и, видимо, увидел этот мох.

- Там то ли мох, то ли плесень... Скорее, и то, и другое.

- Да наплевать, пока мы в корабле. Хотя, черт его знает, как эта штука обойдется с нашим корпусом... Космос есть Космос. Кэп, Моргану привиделся Илай, который ругался, что не поставили крест, не отпели, ну, вот что всего этого положенного не было... - Рябтсев утер испарину

- несмотря на выпитый кофе, чувствовал он себя неважно.

- Короче говоря, Илай приказал Моргану, чтобы он остался тут и построил часовню. Надеюсь, наш «по железу» отойдет, но если нет... Придется его как-то заставлять нам помогать, сами мы с этими лебедками не управимся.

Гаррисон лишь кивнул. Рябтсев утомлял его своим занудством. Если бы не он, можно было бы вообще не думать об отлете.

- Ты капитан! - «По связи» будто прочел его мысли. - Ты должен привести корабль и экипаж на «Луну-18».

«А он боится, - усмехнулся про себя Гаррисон. - Уже давно боится, а сейчас просто близок к панике. Мне он не доверяет, но больше опереться не на кого».

- Конечно, я капитан. А еще только я могу поднять «Фелю». И в расчетах Вальдшнеп разберусь только я, а их обязательно нужно проверить, так?

- Ну, да... - Рябтсев потупил глаза, будто на чем-то пойманный.

- Кэп, у меня все готово для исправления внутренних записей... Ну, то есть кое-что мы должны потом обговорить... Я хочу сказать - все будет отлично. Вернемся героями, комар носа не подточит. Тем более мох съест трупы! Это же здорово. Привезем очкарикам образец этой штуки с планеты Илай, все будут в восторге. Просто надо улететь поскорее.

Гаррисон только кивнул и, отстранив «по связи», пробрался по перекошенному кораблю в рубку. По пути он услышал, как молится Морган, но не стал заходить к инженеру. Главный экран транслировал картинку с маленького кладбища. Сразу было заметно, что мох на могиле Илая заметно подрос.

- Быстро он, да? Жутко даже, - сказал приплетшийся за ним Рябтсев. - Наверное, биологи будут в восторге. Жаль, что Чен не может оценить, а то бы попробовали договориться кое с кем из наших... Пойдем, выведем Моргана и начнем поднимать корабль? Не нравится мне местная флора.

- А мне нравится. - Гаррисон чувствовал какое-то единение с этими серыми подвижными ростками. - И с чего ты взял, будто она местная?

- Конечно, местная. Сидела тихо в камушках, никаких бактерий в атмосфере, ничего. А мы ей покушать дали. Кончится еда - и весь мох высохнет.

- Илай! - напомнил капитан. - Та штука, что его убила, могла быть не просто метеоритом. А мы ведь не проверили ничего, Чен была в шоке... В Илае что-то поселилось. И мы привезли этот мох сюда.

Прежде чем ответить, Рябтсев прополз к кофейному автомату и как мог, под углом, нацедил Гаррисону полстакана. Другая половина стекла в нижний угол, где уже образовалась порядочная лужа.

- Выпей, - попросил Рябтсев. - И подумай: ну как могло произойти заражение? Скорость субсветовая, она прошла нас быстрее любой

пули.

- Космос есть Космос, - напомнил Гаррисон, отхлебнул и скривился. Кофе показался просто отвратительным. - Рябтсев, ты есть хочешь?

- Нет, но могу тебе что-нибудь принести.

- Я тоже не хочу. И вчера мы тоже не ели, только смотрели на еду. Давно не ели. Вроде бы времени не было... Но сейчас-то почему мы не голодные?

«По связи» молчал. Капитан понюхал кофе и швырнул стаканчик вниз.

- Вкусы изменились, что ли... Признайся, ты тоже находишь в этом сером мхе своеобразную прелесть?

- Нет, не нахожу, - пробурчал Рябтсев.

- Находишь! Но мы не могли заразиться здесь, выходили только в скафандрах, и с дезинфекцией все в порядке. Значит, подцепили что-то на корабле. А шанс был один. Эта пролетевшая сквозь нас штукавина что-то передала Илаю или просто в воздух... Мы заражены.

Рябтсев угрюмо сопел. Мох на экране все разрастался, теперь на месте могилы Илая весело переливалась всеми оттенками серого целая лужайка серой травы.

- А груз? - вяло попробовал наконец возразить «по связи». - Мы не пустили к нему Чен.

- Может быть... - неохотно допустил Гаррисон. - Тогда на Трейси сейчас карантин. Но все происходит так быстро... И лишь после смерти Илая. Нет, я думаю, Трейси в порядке, заражены только мы.

- Значит, карантин. Это, считай, гарантированное отстранение от полетов.

«О чем, о чем думает этот идиот?.. - вздохнул Гаррисон. - Или это я идиот, что не думаю об этих пустяках? Вообще, существую еще я или теперь за меня думает этот мох? Интересно, как он выглядит в моем кишечнике, или где он там расположился...»

- У кого мой бластер?

Рябтсев засопел еще громче и еще угрюмее.

- Не валяй дурака.

- Как капитан ты должен вернуть нас на «Луну-18» и тогда стреляйся, сколько влезет.

- Какой я капитан? - Гаррисон наконец отвел глаза от стремительно растущего мха. Или уже травы? Вроде бы где-то даже кустики появились. - Ну какой я капитан, Рябтсев? Я заражен, я источник угрозы. Я даже кофе пить не могу! Мой корабль заражен, мой экипаж заражен... Те, кто еще жив. Но и те, кто мертв, тоже. Вообще, все мои действия с момента гибели Илая таковы, что ты - прежде всего ты! - должен был меня арестовать.

- Я уже об этом думал, - соврал Рябтсев, который думал только о плане Моргана насчет гаечного ключа. - И не понимаю, почему этого не сделал. Я думаю, кэп, мы все уже были заражены. Прежде всего ты, ты

был рядом с Илаем. А последней пришла Чен. Она и продержалась подольше. Хотя тоже, как сказать... В общем, это не важно. Важно, что здоровые люди постарались бы отсюда выбраться. Вот и мы должны постараться.

На экране появился Морган. Он приволок какую-то сварную конструкцию и водрузил над могилой Илая. Это оказался крест. Потом инженер нагнулся и принялся нежно поглаживать серую траву.

- Вот и ему нравится. Морган! - Капитан включил связь. - Морган, ты там не помял ее крестом?

- Немного. Но смотри, она уже вокруг него обвивается. Кэп, тут какие-то ростки фиолетовые, очень красивые. Переключись на меня, я покажу.

Толстые фиолетовые стручки торчали из травы. Они будто набухали, готовясь раскрыться.

- Морган, уйди оттуда, пожалуйста! - проскулил Рябтсев. - Давай поднимем «Фелю»? Ты оставайся, возьми, что тебе надо, и строй часовню, а мы полетим. Потом за тобой вернемся, а?

- Содержание кислорода в атмосфере пять процентов, - вдруг сказал Морган. - А было четыре. У меня ошибка? Посмотрите по корабельному анализатору.

Гаррисон быстро проверил - действительно, пять. Даже с одной десятой.

- А еще на траве капли. Очень мелкие, но вам должно быть видно. Морган провел перчаткой по траве и поднес ее к камере.

- Она конденсирует воду из атмосферы, - предположил Рябтсев. - А откуда еще? Чен говорила, вода здесь есть, но не на камнях же. В трупах была вода, но ее бы не хватило на такой рост... Капитан, мы должны улететь.

- Идем, - вдруг решился Гаррисон. - Идем, займемся кораблем.

У шлюза они встретили Огински. Суперкарго был мрачен.

- Ночью со мной говорила Чен. Мертвая Чен.

Капитан и связист промолчали. Собиравшийся их удивить Огински рассердился.

- Мертвая! Со мной говорила мертвая, и я не спал, и я был не пьян, как вы, закрывшиеся на корабле и едва не отправившие меня на тот свет!

- Это была не Чен, - спокойно сказал Гаррисон. - Что нам передали?

- В каком-то смысле, вполне возможно, что и Чен, - поправил его зануда Рябтсев. - Ну, в том самом смысле, в котором мы - это мы. Если я доступно выражаюсь. Огински, идем с нами, надо готовиться к взлету.

Но суперкарго по-прежнему стоял на пути.

- Она сказала, что взлетать нельзя. Слишком рано - мы все погибнем, если взлетим. Она очень добрая после смерти, совсем на меня не

сердилась.

- Ему, как ты это ни называй, просто нужен еще корм. - Рябтсев обращался к капитану. - Но смысла никакого - нас тоже надолго не хватит. Так что надо лететь, может быть, нас еще можно вылечить.

Капитан отстранил суперкарго и шагнул к скафандрам. Все трое молча облачились и вышли на поверхность Илая. Солнце поднялось достаточно высоко, и в его свете серая трава, устилавшая всю поверхность вокруг «Фели», переливалась удивительно красивыми оттенками.

- Дух захватывает! - сказал Огински, и все поняли, о чем он.

К ним подошел Морган.

- У меня на анализаторе процент кислорода уже пять и две. Содержание углекислоты тоже растет. А там, прямо на камнях, пробивается кустарник. Быстро, глазом видно. Из тех ростков - они раскрылись. И еще... Мне показалось, там кто-то ползает, в траве. Очень мелкие такие червячки, что ли... Но они прозрачные, а я что-то неважно себя чувствую.

- Думаю, это касается всех, - усмехнулся Гаррисон. - А чего ждать? Тварь ест нас изнутри.

- Ну, ты уж скажешь: тварь! - обиделся Морган. - Это жизнь. И ничего плохого нам она пока не сделала. Наоборот, вон как красиво! Я вот смотрю и думаю: до чего мы мерзкие паскуды по сравнению с травой, скажем. Она никого не убивает, не обманывает, не ворует...

- Так мы заражены? - дошло до Огински. - А если... там, в аптечках покопаться?

- Делай, что хочешь, только сначала поднимем корабль!

«По связи» первым зашагал к уже наполовину скрытым под травой тросам и лебедкам. Морган посмотрел на капитана, тот пожал плечами.

- Я в спасение не верю, но если Рябтсев так хочет... Какая разница?

- Но Чен сказала, что сейчас взлетать нельзя! - встрял суперкарго.

- Когда взлетать и взлетать ли вообще, решу я. А пока можно просто приподнять нос, чтобы это вообще можно было сделать.

Морган спорить не стал, хотя Гаррисон ждал от него возражений. Суперкарго тоже взялся за дело. Удивительным образом, несмотря на плохое самочувствие и более чем суточное голодание, работа спорилась. Лишь когда солнце Илая почти закатилось, а нос корабля с помощью хитроумной системы лебедок и домкратов поднялся градусов на пятьдесят, Гаррисон понял, что они трудились целый день. И никто не жаловался на усталость. А вот теперь мышцы будто проснулись.

- Нормально, я взлечу! - сказал он.

Будто дождавшись команды, все трое его подчиненных буквально рухнули на траву.

- У меня сейчас руки отвалятся! - простонал Огински. - Что оно с нами

делает? Мы ведь даже словом не перебросились! Пить хочется, я у себя из фляги все высосал.

- Иди на «Фелю», попей, - меланхолично предложил Морган. - Очень красивый закат. Смотрите, как кустиков стало много! А сердцевинки у них зеленые.

Гаррисон посмотрел на анализатор. Почти десять процентов кислорода. Если так пойдет дальше... Но этого не может быть!

- Как, как она меняет атмосферу с такой скоростью?!

- Может, вся атмосфера уже насыщена бактериями. Специальными такими, - предположил лежавший навзничь Рябтсев. - Если бы вы знали, как я хочу отсюда улететь. Хотя да, очень красиво.

- Она сказала: рано.

- Огински, а когда будет пора, она не сказала?

- Нет... - Суперкарго, видимо, это только что пришло в голову. - А я почему-то не спросил...

- Сейчас не время, во всяком случае. - Рябтсев тяжело поднялся. - Надо отдохнуть, всем. Если не будет урагана, простоит ночь наша красавица? Пошли... Пить. И в душ. И спать.

Когда Рябтсев проходил мимо, Гаррисон ловко вытянул у него из кобуры бластер. «По связи» оглянулся, но ничего не сказал, лишь махнул рукой.

«Ну, и что ты скажешь? Хочешь, чтобы я застрелился, или нет? - Гаррисон полагал, что тот, кто сидит у него внутри и явно управляет его поведением, его слышит. - Наверное, тебе проще иметь дело с трупом? Или наоборот, нравится кушать свеженькое, живое?»

Ответа не пришло ни в каком виде. Руки, правда, буквально не поднимались, но это следовало отнести скорее к усталости.

- Рябтсев хочет улететь, - сказал Морган. - А я не хочу. Может, в нас разные организмы живут? С разными характерами?

- Я тоже хочу улететь! - Огински поднялся и пошел вслед за Рябтсевым. - Только что понял. Скучаю по Земле.

Он ушел, и стало совсем тихо, только ветерок гонял по траве мягкие волны. Гаррисон вспомнил про червячков и присмотрелся. Долго искать не пришлось - действительно, ползали, только совсем не прозрачные, а фиолетовые с зеленым отливом.

«Из ничего, из какой-то пролетевшей сквозь нас крошки, непонятно как зацепившейся за Илая, выросло вот это все! - с благоговением восхитился капитан и тут же одернул себя: - Ну, ты еще слезупусти! Космос есть Космос, возможно все. Хотя, конечно, удивительно. Меняет окружающую среду, уже создает насекомых... Больше всего похоже на развитие по плану. Понимал бы я в этом еще хоть что-нибудь, капитан грузового рейса... Но если продлить линию...»

- Слышал? Огински по Земле скучает.

Морган тоже встал.

- Я думаю, мы не должны ему мешать. Он ведь уже не человек, если разобраться. А у нечеловеков нечеловеческие цели. И мы, как нечеловеки, не должны ему мешать.

Гаррисон не сразу понял, о чем говорит инженер.

- Заражение! Он хочет принести эту штуку на Землю. Точнее, оно хочет! - Что-то вроде чувства долга шевельнулось глубоко внутри, будто чем-то придавленное. - Там наши родные.

- Боюсь, кэп, те, кого они ждут, уже умерли. А если нет, то и они не умрут. Это как посмотреть... Но мешать не надо. Пусть летят. Помоги им.

Оставшись один, капитан смотрел на закат, пока не погасли последние лучи. Потом он долго, жадно пил воду, долго стоял под душем, тоже время от времени хватая ртом воду, а затем упал на койку - благо, теперь на ней можно было лежать.

Ночью ему снился лес, покрывший весь Илай, не считая лишь полярных шапок и появившихся, как по волшебству, водоемов. Местами лес походил на джунгли, местами - на тайгу, но никакой границы не существовало. И почти привычные глазу совершенно удивительные деревья выросли везде. Серо-зеленый лес наполнился живностью, летали птицы, некоторые очень крупные - на Земле таких нет. В водоемах плескалась рыба, воздух гудел от насекомых. Жизнь расцветала и буйствовала. Мощные хищники, прыгая по веткам, охотились на зверьков поменьше, но Гаррисон твердо знал: ему эти клыки и когти не угрожают.

Во сне они шли вместе с Морганом, без скафандров, через этот удивительный лес. Время от времени их кусали какие-то насекомые вроде комаров, но это было совсем не больно, а даже приятно. И еще - полезно, это Гаррисон тоже откуда-то знал. Они шли, счастливые, туда, где их должны были ждать. Это было очень приятно - идти к тем, кто ждет...

Он проснулся и некоторое время старался уснуть опять, уж очень хотелось дойти. Но постель под углом в пятьдесят градусов к вертикали - не самое удобное ложе, если только усталость не валит тебя с ног. Он оделся, умылся и прошел по опустевшему кораблю в рубку. На экранах колыхалось море кустарника, оно простиралось до самого горизонта.

- Ты и ночью растешь! - удивился Гаррисон. - Буду звать тебя Илай. И планету тоже. И себя, может быть.

Самочувствие было прекрасным, вот только есть все еще не хотелось. Он попробовал откусить кусок от галеты и с отвращением выплюнул. Что это должно было значить? Он не знал. Его дело - водить корабли от звезды к звезде, а еще точнее - следить за экипажем, который их водит.

- Тоже мне, интересная жизнь! - усмехнулся Гаррисон. - Нет, прошлого

не жаль. Хотя мои ли это мысли?

Вошел Рябтсев, комбинезон висел на нем мешком, но в целом «по связи» выглядел лучше, чем обычно.

- Видел, что там творится? А процент кислорода вырос за пятнадцать. Морган грозился попробовать дышать.

- Зачем? Немного подождать осталось. Но как это происходит?

- Не знаю. Может, бактерии всякие, вроде нанороботов, а может, она химические элементы из атомов как хочет, так и конструирует. Или вообще частицы из вакуума создает.

- Не она, - поправил капитан, - а он. Мы будем называть его Илаем.

- Илаем? - Рябтсев пожал плечами. - Ну да, логично. Не зря погиб наш молчаливый друг. Скажи пожалуйста: взлетать здесь надо на втором режиме, да? А так как одной дюзы нет, выставить баланс на три и просто сразу после отрыва выдать форсаж, верно я рассуждаю?

- Ну, в целом, да. Ты что, обучался всю ночь?

- Похоже на то, - серьезно кивнул Рябтсев. - Проснулся - и знаю, как пилотировать. Вот только, подозреваю, Илай дал мне твои знания, так что пилот я так себе. Не обижайся. Но взлететь смогу не хуже тебя... А что удивительного? После всего предположить, что мы включены в единую информационную систему - плевое дело.

Гаррисон, подумав, согласился. Если бы с утра Рябтсев обнаружил в себе способность летать вообще без корабля и крыльев, это тоже было бы не слишком странно - после всего, что они видели. Илай тот еще фокусник.

- А что касается твоих слов насчет мыслей... - Рябтсев осторожно забрался в кресло и пристегнулся, чтобы не вывалиться. - Ну, твои это мысли или не твои... Я тоже вчера много думал об этом. Знаешь, если мысли в моей голове - значит, это мои мысли. Не важно, как они возникли. Я вот когда-то читал об одном паразите хитром. Он живет в крысе, а потом ему зачем-то надо попасть в кошку. Не помню зачем. Так этот гад выделяет какую-то пакость, которая стимулирует у крысы выработку гормона смелости, что ли... М-да, память Чен для нас, боюсь, потеряна. А жаль. Так вот, крыса становится смелой и прет на кота. Кот, понятное дело, ее душит. И заодно приобретает нового паразита. Или хозяина, уж не знаю. В общем, чьи это были мысли - крысы или нет? Я думаю, просто крысу надо рассматривать с паразитом как одно целое, вот и все. Это ее мысли.

- Ты очень изменился за эту ночь. Не очень понял про крысу, но в целом я согласен. Других мыслей и желаний у меня все равно нет, так что будем считать, что они мои.

- А еще... - Рябтсев уверенно щелкал тумблерами. - Еще я читал, что в нас клеток с чужой ДНК на порядок больше, чем с нашей. И как все эти паразиты, симбиоты, митохондрии на нас влияют, неизвестно. Но разум у нас один на всех, коллективный. Так что если в нас поселился

еще и Илай, то принципиально ничего нового в этом нет.

- Рябтсев, ты зануда.

- Потерпи, немного осталось. Шестнадцать процентов кислорода... Будем ждать до двадцати или как?

Послышались шаги. Оборачиваться не потребовалось, оба откуда-то знали, что это Огински.

- Чен снилась. Сказала, после полудня можно взлетать.

- Ну вот и определились, - Рябтсев довольно потер руки. - Ты со мной?

- Да. А капитан?

- Думаю, капитан остается.

- Понятно... - Огински замялся. - Очень хочу на Землю. Только я боюсь карантина. Можно мне с тобой поговорить... Наедине?

Гаррисон беззлобно рассмеялся. Попробовал бы суперкарго сказать такое при капитане еще совсем недавно! Даром что должность громко называется, а драил бы все металлические части до самого возвращения.

- Извини, кэп! - Рябтсев, тоже улыбаясь, выбрался из кресла. - Нам в самом деле стоит кое-что обсудить. Или хочешь поучаствовать?

- Нет. Наши пути расходятся, так что валите в трюм.

Земля. Гаррисон попытался вернуться туда хотя бы мысленно. Видимо, в последний раз - Илай не хотел думать о Земле. А поскольку Илай навсегда поселился в Гаррисоне, то желания Илая - это их общие желания. И все же...

Он не испытывал никаких угрызений совести. Конечно, жаль, что жене придется расстаться с приобретенным в кредит домом, а дети не поступят в хороший колледж. Что ж, так бывает - потеряли кормильца. Именно потеряли, потому что их муж и отец, капитан космического корабля, погиб на далекой планете. Дело даже не в профессии. На Земле люди тоже постоянно умирают, это судьба. А судьба далеких землян мало волновала сейчас Гаррисона, его собственная судьба не имела к ним никакого отношения.

Конечно, можно попросить Рябтсева и Огински сочинить какую-нибудь историю о гибели капитана. Тогда родные вполне могут получить приличную пенсию. Однако парочка подозрительно истосковавшихся по родной планете космонавтов вроде бы сговаривалась прямо сейчас о том, чтобы попасть на Землю по возможности коротким путем. Если им это удастся... Что за значение будет иметь какая-то пенсия? Гаррисон не верил, что Земля выдержит удар. Илай наверняка готов к вторжению в чужую экосферу. Войны не будет - слишком быстро и мощно распространится новая жизнь. Которая к тому же умеет неплохо встраивать в себя старую. Или Илай сам встроится. Положа руку на сердце, Гаррисон представления не имел, как поведет себя его новый друг на Земле. У него, наверное, много вариантов поведения.

И не гибель несет он землянам, а лишь изменения. Раз так - почему он, Гаррисон, должен мешать? Тем более что, как сказал Морган, у нечеловеков и цели нечеловеческие. Они больше не земляне, они илайцы.

Вспомнив о Моргане, капитан наклонился к экранам и поискал его снаружи - отчего-то просто знал, что инженер там. Действительно, фигура в скафандре мелькала среди кустарника.

- Морган! Ты там еще цветочки не нюхаешь?

- Жрать охота, - хмуро отозвался инженер. - А еда вот она, на ветках. Я точно знаю - это очень вкусные ягоды! Но их грызут какие-то ящерки, а я боюсь снять шлем. Хотя это уже не смертельно.

- Потерпи. Огински снилась Чен, она сказала - после полудня. И придется, наверное, набрать еды побольше для наших отбывающих. Не голодными же им лететь? Ягод много?

- Их полно! - Морган на экране всплеснул руками. - Разноцветные, спелые такие... И очень, очень питательные! Еще есть корешки. Они не такие вкусные, но полезные. Пусть эти отщепенцы не ждут, а выходят и собирают сами, у нас не рабовладельческий строй! И слышь, Гаррисон? Я вроде бы видел птичку. Там, к северу.

«Тут будет лес. Огромный лес на всю планету. И я буду в нем жить».

- Морган, а деревья еще не растут?

- Кое-где, в основном хвойные. Смешные такие синие елочки, их тоже можно есть. Но лучше подождать, может, завтра уже орехи будут.

От этих разговоров у капитана забурчало в животе. Голод просыпался - значит, Илай и в самом деле готов подать к столу. Гаррисон посмотрел на солнце. Оставалось еще немного. А потом - прощай корабль. Он задумался, что взять с собой, и сразу понял: не возьмет ничего. Раздеваться только не хотелось, и без обуви ходить капитан пока не решался.

- Мы слышали о ягодах! - сообщил от шлюза Рябтсев. - Одеваемся, выходим. Огински выкинет кое-что, расчистит место в холодильнике. Поможешь? Хочется взять побольше.

- Жадина! А ты оставайся.

- У каждого своя задача, - серьезно сказал Рябтсев. - Вам тут обживаться, а нам новые миры покорять. Так что стыдись и иди помогать. Морган, ты слышишь?! Тебя тоже касается.

Ягоды были очень аппетитные. Все четверо просто изошли слюной, пока набивали контейнеры, но твердо решили ждать полудня. Запасли и корешков, и фиолетовой симпатичной травки, и длинных, исходящих соком желтых грибов.

- Я всегда думал: откуда наши предки знали, что можно есть, а что нельзя? - рассуждал Рябтсев, периодически шумно сглатывая. - Неужели ели наобум и травились? Это как-то странно. Скажем, нашли знакомый фрукт - и едят. А незнакомые зачем пробовать? Разве

только силой кого заставить... Может, и так. Но теперь мне кажется, что они просто знали. Так и должно быть!

- Ты лучше скажи: Илай выведет разумных существ? - Огински чаще других поглядывал на солнце. - Я вот думаю, что нет. Иначе зачем ему здесь люди?

- Может, это единственное, чего он не может, - с удовольствием переключился Рябтсев. - Хотя грешно так говорить... В сущности, он наш бог. Но, с другой стороны, может быть, мы его устраиваем. Зачем тогда огород городить? Надо лишь создать генетически совместимых животных. Для размножения.

Некоторое время они работали в тишине. Потом Морган не выдержал.

- Я с обезьянами спариваться не собираюсь!

- Почему сразу обезьяны?.. И вообще, как Илаю угодно, так и будет. Все мы его дети, но и его слуги. Все мы из него вышли и в него уйдем. - Рябтсев, кажется, сам себе удивлялся. - Ну, ведь так и есть, в общем-то. Привыкнем. А зачем раньше срока отказываться, Морган? Илай нас не подводил, и верю, что не подведет. Значит, даст тебе то, что действительно нужно.

- Не могу представить... - проворчал инженер.

- Все равно не богохульствуй! Ты же не мог представить, что будешь исходить желудочным соком по инопланетным ягодам, которых даже не пробовал? Вот и помолчи, доверься Илаю.

- Так передадим же в его руки нашу судьбу! - вмешался Гаррисон. - Похоже, парни, полдень. Давайте-ка я первый, все же капитан.

Он снял шлем. В лицо пахнуло прохладной свежестью, запахами трав и бесподобным, чарующим ароматом ягод. Гаррисон даже не сказал ничего, только махнул рукой - давай! - и принялся за ягоды. Он снимал их губами прямо с ветки и жмурился, наслаждаясь соком, таким горьким и сладким одновременно.

Это было как забытье. Когда бывшие земляне наелись, а точнее, не могли больше есть, солнце уже порядком сдвинулось к западу. Сбросив скафандры, они в одних комбинезонах валялись на траве. На грудь Гаррисона взбежала шустрая маленькая ящерка и укоризненно посмотрела прямо в глаза.

- Да брось, ягод много! - сказал он ей. - Илай щедр для всех!

Ящерка все же показала капитану желтый раздвоенный язычок, прежде чем удрать в траву. Лежавший с ним голова к голове Рябтсев покашлял.

- Ну, все это хорошо, но дело есть дело. Надо лететь. Вам бы отойти подальше.

- Вот! Теперь выжгут тут все дюзами! - возмутился Гаррисон из-за кустов. - Уроды неместные.

«В самом деле: почему мы ни разу не задумались об этом? Восхищались красотой, а про то, что дюзы ее пожгут, совсем не

думали. Наверное, просто ненужные мысли?»

Капитану и правда было спокойно. Илай оживит этот кусочек своего мира очень быстро, ведь он всемогущ.

- Кстати, у меня с печенью было не в порядке... - Рябтсев уже стоял над скафандром, раздумывая, забрать его с собой или оставить. - Каждый медосмотр приходилось платить парням из комиссии, чтобы глаза закрыли. А теперь вот вроде не болит.

- А у меня зуб прошел, слава Илаю! - поддержал Огински. - Так забираем скафандры или нет?

- Возьмем, мало ли что в пути случится. И все, пора прощаться.

Они обнялись и больше уже ничего друг другу не сказали. Гаррисон и Морган, не оглядываясь, пошли по равнине на запад, вслед за солнцем. Оставшиеся по пути к кораблю завернули на кладбище. Конечно, никаких следов могил здесь уже не было, но красный комбинезон Чен еще можно было рассмотреть в траве.

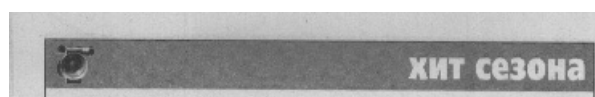
- Зря я ее, - покаялся Огински. - Прости, Чен! Прости, Илай!

- Иди и больше не греш! - важно напутствовал его Рябтсев, совершенно забывший о своем желании приговорить капитана гаечным ключом. - Все. Обожаю эту планету! Но должен нести свет Илая дальше.

Им было так легко, что они просто побежали к «Феле», словно дети. Люк захлопнулся, и через несколько минут корабль, ломая кое-как поддерживающую его конструкцию, оторвался от почвы. Пусть Гаррисон был и не лучшим пилотом, но его познаний хватило Рябтсеву. Немного позже «FL-14» ушел в гиперпространство, чтобы вынырнуть из него гораздо ближе к Земле, которую ждали большие перемены.

«Конечно же, перемены к лучшему, - счастливо улыбаясь, думал Гаррисон. - Потому что все перемены подвластны Илаю, а все, что делает Илай, - к лучшему!»

Они все дальше уходили от места посадки. И где-то далеко впереди, в еще не выросшем лесу, их кто-то ждал.

НА ИГРЕ КАК НА ИГРЕ

«Разделяй и властвуй». Такой подход, может, и хорош для политики, но для кино все еще сомнителен.

Как ни странно, первый опыт в отечественной практике был еще давно, в годы нэпа, когда некоторые прокатчики разрезали пополам «Аэлиту» Якова Протазанова. Ничего хорошего не вышло, и экранизацию Толстого до сих пор смотрят целиком. И если в Голливуде, даже после примера Тарантино, «в двух актах» снимают, как правило, вторую-третью часть состоявшегося хита, то в России «режут наперед». Сначала «Параграф 78», затем «Обитаемый остров» и, наконец, два «уровня» боевика Павла Санаева «На игре».

Идея взять группу подростков, дать им в руки оружие и поставить перед взрослым выбором неизменно выигрышна. Будь то японские школьники, которые должны воевать друг с другом до последнего («Королевская битва»), или русские «черные следопыты», вынужденные вступить в бой с фашистами («Мы из будущего»). Правда, диалогия Санаева близка не к этим образцам, а к недавней «Черной молнии», вышедшей между двумя сериями. Обе ленты наглядно демонстрируют как достоинства, так и болезни отечественного жанрового кино. Радует то, что недуги более похожи на болезни роста.

Развитие отдельного жанра повторяет развитие кино вообще. Вперед уходят техника и спецэффекты, и потом за ними тянется все остальное. Только после того, как прибудет поезд Люмьеров и ракета Мельеса врежется в Луну, на экраны выйдет бродяга Чарли и превратит балаган в искусство. Громкие фантастические ленты последних лет, снятые в России, заявляют: технически мы догнали Запад. А что графика слабее, так и бюджеты пока не под сто миллионов. Картина «На игре» в этом плане достойна похвал и всевозможных технических наград. Операторская работа, монтаж, трюковые сцены - если бы в кадр не лезли российские детали, то случайный зритель мог бы подумать, что, по меньшей мере, попал на боевик от продюсера Люка Бессона.

Однако как с американской картошкой в свое время приехал колорадский жук, так и с лихим действием пришла основная проблема -

сценарий. Вроде бы его создавали два писателя - автор оригинального романа «Игры в жизнь» Александр Чубарьян и сам Павел Санаев, окончивший сценарный факультет ВГИКа. Основная коллизия сохранена: подростки-геймеры неожиданно получили «в реале» те же способности, что и в компьютерных играх, в зависимости от того, кто во что играл - шутер, файтинг или автогонки. Но теперь и человеческая жизнь для пацанов значит не больше, чем жизнь фрага или бота в «стрелялке».

Расхождения с книгой только усиливают фабулу. В тексте Чубарьяна не было объяснения самому феномену, трансформация подростков распространялась по планете без всякой логики, как эпидемия. В фильме же она имеет четкий источник - некую компьютерную игру. Не было в книге и жесткого «идейного» противостояния в среде геймеров. Роман развивался как поэтапное превращение героев в антигероев, для которых перестает иметь значение не только чужая жизнь, но и собственные любовь и дружба. Массовое кино, разумеется, обязывало авторов к тому, чтобы кто-то из персонажей все-таки вызвал симпатию зрителя и заставил переживать за себя.

Тем не менее чем дальше, тем больше сюжет разваливается, и накапливаются вопросы без ответов. И все они сосредоточены именно во втором фильме, который, по идее, должен был расставить точки над «!». Что в итоге случилось с автором злополучной игры? Как сложилась судьба выживших геймеров? Появились ли еще им подобные, ведь какая-то часть дисков с игрой уцелела? Эпилог же, как верно подметил один из критиков, и вовсе повторяет финал «Боя с тенью».

От сюжета дефекты распространяются «по всей кинолентке». Драматическим актерам, кроме Вержбицкого, просто нечего играть. Фактически, в роли компьютерных «ботов» появляются в первом фильме Игорь Скляр или Михаил Трухин. А тем, кому дали побольше экранного времени, негде толком развернуться. В «На игре 2» разве что Александр Лыков и Сергей Газаров получили возможность создать пусть небольшие, но выпуклые образы. И здесь молодые актеры приняли удар на себя - четко вписались в типажи и сами выполнили многие трюки. Большого от них и не требовалось.

Получается так, что кинофантастика для подростков пока еще сама похожа на тинейджера. Нескладная, противоречивая, но энергичная и громкая. Пока еще не столько живет, сколько играет в жизнь. Что же, новый уровень не за горами.

Аркадий ШУШПАНОВ

КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ (SHORTS)

Производство компании Troublemaker Studios (США), 2009.

Режиссер Роберт Родригес.

В ролях: Джимми Беннет, Кэт Деннингс, Джеймс Спэйдер, Уильям Х.Мэйси, Джон Крайер и др. 1 ч. 29 мин.

Роберт Родригес, похоже, решил для себя проблему моральной компенсации. После каждого жесткого, жестокого, бьющего по нервам фильма режиссер обязательно снимает милое семейное кино. Судите сами - после «Города грехов» вышли «Приключения Шаркбоя и Лавы». После «Планеты страха» - «Камень желаний». После грядущего осенью «Мачете» в более отдаленном будущем обещают четвертую часть «Детей шпионов». И серьезное кино, и детско-семейное у Родригеса, надо сказать, получаются.

В оригинале фильм «Камень желаний» носит название «Shorts» - что можно перевести как «Шорты» (видимо, тут подходит русская идиома «штаны на лямках») или считать название намеком на то, что фильм состоит из набора короткометражек. Это не совсем верно - все-таки перед нами связанные истории, Хотя и умышленно перепутанные местами по хронологии событий. В этом явно просматривается экивок в сторону стилистики большого друга Родригеса - Квентина Тарантино. Недаром премьеры «Камня желаний» и «Бесславных ублюдков» состоялись в один день.

Сюжетный посыл прост. В небольшой городок попадает камень, исполняющий желания. Но желания он выполняет слишком уж буквально. Да и скользкий он какой-то, все время теряется, переходит от героя к герою. Когда камень оказался в руках детей - в городе начался форменный бардак. Но вот когда до него добрались взрослые, городу стало грозить уже полное разрушение, и детям пришлось исправлять положение, Мораль незамысловата: надо уметь формулировать свои желания правильно. И не мыслить зла.

В результате получилась отличная комедия, полная совершенно безумных событий и ситуаций. Прямоходящие крокодилы, толпы миниатюрных летающих тарелок с пришельцами, огромные трансформеры, сверхразумный младенец, охранник-сосиска, добрый птеродактиль - все смешалось в этом веселом семейном фильме. Семейном во всех смыслах - ведь Родригес привлек к работе своих многочисленных родственников.

КОШМАР НА УЛИЦЕ ВЯЗОВ
(A NIGHTMARE ON ELM STREET)

Производство компаний New Line Cinema и Platinum Dunes (США), 2010.

Режиссер Сэмюэл Байер.

В ролях: Джеки Эрл Хейли, Кайл Гарнер, Руни Маара, Кэти Кэссиди и др. 1 ч. 35 мин.

Как показывает практика, рассказывать старые сказки на новый лад умеет очень ограниченное число сказочников, Новый «Кошмар на улице Вязов» еще до выхода на экраны получил заслуженный статус самого странного римейка года. Посудите сами - оригинальный «Кошмар» Уэса Крейвена с его многочисленными продолжениями исчерпал тему неприятных сновидений до самого доньшка. Современные тинейджеры, избалованные компьютерными спецэффектами, особого пиетета к старику Крюгеру уже не испытывали, и выпуск обновленного ужастика должен был напомнить младшему поколению, как страшно жить, Вернее, спать.

Визуальная часть фильма радует, как может - тут вам и школьный класс, разлетающийся на куски пепла во сне героини, и тягучая атмосфера кошмара в придорожном кафе в открывающей сцене. Перезапуск франчайза доверили дебютанту-клипмейкеру Сэмюэлу Байеру, и он делал то, что умел - вставляя в безыскусное повествование изюминки образов, пусть цельность при этом хромала, Примерить знаменитый полосатый свитер и когти-перчатку согласился актер Джеки Эрл Хейли, знакомый нашему зрителю по роли Поршаха в «Хранителях». Отказавшийся от своего любимца Инглунд своеобразно одобрил выбор Хейли на роль: «Когда я играл Крюгера, я старался войти в образ мелкой бешеной собачонки, а у этого парня все получится без особых усилий».

Создатели намеренно лишили антигероя его фирменного черного юмора, объяснив это желанием сделать более суровое хоррор-шоу. Из сторожа котельной они превратили его в педофила-садовника в детском саду, которому устроили суд Линча разгневанные родители с улицы Вязов. С поставленной задачей они справились - в итоге Фредди как-то без огонька, по-солдатски, весь фильм кромсает подростков своей ржавой перчаткой. По-прежнему мстит, но уже уныло, неизобретательно, словно хочет побыстрее поставить галочку в списке и уйти на давно заслуженный покой. Увы, учитывая планы продюсеров

превратить все в новую трилогию, покой этому американскому Кощею Бессмертному только снится...

Макс Олин

ГОСПОДИН НИКТО
(MR. NOBODY)

Производство компаний Pan Europeenne, Virtual Films, Christal Films и др. (Канада - Бельгия - Франция - Германия), 2009.

Режиссер Жако ван Дормель.

В ролях: Диана Крюгер, Джаред Лето, Тоби Регбо, Сара Полли и др. 2 ч. 18 мин.

«Мир, - учил он, - мое представление». Но кто он такой? Никто. Немо, господин Никто. Главного персонажа играет Джаред Лето, который един во множестве ролей - он банкир и чистильщик бассейнов, популярный телеведущий и неудачливый офис-менеджер, юный романтик и 118-летний старик, последний из смертных, уход которого транслируется в прямом эфире. Но кто же он такой? Он и сам не знает. Из его воспоминаний и предвидений не выходит единой картины - разные фрагменты друг другу противоречат, разные варианты судьбы не могут принадлежать одному человеку.

Перед нами одно из самых ярких событий на стыке жанрового кино и артхауса. Бельгийский режиссер Жако ван Дормель («Восьмой день», «Тото-герой») готовил этот проект в течение нескольких лет. Здесь собран яркий актерский ансамбль - наряду с Лето нужно отметить Тоби Регбо, который играет юного Немо (его мы скоро увидим в роли юного Дамблдора), и Сару Полли, которой досталась роль стервочки Элизы - одной из трех женщин, рисующих для Немо карту семейной жизни. Много цитат из киноклассики. Визуальные решения технически совершенны, - такие переходы между сценами раньше казались возможными только в литературе.

Все это не для поклонников сюжетного кино. Здесь нет сюжета в общепринятом смысле слова, нет линейного времени. Ситуации лишь намечены и сменяют друг друга без видимого порядка. Это похоже на модель времени у Борхеса в «Саду расходящихся тропок» или на звереттовскую интерпретацию квантовой механики.

Но НФ-ответвления не являются самостоятельными - образы марсианских колоний и бессмертного человечества лишь демонстрируют механизм работы воображения, которое создает эти и другие возможные миры. А герой - будь то старик или ребенок - становится героем лишь тогда, когда отделяет себя от своих фантазий

и делает собственный выбор.

Сергей Некрасов

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК 2 **(IRON MAN 2)**

Производство компании **Marvel Entertainment, Fairview Entertainment и Paramount Pictures (США), 2010.**

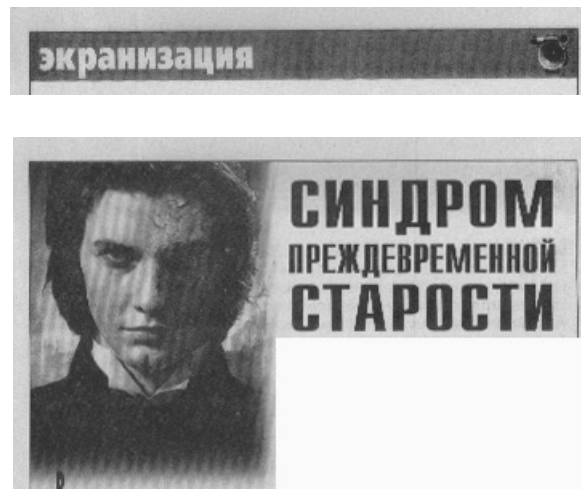
Режиссер **Джон Фавро.**

В ролях: Роберт Дауни-мл., Скарлетт Йоханссон, Микки Рурк, Сэмюэл Л.Джексон, Пол Беттани, Сэм Рокуэлл, Дон Чидл, Гвинет Пэлтроу, Оливия Мунн и др. 1 ч. 57 мин.

В Москве идет снег. Русский мастер Иван Ванко, расписанный тюремными наколками с ног до головы, пьет водку из горла, гладит любимого попугая и напильником да молотком творит высокотехнологичный реактор. В квартире, требующей капитального ремонта, сыро и мрачно. Из лампового телевизора доносятся новости, посвященные мультимиллиардеру и супергерою в одном лице - Тони Старку. Последний еще не знает, что в московском клоповнике сын известного советского инженера Антона Ванко в буквальном смысле кует разрушительные хлысты, чтобы отомстить семье Старка за годы насилия и унижения...

Если закрыть глаза на смешной пролог, собравший едва ли не все штампы о жизни в России, то перед нами - все тот же «Железный человек», что и два года назад. Глава «Старк индастриз» по-прежнему не походит на типичного героя кинокомикса. Он весел, сорит деньгами, купается в лучах славы, говорит о серьезных вещах в окружении полуголых девиц, а угрозы, как и прежде, встречает с юмором.

Конечно, по всем законам продолжения количество угроз возросло многократно. С одной стороны, это алчное правительство, желающее прибрать технологию боевого костюма к рукам. С другой - завистливый оружейный барон, мечтающий занять место под солнцем. С третьей - сумасшедший русский инженер, одолеваемый жаждой мести. А с четвертой - палладиевый реактор в собственной груди, который медленно убивает организм. Кроме всего прочего, за главным героем теперь приглядывает секретная организация «Щит». Все эти проблемы стремительно вращают механизм экшена, миглом заставляя забыть о бородатых талибах из первой части. Однако и герой теперь не одинок. Опять же, по всем законам сиквела, у Тони Старка появился напарник, на время позаимствовавший боевой костюм. Впрочем, даже с ним по ходу картины Тони предстоит подраться. И этот момент, несмотря на наличие взрывного финала, стал едва ли не лучшим во всем фильме...

СИНДРОМ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СТАРОСТИ

Имя Дориан Грей давно стало нарицательным, а его история прочно вошла в обиход массовой культуры. Это история о том, как портрет берет на себя все грехи и уродства оригинала, - миф об искушении красотой и здоровьем на протяжении всей жизни.

В основе истории Дориана Грея из романа Оскара Уайлда лежат два мифа. Первый - о Нарциссе: прорицатель Тиресий предсказал родителям прекрасного юноши, что тот доживет до старости, если никогда не увидит своего лица. Нарцисс случайно посмотрел в воду, увидел в ней собственное отражение и зачах от любви к себе. Дориан Грей влюблен в свое «второе я» - портрет. В конце романа Грей, не выдержав контраста физической красоты и душевной мерзости, которую показывает ему портрет, пытается его уничтожить - по сути, кончает с собой из-за любви к себе.

Второй миф, не менее распространенный и важный для западной культуры, рассказывает о сделке Фауста с дьяволом, о жажде вечной молодости. В роли Мефистофеля у Уайлда выступает лорд Генри Уоттон, который, впрочем, сам никаким порокам не предается и никаких преступлений не совершает. Отголоски Маргариты можно проследить в Сибилле Вэйн.

Но этим литературные связи уайлдовского романа не исчерпываются. Из написанного еще в 1820 году романа Меньтюрина «Мельмот-скиталец» Уайлд позаимствовал и идею портрета, и героя, которому позволено все. Есть нечто общее и с романом Бальзака «Шагреновая кожа». Через магический предмет, играющий роковую роль в судьбе

героя - в данном случае портрет, - роман можно связать как с архетипом легенды о предмете-помощнике, так и с рядом романов современной фэнтези, которая эксплуатирует этот элемент сюжета. Историю Дориана Грея использовали и переосмысливали некоторые писатели XX века - самый известный среди них, пожалуй, Рэй Брэдбери (рассказ «Слава в вышних Дориану!»).

Сам уайлдовский персонаж настолько прочно укоренился в общественном сознании, что врачи уже выделяют отдельное психическое заболевание - так называемый синдром Дориана Грея, выражающийся в страхе перед физическим увяданием или старением. У больных этим недугом подобный страх компенсируется неоправданным использованием молодежной атрибутики, выбором одежды не по возрасту, ведет к злоупотреблению пластической хирургией и косметическими средствами. Иногда это душевное расстройство заканчивается депрессиями и попытками самоубийства.

Синдром Дориана Грея вообще свойствен и современному обществу в целом - оно как будто ужасно страшится старости. Разумеется, фильмы о стариках считаются политкорректными, вот только никто не хочет их смотреть, да и сами режиссеры не спешат снимать пожилых актеров, если только это не звезды первой величины, - мир актеров, как и мир спортсменов, неудержимо молодеет, достаточно посмотреть любой из сериалов или крупных чемпионатов. Процветает сложившийся еще в начале XX века культ здорового и юного тела, в рекламе фигурируют актеры, как правило, молодые, а если и появляются люди среднего либо пожилого возраста, то прославляют они товары для красоты и здоровья или услуги, позволяющие отсрочить увядание - ради того чтобы «брать от жизни все». Эту тенденцию и пытался, в частности, художественно осмыслить Оскар Уайлд в своем декадентско-философском романе «Портрет Дориана Грея», создавая атмосферу эстетства и гедонизма. «Новое эстетство», по Уайлду, есть постоянный поиск новых ощущений от жизни, не обязательно физических и физиологических,

Интересно отметить, что эстетство зачастую связано в массовом сознании с гомосексуализмом. Вопрос, был ли таковым сам Уайлд, имевший, кстати, жену и двух детей, остается открытым, хотя в тюрьму он попал, как известно, за содомию. Правда, поводом к тюремному заключению стало не само «преступление», а бурная ссора, разгоревшаяся между Уайлдом и маркизом Кинсбери, отцом близкого друга Уайлда - лорда Альфреда Дугласа. Судебный процесс и заключение привели к банкротству семьи Уайлдов и фактически к гибели самого писателя: два года исправительных работ подорвали его здоровье, большинство друзей от него отвернулись. Так что передергивают некоторые критики, утверждающие, что Уайлда погубил именно его роман.

В предисловии к этому произведению Уайлд защищал свою эстетическую позицию: художник не моралист, не стремится что-либо доказывать и волен изображать все, что ему заблагорассудится. Именно в предисловии содержится знаменитый афоризм Уайлда: «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все». Атмосфера гедонизма, сентенции лорда Генри, порочность главного героя этого написанного всего за три недели романа вызвали после его выхода в свет в 1891 году такую шумиху, что некоторые даже требовали запрета произведения и ареста автора.

* * *

В целом истории Дориана Грея везло с экранизациями, их было около полутора десятков. Любопытно, что к сюжету романа кинематограф обратился достаточно рано и использовал его очень активно. Вероятно, сыграло свою роль то, что съемки предполагались в основном интерьерные, панорам и батальных не требующие, а потому фильм можно было снимать со сравнительно небольшим бюджетом,

Вслед за первой экранизацией в 1910 году в Дании режиссера Акселя Стрёма последовали три американские - в 1913, 1915, 1916 годах, затем немецкая в 1917-м и венгерская в 1918-м. Последняя интересна тем, что роль лорда Генри в ней сыграл Бела Лугоши. Затем сюжет надолго выпал из обоймы, а в период Великой депрессии гедонизм был не в ходу...

Вернулся роман на киносцену лишь после Второй мировой. Уже в 1945 году появилась голливудская киноверсия, получившая премию «Оскар» за лучшую операторскую работу, а затем еще одна лента - в 1953-м. Затем наступила эпоха телеспектаклей и телесериалов: итальянский телеспектакль в 1958-м, затем в 1961-м новелла в английском телесериале «Armchair Theatre» и в том же году в телесериале американском.

В 1968 году на телеэкраны вышла советская постановка Надежды Марусаловой, где Дориана играл Валерий Бабятинский и где снялись Юрий Яковлев (вполне предсказуемо, в роли лорда Генри Уоттона) и Александр Лазарев. В 1969-м снова сериал, причем мексиканский! Зато в 1970 году на экраны вышел уже кинофильм совместного производства ФРГ, Великобритании и Италии. Далее опять телепостановки: 1973-й - американская, 1976-й - английская, где Дориана Грея сыграл Питер Ферт. Кстати, Питер Ферт и Колин Ферт никакими родственными узами не связаны: жизнь выкидывает иногда неожиданные коленца, эти два английских актера однофамильцы.

Богатым на «Греев» был 1977 год, когда почти одновременно вышли

французский кинофильм и испанский сериал. В 1983 году появилась голливудская лента «Грехи Дориана Грея», где Дориан Грей стал женщиной, а лорда Генри сыграл Энтони Перкинс. Еще одно довольно вольное и несколько неожиданное переложение, снятое в сюрреалистической манере Ульрике Оттингер, появилось в 1984 Году: тут Дориан Грей стал инструментом международного заговора.

Затем последовал почти двадцатилетний перерыв до начала нового, XXI века, и «Греи» хлынули потоком: в 2001-м - кинофильм с Малькольмом Макдауэллом в роли лорда Генри, в 2003-м - «Лига выдающихся джентльменов» Стивена Норрингтона, где Дориан оказался причислен к пантеону персонажей приключенческой литературы и кино, потом еще три экранизации - в 2004, 2006 и 2007 годах, причем в первой из них, снятой Дунканом Роем, женщиной оказался художник Бэзил Холлуорд. И наконец, целых два фильма в 2009 году - Джонатана Куртманша и разрекламированный фильм Оливера Паркера.

Последний поражает главным образом своей удивительной нескандальностью. С некоторой уверенностью можно даже говорить о его провале. Сборы сравнительно невелики - чуть больше 14 миллионов в мире и чуть меньше двух в России.

* * *

В своем - как раз таки скандальном - философском романе Уайлд рассказывал историю о добре и зле, но создается впечатление, что Оливер Паркер и съемочная группа, замахнувшись на сюжет, его попросту испугались. Испугались, что зритель заскучает от чрезмерной интеллектуальности, испугались, что их обвинят в неполиткорректности и провокационности, а потому убрали почти все парадоксы и сентенции лорда Генри, составлявшие главное обаяние романа. Испугались обвинений в порнографии, а потому сделали оргии натужно пресными. Вообще в самом романе ни один из пороков, каким предается главный герой, не назван прямо, исключение составляет лишь употребление опиума. Уайлд говорил: пусть читатели видят в Дориане собственные грехи и пороки, - и создатели последней экранизации навязали зрителю свои (либо те, которые усмотрели в персонаже). Вот только воображение у них оказалось не слишком богатым,

Адаптация литературного произведения, тем более известного, к нуждам кино с его набором изобразительных средств - труд тяжелый и неблагодарный. Тем более странно, что писать сценарий к фильму, которым (по утверждениям некоторых критиков) английское кино собиралось вернуться на мировую сцену, доверили Тоби Финлею - человеку, никогда прежде ничего подобного не делавшему.

От испуга и отсутствия внятного сценария Оливер Паркер и команда как будто не знали даже, что же снимать. Экшен высосать из пальца не удалось, интеллектуальная драма показалась слишком серьезной. История о выходе за рамки обыденности через поиск новизны, впрочем, довольно актуальна, но чересчур заузна.

А посему создатели отыгрались на персонажах.

У Уайлда лорд Генри, ставя свой эксперимент по выведению «нового гедониста», дает молодому человеку прочесть роман Гюисманса «Наоборот» и проповедует теорию нового гедонизма, которая носит главным образом эстетический характер. Теория основана на отношении к жизни лишь как к поставщику эстетических впечатлений, когда объект внимания должен не столько «нравиться» или «не нравиться» (что предполагает еще и некоторую нравственную позицию), сколько «волновать». Если в романе лорд Генри - теоретик порока, то в фильме он водит юного Грея по притонам и борделям, как некий светский сводник.

Разительная перемена произошла и с Сибиллой Вэйн. В романе она персонаж с собственной историей и внутренними проблемами: эта талантливая актриса, живущая в мире театра и иллюзий, полюбив Грея, решается выйти в реальный мир, но утрачивает и талант, и способность играть. В постановке «Ромео и Джульетты» она будто через силу проговаривает слова героини, ведь, на ее взгляд, «Играть влюбленную - это профанация!», а заодно видит без прикрас убожество декораций, фальшь сценических партнеров и нищету антрепризы. Для Дориана ее плохая игра оборачивается крахом иллюзии о возможной нерасторжимости искусства и реальности. Именно поэтому он с ней порывает, бесталанная - она ему не интересна. У Уайлда ее самоубийство объясняется именно этим, а не расставанием с Греем. У Паркера же с Финлеем самоубийство следует практически сразу за постельной сценой, словно постановщики стараются поскорее избавиться от одной девицы, чтобы перейти к следующей.

Предполагается, что второстепенные персонажи должны либо воплощать какие-то идеи, либо служить обрамлением для главного героя, но в трактовке Паркера они не способны ни на то, ни на другое. С самим главным героем дело обстоит не лучше. У Уайлда история Дориана Грея - история попыток трансформировать жизнь, либо себя самого, хотя бы какой-то духовный поиск, в фильме же остались только поиски все более изощренных физических ощущений. К концу романа Дориан приходит к мысли о недостатках молодости, последняя представляется ему временем незрелости, наивности и поверхностных впечатлений: продав душу, он застрял в этом времени. Однако в Дориане заложен огромный потенциал самосохранения и самооправдания: отвращение к себе и своим поступкам сменяется у

него отвращением сперва к портрету, а затем и к самому Бэзилу Холлуорду, - получается, что убит был художник заслуженно. В версии Паркера с Финлеем мы получили пресыщенного жизнью и интрижками красавца, который наподобие чересчур древнего вампира утратил вкус к жизни; надо понимать, исправиться Грей решил исключительно от усталости и скуки.

Все бы ничего, будь фильм построен на игре двух актеров, как это было, кстати, в постановке Марусаловой, которая ближе всех прочих к авторскому замыслу, ведь какая-никакая - пусть и интеллектуальная - драма в ней бы была. Но надо признать, что у Паркера даже известные актеры играют из рук вон плохо.

Обладает ли Дориан Грей в изображении Бена Бориса той ангельско-дьявольской красотой, какой наделил своего героя Уайлд, - дело вкуса, только вот на экране он... никакой. Играющая Сибиллу Рейчел Херд-Вуд, получившая известность благодаря ролям в фильмах «Питер Пэн» Уэнди Дарлинга и «Парфюмер» Тома Тыквера, не способна убедить зрителя, что перед ним очаровательная и наивная актриса. По счастью, на экране она только минут пятнадцать, но и этого достаточно, чтобы стать одним из худших недостатков фильма. Колин Ферт, сыгравший лорда Генри, возможно, был бы недурен, если бы сценарист не навязал ему роль слащавого идиота. В последней четверти фильма из остроумного циника он вдруг превращается в пародию на заботливого отца.

Наилучшая актриса в фильме - Ребекка Холл, известная по фильмам «Престиж» Кристофера Нолана и «Вики Кристи Барселона» Вуди Аллена и сыгравшая здесь дочь лорда Генри - Эмили, но и ей достался жалко-водянистый персонаж. Вроде бы ей положено играть практичную и независимую современную женщину, но после встречи с Дорианом она вдруг превращается в самозабвенно влюбленную барышню - этот женский тип, похоже, единственный на весь фильм.

Не повезло в фильме и викторианскому Лондону, который превратился в истертый задник, эдакую целлулоидную обитель порока, причем во всех слоях общества. Викторианский Лондон здесь темный, грязный и захудалый, и зрителя, очевидно, пытаются уверить, что убожество трущоб - метафора внутреннего убожества, скрывающегося за блеском гостиных. Уайлд старался доказать, что за фасадом хороших манер и приличий лежит жажда новых ощущений, которые позволили бы выйти за рамки души и тела. Фильм же сосредоточен исключительно на грязи и убожестве. Ни о каких поисках чего-то большего, чем физическая реальность, нет и речи. Слишком много спален и будуаров, но нет ничего о переживаниях героев: опять же, вероятно, из-за слабости игры актеров.

Удручающее впечатление производит сама композиция фильма. Поскольку большая часть романа держится на остроумных диалогах

лорда Генри с различными персонажами и его циничных афоризмах, сценаристам пришлось очень и очень много додумывать и даже ввести не существующий у Уайлда персонаж - ту самую Эмили Уоттон.

Художники и авторы спецэффектов - единственные, кому можно поаплодировать. Но и их таланты были приложены не самым лучшим образом: портрет, который стонет и плюется червями, как зомби с похмелья, способен напугать только тех, кто не сталкивался с пародиями на фильмы ужасов.

Значимым сценам - роману с Сибиллой Вэйн и убийству Бэзила - на экране уделены минуты, и зритель проскальзывает по ним, не фиксируя внимания. Создается впечатление, что авторам не терпелось перейти к изображению пороков и полуодетых девиц. Самоубийство Сибиллы оставляет зрителя безучастным именно потому, что их с Греем отношения - шитая белыми нитками уловка, которая должна привести к неременной постельной сцене.

Изображение порока - тема благодатная и для порнографа, и для эстета, но, вероятно, не для Оливера Паркера. Там, где можно было бы обойтись намеком на те или иные эксцессы, режиссер решает, что недалекой аудитории XXI века необходимо показать оргии (иначе она, бедная, не поймет, чему и как предается Дориан), а потому потчует ее натужными сценами, населенными персонажами в нелепых костюмах. А вот употребление наркотиков как таковое не показано, зато сцена курения опиума вообще чистый бурлеск. Примечательно, что в паркеровской киноверсии пороки Дориана сосредоточены на сексе, который и является, похоже, главной причиной его морального падения. От употребления наркотиков (напомним, употребление опиума - единственный порок, который Уайлд называет в романе прямо) и убийства авторы словно бы отмахиваются.

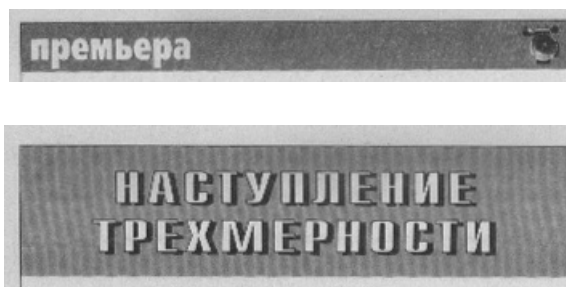
Концовка фильма почти смехотворна. Такое впечатление, что сценарист не знал, как бы ему избавиться от своего персонажа. Если Паркер хотел снять что-то зрелищное, то получилось скорее нелепо.

В целом в фильме нет интриги, обязательной для хорошего готического романа XIX века или хоррора века XXI, - снято красиво, но скучно до зевоты. Фильм не удался из-за желания заранее «подстелить соломки», страха как перед возможными обвинениями, так и перед самой попыткой поговорить о сути добра и зла (хотя в сам фильм для красного словца втиснуто упоминание души и религии). А ведь в прошлом Паркер уже делал - и довольно успешно - адаптации для кино Уайлда, правда, тогда это были пьесы. В 1999 году вышел поставленный им фильм «Идеальный муж», а в 2002-м - «Как важно быть серьезным».

На сей же раз драмы не вышло из-за скуки, психологической драмы - из-за деревянности Бориса, и ходульности прочих образов, а остроумию сэра Генри негде развернуться в фильме, претендующем

на экшен. В общем, как это часто бывает с экранизациями, фильм получился «не о том», а учитывая отсутствие какой-либо центральной идеи, то вообще ни о чем.

Анна КОМАРИНЕЦ

НАСТУПЛЕНИЕ ТРЕХМЕРНОСТИ

Предлагаем вашему вниманию традиционный обзор российских жанровых кинопремьер грядущего полугодия. Напоминаем, что график премьер представлен по состоянию на май 2009 года, и даты начала проката некоторых фильмов могут быть изменены.

Кинопрограмма **июля** начнется с мистического ретро-нуара от Люка Бессона *«Необычайные приключения Адели» (Les aventures extraordinaires d'Adèle Blanc-Sec)*, повествующего о бесстрашной юной журналистке, то опускающейся на дно преступного мира с целью раскрытия оккультных тайн, то совершающей невероятное путешествие в Египет. Еще одно путешествие, на этот раз кругосветное, предпримет героиня шпионского боевика *«Рыцарь дня» (Knight and Day)*: здесь все современнее, надо защищать тайну источника бесперебойной энергии. Тема Египта всплывет и в мультфильме *«Гадкий я» (Despicable Me)* - некий злодей нагло спер одну из пирамид и покушается на Луну!

Полнометражная киноверсия популярного мультсериала «Аватар» по понятным причинам не могла выйти в свет под таким названием. Поэтому фильм знаменитого Найта Шьямалана о мире, где существуют четыре типа магии от каждой из стихий, а спасти его может лишь двенадцатилетний аватар - последний маг воздуха, выйдет в российский прокат под названием *«Повелитель стихий» (The Last Airbender)*.

Своеобразный сиквел-римейк популярной франшизы представил еще один известный режиссер. Но, несмотря на то что фильм будет называться *«Хищники Роберта Родригеса» (Predators)*, сам Родригес отметился лишь как автор сценария. Несколько человек - душегубов,

убийц и просто моральных уродов - Хищники умыкают на свою планету с целью устроить охоту...

Еще одна долгожданная фантастическая премьера - «Начало» (*Inception*) Кристофера Нолана с Леонардо ДиКаприо в главной роли. Действие происходит в мире, где научились погружаться в сны людей, Однажды небольшой фирме по внедрению в сны поступает предложение вживить в мозг крупного бизнесмена нужные конкурентам идеи.

Среди многочисленных сценаристов фильма «Ученик чародея» (*The Sorcerer's Apprentice*) упомянут даже Иоганн Вольфганг Гёте с его одноименной поэмой «Der Zauberlehrling». Однако действие картины происходит в наше время: студенту-физику придется поверить в волшебство и научиться ему, иначе наш мир погибнет.. Не обойдется в июле и без японского хоррора. «Лабиринт страха 3D» (*Senritsu meikyū 3D*) поведает о маленькой девочке, которую одноклассники заперли в аттракционе ужасов. Через 10 лет девочка вернется, чтобы отомстить.

Август откроет мистический фильм не вылезавшего из скандалов Романа Полонского «Призрак» (*The Ghost Writer*), повествующий о «литературном негре», пишущем мемуары за премьер-министра Великобритании. Многожды переносившаяся премьера французско-гонконгского триллера «Я прихожу с дождем» (*I Come with the Rain*), возможно, наконец явится нашим зрителям.

Затем настанет время мультфильмов. Продолжение известной космической анимации «Мартышки в космосе: Зартег наносит ответный удар 3D» (*Space Chimps 2: Zartog Strikes Back*) сменится приключенческим «Вокруг света за 50 лет 3D» (*Around the World in 50 Years 3D*), а на десерт будет подан российский мульт-мюзикл от знаменитого Гарри Бардина «Гадкий утенок» со стихами не менее знаменитого Юлия Кима.

В сентябре зритель сможет познакомиться с российским проектом «Сказка. Есть» - это цикл сказочных киноновелл, снятых молодыми режиссерами, но со многими знаменитыми актерами. Еще один отечественный фильм «Цветок дьявола» Екатерины Гроховской расскажет о студентке, которой снится загадочный цветок на воротах средневекового замка.

Очаровательная Милла Йовович продолжит бесконечную борьбу с зомби в очередной киноинкарнации модной игры «Обитель зла 4: Жизнь после смерти» (*Resident Evil: Afterlife*). А создатели «Звонка» от телефонов перешли к Интернету и выдали на гора картину «Чат» (*Chatroom*). Напоследок сентябрьский репертуар расцветит лучший, по мнению жюри «Оскара», иностранный фильм 2009 года, мистический аргентино-испанский, - «Тайна в его глазах» (*El secreto de sus ojos*) Хуана Хосе Кампанеллы.

Октябрь вновь обрушит на головы зрителей целый ворох отечественной кинофантастики. Здесь и мистический «Темный мир» Антона Мегердичева (группа студентов-фольклористов обнаруживает древний могильник), боевик «Младший» Богдана Дробязко (младший брат-толкинист спасает попавшего в беду старшего брата-бизнесмена), детский мультфильм «Кукарача» Амета Магомедова (тараканы и прочие букашки выручают маленького мальчика) и черный анимационный юмор «Носферату. Ужас ночи» Владимира Мариничева (Дракула против Ван Хельсинга в современном Лондоне).

Средневековая рыцарская фэнтези с неувядающим и всеядным Николасом Кейджем «Время ведьм» (*Season of the Witch*) поведаст о том, что не все спасенные от костра юные девушки так уж и невинны. Римейк классического хоррора «Не бойся темноты» (*Don't Be Afraid of the Dark*) о женщине и старом доме будет осуществлен при продюсерстве и участии в сценарии знаменитого Гильермо Дель Торо. Режиссер «Мадагаскаров» Том Макграт расскажет о суперзлодее по прозвищу «Мега-мозг» (*Megamind*), который победил всех супергероев, но ему стало скучно, и он решил создать себе нового антагониста. Франко-испанская НФ-лента «Последний романтик планеты Земля» (*Les derniers jours du monde*) продемонстрирует, что никакой Апокалипсис не может воспрепятствовать настоящей любви...

Ноябрь беден на кинофантастику. С некоторыми допущениями к жанру можно отнести французский мультфильм «Миа и Мигу» (*Mia et le Migou*) о девочке, которой, чтобы найти отца, необходимо пройти через волшебную гору, чьи недра населены невероятными существами; мультэкранизацию классической сказки братьев Гримм «Рапунцель» (*Rapunzel/Tangled*): да киноверсию мордобитной игры «Теккен» (*Tekken*). Скорее всего, кинопрокатчики просто испугались конкуренции с мировой премьерой первой части седьмого фильма суперблокбастера «Гарри Поттер и Дары Смерти. Часть I» (*Harry Potter and the Deathly Hallows: Part I*).

Зато предрождественский **декабрь** - традиционное время для фэнтези и сказок. Центральные события месяца - третья часть саги «Хроники Нарнии: Покоритель зари» (*The Chronicles of Narnia: The Voyage of the Dawn Treader*) и долгожданная премьера римейка классики НФ «Трон: Наследие» (*Tron Legacy*),

Не обойдется и без большого блока анимации - на этот раз российские мультфильмы почти не уступают зарубежным. наших полнометражных мультфильмов будет представлено аж три: «Волшебный кубок Роррима Бо», «Три богатыря и Шамаханская царица», «Щелкунчик 3D», Западная анимация ответит французским фэнтези-мультфильмом «Брэндан и секрет келлов» (*The Secret of Kells*).

Ну а что же игровое кино? Нас ждет язвительная фантастика от

хулигана Вуди Аллена «Ты встретишь высокого незнакомого брюнета» (*You Will Meet a Tall Dark Stranger*), масштабная экранизация «Путешествий Гулливера» (*Gulliver's Travels*), а также российские ленты: триквел «Любовь-морковь 3» и уже переносившаяся премьера комедии «Поцелуй сквозь стену».

Тимофей ОЗЕРОВ

АРКАДИЙ ШУШПАНОВ

**УДАР
МОЛОТОБОЙЦА**

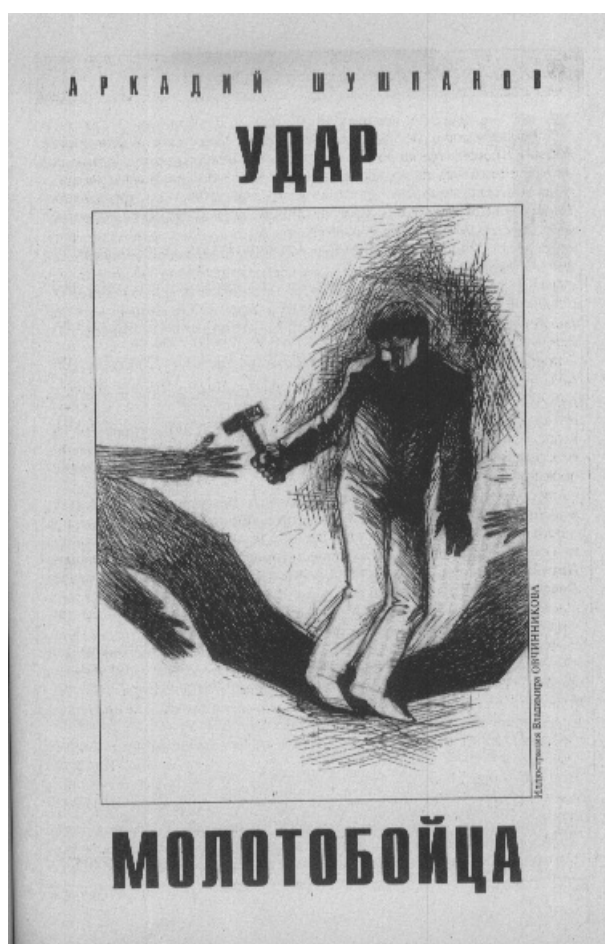

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Имя-отчество педагога были, как у Лермонтова, -- Михаил Юрьевич. А фамилия подкачала - Савоськин. Когда Ростик вошел и поздоровался, тот, подобно легендарному Цезарю, занимался двумя делами одновременно. Вносил записи в журнал спецдисциплин и слушал плеер. Наверное, поэтому на Ростике Михаил Юрьевич сфокусировался не сразу. Даже посмотрел так, будто видел впервые.

- Он охотится за мной, - сообщил Ростик без всякого вступления.

- Кто? - Савоськин выпрямился, извлек крохотный наушник и убрал в карман черного пиджака.

- Помните, мы Чехова проходили? - Ростик посмотрел на классную доску. Михаил Юрьевич обернулся и взглянул туда же.

На доске твердая рука вывела дату и тему занятия: «Русский символизм».

Каллиграфический почерк Савоськина был предметом разговоров. Впрочем, не только он.

Выглядел Михаил Юрьевич лет на тридцать. В лицее появился недавно, с начала учебного года. Читал два спецкурса, а когда классная Эльвира вдруг подхватила грипп задолго до сезона эпидемий, согласился ее замещать.

Откуда взялся Савоськин, никто не знал. Лекторов из университета представляли: «Доктор наук, профессор такой-то». Михаила Юрьевича называли просто по имени.

А Чехова должны были пройти еще в мае. Он значился последним в лицейской программе за десятый класс. Но тему Эльвира перенесла на осень, а сама вот занемогла.

Михаил Юрьевич повел дело основательно. Читали много, в том числе и вне программы.

- Вы тогда эпитафия на доске написали, - Ростик процитировал: - «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял бы кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные...»

- Да, было такое, - ответил Михаил Юрьевич. - Это из «Крыжовника». Вы его не проходили.

- Неважно. Он за мной охотится.

- Кто? - Разговор явно сворачивался в кольцо.

- Кто-нибудь с молоточком. Он есть. У меня - точно.

- Подожди, - остановил Савоськин. - Это ведь рассказ, там человек мечтал стать помещиком и посадить крыжовник. В конце концов посадил. И ничего ему стало больше не надо. Все по барабану, как говорит ваш Макс Разумовский. Вот потому его брат, доктор, - не Макса брат, а помещика, - и сказал, что у каждого за дверью должен стоять кто-то с молоточком. Чтобы тот, кто доволен и счастлив, не забывал, что есть несчастные. Фигура речи.

- Никакая не фигура, - мотнул головой Ростик.

- Подробнее.

- Я... не знаю, откуда он взялся. Это как раз после того урока было. Я стук услышал. А потом увидел его. На улице. Стоит и смотрит на меня. А в руке - молоток. И в одежде такой... ненашенской.

- Он тебе что-нибудь сделал?

- Ничего. Я убежал сразу. А потом часто его видел... то есть слышал.

Он стучит в дверь. Открываю, а там никого.

- А зачем стучит? - вдруг поинтересовался Эльвириин наместник. - Что ему надо?

- Не знаю, - Ростик вздохнул. - Я же крыжовник не выращиваю. И есть не люблю.

Еще он хотел сказать, что не считает себя ни довольным, ни счастливым. Даже до появления этого типа в плаще-крылатке не считал, а после - и подавно. Тот пришел не по адресу, вот что обидно.

По стене тянулась коллекция портретов: русские классики устало наблюдали за тем, как ветреная младость читает их труды. Теперь, за неимением других объектов, внимание сосредоточилось на одном Ростике. Лишь Федор Михайлович был по обыкновению весь в себе: сложив на колене сильные руки каторжника, напряженно смотрел в пол. Зато Антон Павлович, который замыкал коллекцию, пронизательно следил за Ростиком через пенсне. Будто сто лет назад поставил эксперимент и теперь с любопытством ждал результатов.

- Ты кому-нибудь говорил? - нарушил молчание преподаватель.

- Нет, никому. Только вам...

В самом деле, а кому еще? Родителям? Скажут: дурью не майся, поступать летом, в армию, что ли, захотел - и так далее, по тексту. Лучшему другу Виту Колосову? Крутанет пальцем у виска: фильмов меньше смотри да Кинга не читай на ночь. Классной Эльвире? Нет, Эльвире тоже нельзя, да и болеет она.

Так что оставался один Савоськин. В конце концов, он эту кашу и замутил... то есть заварил. Вместе с Чеховым. Но до Чехова уж точно не дотянуться.

- Чем я могу помочь? - спросил Михаил Юрьевич, словно прочитав мысли Ростика.

- Не знаю... Что мне делать? - Ростик невзначай скосил глаза на портрет Чернышевского, затем перевел снова на преподавателя. - Вы думаете, я того? Крыша съехала?

- Совсем нет, - задумчиво отозвался педагог. - Совсем нет...

Кабинет русского и литературы опять заполнила упругая, выжидательная тишина. Раздавался лишь тихий стук - это Михаил Юрьевич касался столешницы авторучкой. Стук - щелчок кнопки - стержень внутрь. Стук - щелчок - стержень наружу.

- Есть идея, -. вдруг произнес Савоськин. Ростик даже вздрогнул. - Познакомлю тебя с одним моим другом.

- Он кто? Психиатр?

- Бизнесмен. А еще коллекционер. До вечера потерпишь? Не доберется до тебя твой человек...

До вечера Ростик не дожид, а именно дотерпел. Наконец мобильник завибрировал.

- В семь на остановке у магазина «Восток - Запад», - сообщил Савоськин. - Успеешь?

...Улица напоминала вокзал, куда ближайшим рейсом прибывала ночь. У магазина, спиной к Ростику, стоял Михаил Юрьевич в элегантном белом плаще, черной кепке и пестром, в клеточку шлафроке.

Только теперь Ростик перепугался по-настоящему. Доверился практически незнакомому человеку, и очень странному. Когда Савоськин услышал его телефон, то не стал никуда записывать или забивать в память сотового. Просто кивнул и поблагодарил.

Кто такой этот его коллекционер? Чего коллекционирует? Может, маньяк...

Некстати Ростик вспомнил и прочитанное на каникулах «Над пропастью во ржи». Посоветовал книжку Вит Колосов, сказал, это «что-то». Ничего особенного Ростик там не вычитал. Ну, ходит один туда-сюда, ерундой страдает. В душу запал единственный эпизод: когда этот самый неприкаянный Холден остался ночевать у своего учителя, а тот погладил его, спящего, по голове. Холден, разумеется, тут же сбежал. Ростик на его месте тоже сбежал бы. Американцы, они, конечно, на таких вещах свихнулись, и видимо, давно. Но все же, все же...

Отчетливо послышался стук молотка.

Кругом суетился народ. Ростик начал озираться. Стук он всегда различал очень хорошо, что бы ни грохотало рядом.

Потом побежал к Савоськину.

- Ты пунктуален, - одобрил тот.

А Ростик с запоздалым ужасом разглядел, что плащ преподавателя - точь-в-точь «крылатка».

Шли молча. Ростик заметил, что Михаил Юрьевич опять с плеером. Неприятные мысли он старательно отгонял, но те возвращались, как настырные комары.

Коллекционер жил в элитной новостройке.

- Дон Мигель! - воскликнул он с порога. - Привет, привет!

Протянул руку Ростику:

- Афанасий!

- Ростислав, - пробасил в ответ гость и смущенно поинтересовался: - Простите, а по отчеству?

Загадал: «Только бы не Афанасьевич!» Тезки Лермонтова и Фета в одной квартире - это слишком.

- Алексеевич, - представился коллекционер. - Но для друзей Дона Мигеля - просто Афанасий.

Коллекционер был весел, пышно русоволос и клочковато бородат. Глаза прятались за дымчатыми стеклами. В широкой улыбке не хватало одного зуба, и от этого Ростик тоже почувствовал себя весело и уютно. Решил: ничего плохого тут ему точно не сделают.

- Значит, вот он какой... - Афанасий смотрел, казалось, из-под потолка.

- Он самый, - ответил Михаил Юрьевич, которого здесь почему-то звали Дон Мигель.

- Ну, пойдём. - Коллекционер повернулся и шагнул из прихожей.

- Куда? - Ростик торопливо разувался.

- Покажу тебе коллекцию.

- Иди-иди, - сказал Савоськин. - Не бойся,

Ростик думал, что увидит лабиринт залов. Ничего подобного. Квартира Афанасия оказалась однокомнатной. Просто комната была большая-пребольшая и хитро разгорожена мебелью на несколько секторов. Четко виделось: тут спят, там спортом занимаются, а вот здесь у хозяина кабинет. Тоненькая перегородка отделяла кухню, а перед кухней оборудовали самый настоящий бар.

Везде царил мягкий свет. Приглушенно играла музыка из последнего фильма Тарантино.

- Чего тебе налить? - бросил коллекционер из-за стойки.

- Я не пью, - испугался Ростик.

- Налей ему соку, - раздался, гол ос Михаила Юрьевича.

- Томатный подойдет? - Афанасий зачем-то подмигнул Савоськину.

- Подойдет, - поспешно ответил Ростик и получил высокий стакан.

- А вам, Дон Мигель, как обычно, текилу? - Коллекционер щербато оскалился.

- При учениках не могу, - педагогично заметил Михаил Юрьевич.

У Ростика отлегло от сердца.

- Тогда и вам томатный. - Коллекционер вручил стакан Савоськину. - А я, если не возражаете, пива. Вы ведь не возражаете, да?

- Да! - хором не возразили гости.

Коллекционер нацедил себе из жестяного бочонка.

- Ну-с, - заключил, - прошу.

И провел гостей в малоприметный с виду сегмент квартиры с полукруглым диваном.

«Да это же домашний кинотеатр! А экран выдвигается», - догадался Ростик, усевшись на краешек. Савоськин расположился рядом. Коллекционер сел так, чтобы видеть обоих.

- Он в курсе? - спросил у Савоськина.

- Насчет коллекции - нет, - ответил Михаил Юрьевич. - Насчет остального тоже.

- Отлично, - улыбнулся Афанасий.

«Почему он зуб не вставит?» - озадачился Ростик.

Коллекционер взял с зеркального столика маленький пульт. В трех метрах от дивана разошлись панели на стене, открывая взору потайной шкаф. Дверцы шкафа тоже раскрылись, сами собой. Стало видно, какие они массивные.

Разглядев, что за ними, Ростик чуть не расплескал сок.

- Осторожнее, - предупредил Афанасий. - Лучше поставь вон туда.

В потайном шкафу разместилась целая коллекция холодного оружия. Шпаги, ножи, даже меч - впрочем, ржавый. Но взгляд Ростика приковала к себе одна секция.

Молотки. Самые разные, но все старинные. Ни одним из них явно не забили и гвоздя. Такими стучали на аукционах, выкрикивая: «Продано!». Такими стучали судьи, оглашая смертные приговоры. Такими стучали в двери, приходя с недобрыми намерениями.

Да и спроста ли их держали на оружейном стенде?

- Откуда у вас столько? - спросил Ростик Афанасия.

- Догадайся. - Коллекционер с удовольствием отхлебнул из кружки, а затем продолжил: - Ты ведь сюда затем и пришел?

Ростик молчал.

- Хорошо, - Афанасий опустил кружку на колени. - У меня есть хобби. Вообще-то у меня их много, но одно - особенное. Это, - он кивнул на молотки, - мои охотничьи трофеи. И если мы договоримся, ты подаришь мне еще один.

- В смысле? - Ростик обо всем уже догадался, но хотел услышать от коллекционера.

- Можешь *заказать* мне своего молотобойца. Ты ведь уже осознал его.

- Вы его что, убьете?!

- Не обязательно. Могу просто отобрать молоток. И все: стучать будет нечем.

- А я что должен буду?..

- Оставишь молоток. Для коллекции.

- А вы... своего тоже? - Ростик не мог не спросить.

- Еще в юном возрасте. Я же не знал, что этот дяденька... мягко говоря, ненастоящий. Молотком на меня замахиваться! А я был хоть и маленький, но шустрый. И ни-че-го не боялся. Ну, я его тем же самым молотком... Думал, бандит какой-то. А потом, с годами, начал и чужих осознавать. Может, в том все и дело. Сначала надо от своего избавиться.

- Подождите. Они ненастоящие?

- Для нас с тобой - очень даже настоящие, - подмигнул Афанасий и снова хлебнул из кружки.

- И как вам... без вашего? - Ростик почувствовал себя глупо.

- А ты как думаешь? - Афанасий сделал широкий жест кружкой.

Ростик ничего не ответил. Зачем-то взвесил в руках красивый стакан и

еще пригубил сока. С трудом нашел, о чем еще спросить.

- Почему вы на них охотитесь?

- Должна быть справедливость.

- Как так?

- Я тебе объясню. Молотобойцы - это вроде как плод нашей эволюции. Палеонтологией не увлекаешься? Крупных динозавров видел в кино? Бронтозавров всяких, диплодоков. Они были такие большие, что если бы кто-то их укусил за хвост, голова могла узнать об этом слишком поздно. Далеко ведь. Поэтому у них развился еще один мозг. Да-да, в заднице, специально для таких вот случаев. Много думать не мог, у них и основной-то был не шибко умный, но для выживания хватало. Пока все равно как не наступил, и для тех, кто с двумя мозгами, и кто с одним. Но у нас все сложнее. Второй мозг нам не нужен, габариты не те. А вот второе сознание... Тут спорят, что сделало обезьяну человеком и так далее. Вопрос, что его потом удерживало быть человеком. Ведь к животным инстинктам скатываться просто, а интеллектуально развиваться приходится очень и очень долго. Я думаю, вместо второго мозга у нас появилось еще одно «я». Если мир и человек многомерны, то и эволюционируют они тоже сразу во многих измерениях... Короче, это второе «я» на биологическом или еще на каком-то уровне следило за тем, чтобы мы оставались людьми. Не ради выживания организма, а ради всего уникального вида... Разумеется, не у всех оно было, так и мозгов даже сейчас многим не хватает, а ведь образование, компьютеры, туда-сюда... Извини, Мигель.

Во рту коллекционера снова показалась щербинка. Савоськин усмехнулся.

- Так вот: мы, то есть человечество, вырастили в своем сознании еще кого-то. Субличность. Она должна была толкать нас вверх, делать человечнее, что ли. Братья по разуму, так сказать... Тут тебе и контакт, и звездные войны. В одном флаконе.

- А почему о них ничего не знали? - поинтересовался Ростик, чуя какой-то подвох.

- Да почему же ничего? Писатели-то о них давно знали. Откуда, думаешь, всякие двойники, тень, которая гуляет сама по себе, призрак отца Гамлета, черный человек... Наш любимый Антон Палыч просто создал еще одну модель, так сказать. Главное-то в другом. Сначала они нам помогали, а потом стали мешать... Ведь как получается: чуть что, сошел с тропочки - получай удар по затылку. Хорошо, такие, вроде нас с тобой, могут их осознать, понять, что к чему. А скольких людей они загубили? Хороших людей, заметь! Раз - и удар молотком. А в нашей реальности - сердечные приступы, инсульты, самоубийства... Да ладно, сколько люди всего не сделали из боязни таких вот деятелей? Добро бы еще правила у всех этих молотобойцев были одинаковые.

Так нет же, каждый сам по себе, как мозжечок.

- Но ведь они же ненастоящие? - опять завел свое Ростик, который наконец-то обнаружил подвох. - И молотки у них, значит, тоже!

- Молоток - это всего лишь образ. Пакет информации, который поступает тебе в мозг. А мозг уже сам разрушает организм и сознание. А я эту информацию забираю себе. Но когда ты их осознал, для тебя они вполне материальны... Так подаришь мне свой?

Ростик медлил. Он пришел с надеждой получить помощь, но чтобы вот так...

За все время их разговора с Афанасием Савоськин не проронил ни слова, только время от времени тянул сок. Теперь у него в руках был пустой стакан с красноватыми разводами на стенках, а у Ростика еще больше чем наполовину полный.

- Михаил Юрьевич, - сказал Ростик. - А что вы с вашим молотобойцем сделали?

Решил: вот как сейчас ответит преподаватель, так он, Ростик, и поступит.

Но ответил коллекционер Афанасий.

- Дон Мигель никогда не знал этой проблемы.

Он снова подмигнул другу и добавил:

- Пока.

Хлебнул из кружки. Там тоже подходило к концу.

- Это правда? - спросил Ростик.

- Правда, - отозвался Михаил Юрьевич.

Но Ростик почему-то не поверил. Было там что-то, говорившее: правда-то не вся.

Сок вяло колыхался, стоило наклонить стакан. Молотки поблескивали в шкафу.

- А можно посмотреть поближе?

- Можно, - разрешил Афанасий.

Ростик аккуратно пристроил томатный сок на столике и, шаркая, прошел по ковру к шкафу.

На ощупь молотки были самыми обыкновенными. Ну, выглядели антикварно. В руку ложились удобно.

- Ми-игель! - протянул за спиной Ростика коллекционер. Послышался звук: дно кружки опустилось на столешницу из стекла.

Ростик повернулся.

- Мигель! - крикнул Афанасий, резво подпрыгивая и скатываясь за спинку дивана.

Молоток врезался в его кружку, уже пустую. Осколки бомбардировали ковер.

Ростик размахнулся и запустил второй. Молоток отлетел от диванной спинки и упал где-то в стороне. Там тоже зазвенело, хрустнуло и посыпалось.

Краем глаза Ростик успел заметить, как к нему летел Савоськин. Именно летел, широко раскинув руки. Все замедлилось, и в этой неповоротливой вселенной Ростик вытащил из шкафа еще один молоток, неспешно отвел назад и метнул его в голову Афанасия, возникшую из-за дивана.

- Черт... - Коллекционер снова нырнул. И все вернулось в режим реального времени.

Третий молоток просвистел над диванной спинкой, где-то далеко, в физкультурной зоне, стукнулся о стальную трубу тренажера и успокоился на полу.

Савоськин сгреб в охапку безоружного Ростика, инерция падения бросила обоих на ковер, как борцов дзюдо очень разных весовых категорий.

- Держи его! Крепче! - слышалось из-за дивана.

Михаил Юрьевич вцепился в Ростика. Хватка у него была мощная.

Над диваном поднялась, точно перископ, одинокая рука коллекционера с пультом дистанционного управления. Пульт навелся на шкаф с молотками. Дверцы захлопнулись, панели сошлись.

- Не ушибся? - спросил Михаил Юрьевич, поднимаясь.

- Я... не хотел, - взъерошенный Ростик смотрел шальными глазами то на педагога, то на молоток среди осколков. Молоток нагло блестел: мол, ничего не знаю, это он, хулиган такой, выдумал мною бросаться.

- Как же, как же! - Откуда-то с неожиданной стороны выполз и встал на ноги Афанасий. - Не хотел он!..

- Оно само, - пролепетал Ростик.

- Само, - коллекционер поднял с пола молоток. Повертел, взглянул на Ростика.

Тому почудилось, что сейчас начнется страшная месть.

Афанасий сунул молоток рукояткой в задний карман джинсов. Сказал Михаилу Юрьевичу:

- А я предупреждал, что добром не кончится!

- Честно, не знаю, как оно получилось, - оправдывался Ростик.

- Если в начале пьесы на сцене висит молоток, - заметил Савоськин, - то в конце он должен выстрелить.

- Филолог... - отозвался Афанасий. - Забирай отсюда своего молотобойца и проваливай.

Ростик замер.

- Чего рот разинул? - Коллекционер нервно усмехнулся. - Их только молотобоец и может трогать. Или охотник.

Ростик показалось, молоток все же прошелся по его голове.

От дома коллекционера они свернули в незнакомые Ростик переулки. Обшарпанные двухэтажные дома тонули в высоких кустарниках. Было мрачно и тихо. Уже темнело, хотя они пробыли у Афанасия от силы час.

Савоськин опять воткнул наушник.

- Какая группа? - вяло спросил Ростик.

- Не группа. Испанский язык.

«Так вот откуда «Дон Мигель», - пришла догадка. Они еще свернули, забираясь куда-то совсем уже в дебри. Над головой стаями кружили вороны.

- Я не знаю, что на меня нашло, - сказал Ростик.

- Что-то вроде инстинкта. Но Афанасий предвидел, потому и спрятался.

- Зачем мы вообще туда пошли?

- Если бы ты не взял в руки один из молотков, то до сих пор думал бы, что за тобой ходит молотобоец.

- Откуда у меня молотобоец, если я сам?..

- Прах к праху, тень к тени... До инициации так всегда бывает.

- Я же человек, - выговорил Ростик то, что уже давно просилось наружу. - Я знаю, где живу. У меня есть родители. Друг есть, Вит Колосов.

- Извини, но Вит Колосов - мой друг. Мы не виделись лет пятнадцать. Сейчас он живет в Мурманске. Мы с ним книгами менялись.

Ростик даже остановился.

- Не веришь? - Савоськин повернулся к нему. - С кем из класса ты дружишь?

- Ну... - Вопрос неожиданно поставил в тупик. - Ни с кем.

- А почему?

- Не знаю, - честно ответил Ростик.

- Потому что ни с кем не разговариваешь. А сидишь где?

- На задней парте, - Ростик уже понимал.

- У окна, да? Там никто больше не сидит. В классе двадцать три человека. Последние места всегда пустуют. Ладно. Что вы проходите по алгебре?

Ростик снова признал, что не помнит. Савоськин безжалостно продолжал:

- А по истории? По географии? Ты правда учишься у меня в классе. Только у меня.

- Почему все - не мое? - Ростик почувствовал, что хочет зареветь.

- Субличность включает части базовой личности, которые обрели новое системообразующее свойство, - заумно выразился Михаил Юрьевич. - А если по-простому: твой опыт - это мой опыт в твоём возрасте.

Улица неожиданно превратилась в аллею. Ростик с Михаилом Юрьевичем вышли в Упокойный сад. Так это место прозвали, потому что раньше тут располагалось одно из городских кладбищ, даже сохранились развалины часовни. Но здесь вовсе не было страшно, далее теперь, в поздний и пустынный час. На дальней аллее одинокий

собачник играл со своей псиной.

- Получается, я нереальный, - сказал Ростик. - Как в том фильме... «Шестое чувство».

- А ты вон у нее спроси, - Михаил Юрьевич махнул рукой туда, где раздавалось тьяканье.

Ростик вопросительно посмотрел на учителя.

- Сходи-сходи, - велел педагог. - Пообщайся пару минут с живой природой.

А сам уселся на скамью с литой спинкой. Ростик вернулся удивленный и разочарованный.

- Рычит, - сообщил он. - Пятится и рычит. А хозяин в упор меня не видит. Животные тоже... чувствуют?

- Они и сами в некотором роде молотобойцы.

- Можно, я сяду?

- Садись, чего спрашиваешь...

- Ну, я же... как бы ваша тень. В некотором роде, - Ростик старался подражать интонации Савоськина.

Он уже начинал видеть положительные стороны в своем новом бытии. Например, уроки учить не надо. И рано приходить домой тоже. А можно вообще не приходить.

У него и дома-то, если подумать, теперь нет.

Михаил Юрьевич сунул руку в карман плаща и вытащил предмет. Ростик даже отодвинулся.

На ладони Савоськина лежал аккуратный лакированный молоток.

- Вы у Афанасия взяли?

- Нет. Он мой.

Ростик еще больше отодвинулся.

- Я был, - коротко уточнил Савоськин.

Все опять переворачивалось с ног на голову. Михаил Юрьевич молчал. Видимо, ожидал еще вопросов.

- Почему вы дружите с Афанасием?

К ногам Ростика опустился, наверное, первый опавший лист этой осени. На границе сада зажглись фонари. Сюда их свет почти не проникал, словно боялся лезть в глубину бывшего кладбища.

- А почему бы мне с ним не дружить? - переспросил Михаил Юрьевич, или кем он там был на самом деле.

- Он же охотится на вас. То есть на нас!

- Мы коллеги, - ответил Савоськин. Оценил выражение лица Ростика: может, в сумерках он видел лучше, чем обыкновенные люди. - Были партнерами по бизнесу. Афанасий и мой... человек. Он не верил, что я есть. Ни во что не верил за пределами своего понимания. Они с Афанасием однажды, так сказать, разошлись во мнениях. Тогда он Афанасия просто заказал. В смысле, киллеру. Я старался. Я стал очень сильным. Но он тоже был сильным. А мы, увы, ничего не можем,

кроме как стучаться в дверь сознания. Тогда я ударил... сильно. Вроде как пробил эту дверь. Афанасий тебе говорил, люди могут от такого умереть. Но мой не умер. То есть личность исчезла, а человек жив. И что мне было делать? Я решил его заместить.

Михаил Юрьевич замолчал. Собачник вдалеке крикнул: «Рядом!»

- А дальше что?

- Я отменил заказ. Ближе познакомился с Афанасием, узнал про его хобби. Сложил всю информацию, какую смог найти в голове. В общем, пошел преподавать. У моего было образование.

- А зачем вам?

- Человека молотком не воспитаешь, - ответил Савоськин. - Но раз я теперь тоже вроде как человек, то и мне полагается свой молотобоец. Только у нормальных людей их возраст равен биологическому, а у меня вот...

Ростик не столько увидел, сколько почувствовал в темноте его усмешку. А сам повторил то, что услышал совсем недавно:

- Тень к тени.

За оградой парка приближался троллейбус, похожий на старинный телевизор с комнатной антенной наверху.

- Оставь себе, - предложил Савоськин и протянул свое бывшее орудие Ростику. Тот задумчиво повертел молоток и взвесил в руке. - Если что, ты в курсе, что делать...

ДЖОН ДЖ. ХЕМРИ

ЖАННА

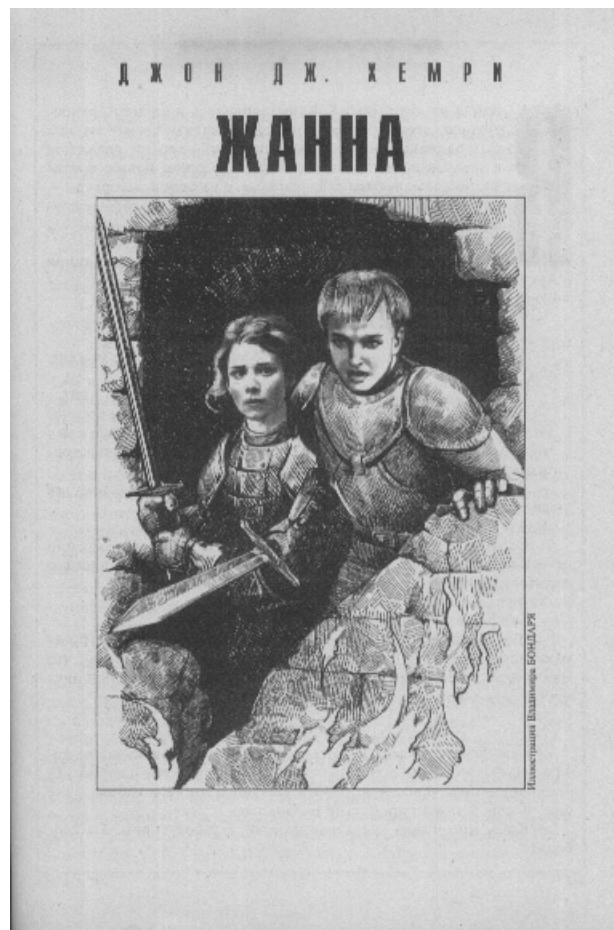

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Выходя из квартиры, Кейт остановилась поправить репродукцию, десятки которых украшали стены. Сюжет на всех был одинаков: молодая женщина либо верхом сражается в средневековых доспехах, либо в мужском платье противостоит предвзятым дознавателям, а на одной - горькой - привязана к столбу на городской площади и вокруг нее пляшут языки пламени.

Кайлин бросила на подругу мученический взгляд.

- Тебе не приходило в голову, что твое увлечение Жанной д'Арк заходит слишком далеко?

- Зависит от того, как понимать «слишком».

- Ты выучила французский.

- Уйма людей учит французский. Это полезный язык.

- Скупаешь все картинки и книги о Жанне д'Арк, какие можешь найти.

- Она была крупной исторической фигурой, - возразила Кейт.

- Вступила в общество исторической рекреации, купила полный комплект «аутентичных доспехов средневекового типа», да еще и меч в придачу, и кучу времени тратишь, сражаясь с другими рекреаторщиками.

- Это развлечение помогает лучше понять историю, к тому же люди там очень интересные.

Кайлин покачала головой.

- Сколько из них по меньшей мере раз в неделю говорят, как они любят Жанну д'Арк и как им жаль, что нельзя найти способ спасти ее от гибели на костре?

Уставившись в пол, Кейт нахмурилась.

- Это было шестьсот лет назад, Кейт!

- Чуть больше, но в целом верно, - тихо ответила Кейт. - Понимаю: могу показаться слегка одержимой, но что дурного в том, что мне хотелось бы спасти ее от костра? Она была замечательной личностью - и такой ужасный конец...

* * *

Первым делом студент узнает, что университетская жизнь на девять десятых - занудная работа и на одну - учеба. Кейт и другие две старшекурсницы проверяли работы младших, когда в кабинет, где они сидели, заглянул профессор Барандила.

- Кейт, мне нужна кое-какая помощь в лаборатории. Ты свободна?

Кейт приободрилась, кожей чувствуя завистливые взгляды двух других. Доступ в лабораторию профессора Барандилы был запрещен, что порождало постоянные домыслы о предмете его исследований. А теперь Кейт сможет узнать.

- Вы, девчонки, с остальным справитесь? - спросила она.

Обе кивнули с разной степенью покорности, и Кейт пошла за Барандилой, который с удрученным видом шаркал в свою лабораторию.

- Мне нужно собрать и заархивировать лабораторные заметки. Закончить надо на этой неделе. На приборы внимания не обращай. Их разберут позже.

- О! - Кейт перевела взгляд с профессора на внушительных размеров полый куб из проводов и трубок. - Не получилось?

- Не знаю. Никто не знает. - Барандила подошел к прибору и мрачно на него уставился. - Теперь уже нет смысла скрывать. Это должно было стать рабочим устройством для путешествий во времени, способным переместить человека в прошлое, а потом вернуть его назад.

- Разве такое возможно?

- Все возможно, если делать правильно! - Барандила указал на свой прибор. - Если все расчеты и уравнения правильно выстроить, время вообще перестает существовать. Проблема в том, чтобы перенести кого-то в иное место, туда, где он не может находиться. Ты про туннельный эффект слышала? Частица переходит из одного места в другое, куда не может попасть, но ведь попадает! Это очень

упрощенно, но именно на таком принципе основан прибор. Он ничего не перемещает во времени, просто создает условия, при которых данный объект оказывается в ином времени.

- Но он не работает? - снова спросила Кейт.

- Да вроде работает... - Приступ энергии миновал, и Барандила обмяк на краю стола. - Но мы не можем проверить его на человеке, пока не убедимся, что это безопасно. Правила, постановления и так далее. Даже на животных нельзя, пока не будет сначала доказано, что он безопасен для роботов. Мы пробовали с роботами, потом просто с камерами и диктофонами. Все они вышли из строя, и никаких данных из прошлого мы не получили. Ничего. Что-то в машине времени стирает всю информацию с любого записывающего устройства. Пустота. Возвратный механизм как будто работал, но действительно ли он их возвращал? Они вообще куда-то попадали? Ведь объект возвращается в тот самый момент времени, когда был перемещен. Так и должно быть, но в результате нет ни доказательств того, что предметы действительно перемещались, ни свидетельств того, что это безопасно, а без доказательств мы ничего сделать не можем.

- Почему бы не отправить что-нибудь на пару часов назад? Записку или еще что?

Барандила выдавил улыбку.

- Ход мысли правильный. Мы пробовали. Ничего не произошло. Возможно, загвоздка в том, что предмет не способен существовать одновременно дважды, что произошло бы, пошли мы его в недавнее время. Насколько мы сумели установить, Вселенная такого не примет.

- Он пожал плечами. - Ну, и еще кое-что не сработало. Поэтому в следующий понедельник машину разберут.

- В следующий понедельник. - Оставалось шесть дней. Кейт глаз не могла отвести от прибора, в голову ей пришла прекрасная и пугающая мысль. - Профессор, если ее скоро начнут разбирать, может, покажете, как она работает?

* * *

Кейт чувствовала себя идиоткой, со своими доспехами прокрадываясь среди ночи в лабораторный комплекс университета. Если ее поймут в кампусе с оружием, пусть даже с мечом, ее ждут крупные неприятности. Но Кейт двигалась дальше, размышляя: может, увлечение и впрямь доведет ее до беды.

Потом она подумала о Жанне. Героиня стоит, привязанная к столбу, а вокруг поднимается пламя.

Кейт надела доспехи, сочиняя разные байки на случай, если ее застукнет охрана кампуса. Содержимое сумки, которую она привязала

себе на пояс, было нелегальным как в кампусе, так и за его пределами, но она в нем нуждалась, хотя ей и было не по себе от того, сколько она на него истратила. Латные рукавицы пришлось пока оставить, чтобы справиться с переключателями, как можно точнее выставляя дату, время и место, проверяя еще раз, что возвратное устройство надежно закреплено на запястье.

Заняв место на указанной профессором Барандилой платформе, Кейт закрыла глаза, сделала глубокий вдох и поморщилась, когда в глаза ей ударил яркий солнечный свет.

* * *

Руан в мае 1431 года от Рождества Христова был суматошен, грязен и наводнен английскими торговцами, рыцарями и солдатней. Англия более десятилетия контролировала город, поэтому захватчики держались как у себя дома. Скрытая под доспехами Кейт долго убалтывала стражников у городских ворот, которые посмеялись над пешим рыцарем, которому не по карману лошадь.

Впрочем, Кейт представляла, как ее достать.

Не составило труда и найти место, где должны были публично судить Жанну. Многие направлялись в ту сторону, судача о Деве, вслух размышляя, не явятся ли дьявол или ангелы Господни, чтобы ее спасти.

На самой площади было сооружено два помоста: меньший - для Жанны и охранявших ее стражников и больший - для инквизиторов. Вокруг помостов толпа стояла стеной, но в отдалении ждали, держа под уздцы лошадей, оруженосцы. Не обращая внимания на их испытующие взгляды, Кейт решительно направилась к ним.

Она остановилась перед двумя лошадьми, которые казались многообещающими: внушительные боевые кони, похожие на бельгийских тяжеловозов. Двое державших их оруженосцев нервно переглянулись, и Кейт сдавленно засипела (сочтя, что так ее голос из-за забрала больше будет похож на мужской, и надеясь, что несколько фраз на староанглийском, которые она вытянула из студентки соседней группы и запомнила, достаточно точны, чтобы ее поняли):

- Вашим рыцарям нужны лошади, чтобы сопровождать графа Варвика. Идите за мной.

Забрало скрыло ее нервозность, когда Кейт с небрежной надменностью, какую подглядела у альфа-девиц в кампусе, повернулась и двинулась к помосту, где Жанну уже подвергали публичному суду, унижению и запугиваниям под страхом немедленной смерти через сожжение. На всякий случай она прислушивалась, цокают ли у нее за спиной подковы, а сама тяжело ухала в доспехе, как

тараном прокладывая им себе путь через толпу. Руанцы и зрители-англичане уступали сердито и нехотя, но без возражений, как бывает всегда, когда кто-то ведет себя так, словно знает, что делает. Наконец Кейт пробралась к самому помосту с Орлеанской Девой.

Выглядела Жанна ужасно: ослабевшая от болезни и дурного обращения, измученная постоянными допросами инквизиторов. Кейт знала, что очень скоро, после почти года физических и душевных терзаний, она сломается под угрозой сожжения заживо и подпишет отречение, хотя и не будет знать, что, собственно, в нем говорится. Еще через несколько дней объявят, что Жанна нарушила условия отречения, привяжут ее к столбу и сожгут.

Вот что произошло, но не произойдет - если Кейт сумеет вмешаться.

Кейт снова повернулась к оруженосцам, которые недоуменно оглядывались в поисках своих господ.

- Мне поручено сесть на одну из лошадей и вести другую в поводу.

Она двинулась к тому из коней, который показался ей поспокойнее.

- Но, сэр... - запротестовал державший коня оруженосец, когда Кейт едва-едва умудрилась взгромоздить в седло себя и вес своего доспеха.

Англичане вокруг повернулись к Кейт, кое-кто опустил руку на рукоять меча. К ним проталкивался крикливо одетый английский аристократ с тремя рыцарями свиты, и он держался с таким видом, с каким полицейские обычно подходят к нарушителю спокойствия.

Из сумки на поясе Кейт вытащила две световые гранаты, которые раздобыла у приятеля, помешанного на оружии, - тот покупал их через Интернет. Пока стоявшие поблизости с интересом смотрели, стараясь сообразить, что же она делает, Кейт выдернула кольца, сосчитала до трех и бросила гранаты по обе стороны от себя в толпу, а сама изо всех сил вцепилась в седло.

Гранаты взорвались с громовыми раскатами и исключительно яркими вспышками, поскольку должны были лишить людей ориентации, но не нанести вреда. Те, кто стоял поближе, отпрянули с испуганными криками, протирая глаза, или, зажмурясь, упали на колени. Кейт же схватила под уздцы вторую лошадь, силясь превратить панику благородных животных в бросок к Жанне.

Теперь на Кейт смотрела вся площадь, включая группу инквизиторов на помосте побольше. Когда лошади остановились у помоста с Жанной, Кейт достала еще гранаты и, вырвав кольца, швырнула их в стражников и тех, кто стоял поближе к Жанне на большом помосте (с тайным пожеланием, чтобы какая-нибудь угодила в нос мерзкому епископу Кошону), и еще несколько - в толпу. Грохот и вспышки взрывов заставили народ метнуться прочь.

- Жанна! - заорала Кейт. - Сюда!

Жанна помедлила лишь долю секунды и прыгнула с помоста прямо на

вторую лошадь.

Через перепуганный люд к ним пробивались все новые английские рыцари. Кейт метнула в них гранаты, и они с Жанной погнались на лошадях сквозь толпу.

Потребовалась только одна граната, чтобы очистить дорогу и избавиться от погони, и вот они уже грохотали к главным воротам Руана, а вслед им неслись стрелы и болты из арбалетов. Оставшаяся световая граната взломала построение пикейщиков у самых ворот, и тогда Кейт достала последнее свое оружие - самопальную термитную гранату (спасибо чертежу физика-старшекурсника, который был так добр, что нарисовал его наспех, обманутый историей: дескать, Кейт собирает материал для рассказа). Когда они проезжали арку, Кейт бросила ее себе за спину, в раствор ворот. Взрыв озарил арку ярчайшим заревом, которое, по замыслу Кейт, должно было надолго заблокировать выезд из города.

«Хороший бы вышел фильм», - пробилось сквозь облегчение и ликование, когда две всадницы уносились прочь от города.

Они скакали, пока Руан не скрылся из виду; тогда Жанна пустила уставших лошадей шагом и повернулась к Кейт.

- Кто ты, добрый сэр, что мечешь молнии из рук?

Рассмеявшись, Кейт стащила шлем, от облегчения у нее голова шла кругом.

- Я Кейт.

Жанна уставилась на нее изумленно.

- Женщина? Такая же, как я? - Перекрестившись, Жанна покачала головой. - Ты ангел или ведьма?

- Ни то, ни другое. Просто женщина.

- Такой довод и я приводила, - сказала Жанна. - Ты сама видела, помогло ли мне это.

- Ну, да. - Кейт вытащила крестик, который носила по привычке и из увлечения Жанной. - Видишь? Со мной все о'кей.

- О'кей? - протянула Жанна, рассматривая крестик. - Можешь себя осенить?

- Перекреститься? Конечно. - Кейт выросла в католической семье, но давно перестала верить в ритуалы, однако жесты еще помнила. - Видишь? И «Отче наш» тоже могу произнести.

- Без запинки? - с долей самоиронии спросила Жанна. - Требовать не стану, потому что сама не поддавалась, когда на меня наседали в надежде, что я дам им какой-нибудь повод для обвинений. Но если ты просто женщина, как же ты сумела остановить англичан?

- Ты про гранаты? Они, как петарды, только лучше.

- Гораздо лучше! Не надо долго поджигать запал, тем самым предупреждая врага, что собираешься пустить оружие в ход. У тебя таких много?

Кейт качнула головой.

- Я все истратила, чтобы выбраться из Руана.

- Тогда жди погони. - Жанна свернула с тракта и ринулась напрямик, по бездорожью с предельной скоростью, какую только могли выдержать лошади. - Нужно двигаться быстро и незаметно, через лес или по оврагам. Но это ты и сама знаешь.

- Да-да, знаю, - быстро согласилась Кейт, с внезапной тревогой оглядываясь назад.

Жанна же смотрела перед собой и дышала глубоко.

- Святая Катерина сказала мне, что я буду спасена, и женщина по имени Кейт исполнила ее обещание. Как может кто-то сомневаться в слове Господа? Знаю, Его рука проведет и направит нас!

- Можно найти какое-нибудь безопасное место, - с надеждой сказала Кейт. - Где никакие враги нас не отыщут. Абсолютно безопасное!

Жанна на нее посмотрела недоуменно: поразительно яркие глаза при темных волосах, остриженных коротко, по мужской моде того времени; а Кейт продолжала:

- Я нас обеих могу туда доставить.

- И где же оно?

- Мой дом. Очень далеко отсюда. Но мы можем попасть туда в мгновение ока.

Взгляд Жанны стал испытующим.

- Ты ведь не колдунья или демон, посланный меня искушать?

- Нет!

- Очень далеко отсюда, - повторила Жанна. - По-французски ты говоришь странно. Твой дом, и верно, очень далеко от Франции.

- Да, - признала Кейт.

- И вернуться мы можем так же быстро?

- Нет.

- А вообще мы сможем вернуться?

Сообразительная (как и доказывали протоколы суда) Жанна тут же задала вопросы, которые, как надеялась Кейт, возникнут у нее много позднее. Кейт хотела солгать, заверить Жанну - мол, да, конечно, но с губ сорвалось:

- Нет.

Жанна кивнула, сделала еще один глубокий вдох и улыбнулась Кейт:

- Тогда я не могу туда поехать, даже если ты ангел. Мне нужно снова на юг, нужно найти друзей, служить французскому королевству и моему господину.

- Карлу? Королю Карлу? Который бросил тебя в плену и ничегошеньки не сделал, чтобы тебе помочь?

- Мой господин - Господь, - мягко сказала Жанна. - Я служу королю Карлу, которого просила бы тебя не поносить, я служу королевству Франция, я служу народу Франции, но прежде всего я служу моему

Господу.

- М-м, прошу прощения. - Кейт не приходило в голову, что так трудно будет убедить девушку, которую предали свои же, с которой ужасно обращались англичане и которая только что избежала мучительной смерти. Даже смотреть на нее было больно. Видеть следы болезни и истязаний. - Ты уже сделала то, что должна была. Англичане уйдут из Франции. На это потребуется еще какое-то время, но они потерпят поражение.

Жанна не ответила, только рассеянно смотрела, словно прислушиваясь к чему-то, чего Кейт слышать не дано. Через несколько мгновений ее взгляд сфокусировался, и она поглядела на Кейт.

- Мои голоса говорят, что я должна остаться. Моя миссия еще не завершена. Господь желает от меня большего. Вот почему я была спасена.

- Нет, подожди!

Это неправильно! Благодарная Жанна, прозорливая Жанна, умная Жанна, которая забалтывала на суде ученых инквизиторов, которую бросили друзья и союзники, которую били столько, что ее воля готова была сломаться, должна была понять, что ей нужно отправиться с Кейт!

- Я знаю: ты считаешь, что голоса тебе кое-что сообщают, но женщины часто так говорили, поскольку общество не допускало, что у женщин могут быть собственные мысли. Поэтому женщины утверждали, что идеи им внушают голоса или духи. Со мной тебе не надо притворяться. Я знаю, что ты умна. То есть тебе едва исполнилось двадцать, а посмотри, сколько ты уже успела.

Но вид у Жанны сделался озадаченный.

- Тебе, похоже, немало обо мне известно, но многое из того, что ты знаешь, как будто о другой женщине...

- Я столько лет изучала тебя, я всю жизнь тобой восхищалась!

- Всю жизнь? - Жанна рассмеялась, но неуверенно, словно в заточении отвыкла от какого-либо веселья. - Мы же вроде ровесницы.

- Мне двадцать три.

- Тогда ты могла слышать обо мне только несколько лет! И должна тебе сказать: то, что ты слышала, неправда. Мои голоса истинны и наставляли меня честно, когда я их слушала. Они передают мне наказания Бога.

Кейт проглотила первый же пришедший ей на ум ответ. Жанна не была религиозной истеричкой, какой ее часто изображали, но она явно не собиралась признаваться девице, с которой едва знакома, в чем-то очень для нее личном.

- Я не пыталась усомниться в тебе. Но, правда же, не Бог тебя спас, это я пришла сюда за тобой.

Жанна натянула поводья, и Кейт тоже остановила лошадь, обе

воззрились друг на друга. Лицо Жанны внезапно озарилось внутренним светом, и она схватила запястье Кейт.

- Да, ты пришла! Но разве ты не видишь тут руку Господа? Ты была Его орудием моего спасения, и вот почему я знаю: ты и дальше будешь мне помогать! Ты истинная спутница. В тебе нет фальши. Так мне сказали голоса, и мое сердце им вторит. Я не могу пойти с тобой. Зато ты пойдешь со мной.

Кейт смотрела на Жанну, в ее горящие глаза, на ее сияющее уверенностью лицо и чувствовала, как ее собственная воля поддается, точно слабая дамба, которая не способна сдержать океан веры.

- Ла... ладно.

- Тогда вперед! - Жанна снова тронула своего скакуна, и Кейт последовала за ней, понемногу сознавая, что утратила контроль над ситуацией.

* * *

Всего через час пути по извилистым тропам и оврагам Жанна начала покачиваться в седле.

- Прошу прощения, но у тебя нет ничего съестного? Меня не кормили два дня, и все это время не давали спать.

- Два дня?

Неудивительно, что Жанна вот-вот рухнет. Инквизиторы давили на нее всеми возможными способами. Кейт порылась во второй суме, куда сложила несколько батончиков мюсли - на всякий случай. Жанна поглядела на них с сомнением, но, осторожно попробовав, начала уминать.

- А вода есть?

Кейт собралась сказать было, что нет, но решила сначала проверить седельные сумки. В одной оказалась кожаная фляга с литром какой-то жидкости.

- Как насчет этого?

Благодарно взяв флягу, Жанна поднесла ее к губам и сделала несколько больших глотков, после чего с довольным вздохом отдала ее Кейт. Осторожно отхлебнув, Кейт обнаружила, что это молодое и терпкое красное вино. Прикончив последний батончик, Жанна снова потянулась за флягой и допила остатки.

Некоторое время спустя она заснула прямо в седле, Кейт тогда ехала как можно ближе, чтобы при необходимости поддержать спутницу, хотя каждый толчок рысью по бездорожью отдавался в теле малорадостными ощущениями. Она достаточно много ездила верхом, но никогда долго и крайне редко в доспехах. Невзирая на одолевающие ее ноющие боли, Кейт хотелось продолжать путь даже

после захода солнца, но измученные лошади ясно дали понять, что ждать от них уже нечего. Жанна завела их в рощицу, которая укрывала от взглядов путников, и, расседлав, отправила пастись. Кейт сняла часть доспеха и сидела, обняв руками колени. Наблюдая за Жанной, она старалась привести в порядок мысли. Засыпая, Жанна блаженно вздохнула:

- Сегодня впервые за много-много дней я буду спать свободной. Моя благодарность не знает предела, леди Кейт.

«Леди Кейт?» По всей очевидности, Жанна решила, что Кейт заслужила повышения в статусе. Впрочем, теплая волна счастья, которая затопила Кейт при этих словах («Жанна думает, я заслуживаю того, чтобы зваться леди!»), вскоре отхлынула. Кейт не предполагала застрять в средневековой Франции. Думалось, что она спасет Жанну, после чего Жанна быстро и с радостью согласится, чтобы ее перенесли в будущее. Но Жанну не устроил совершенно логичный и практичный план Кейт, пусть даже не слишком проработанный. «Но она изумительная. Неудивительно, что она поражает или даже пугает всех, с кем встречается. Правда, это не совсем то, чего я ожидала». Кейт заснула, стараясь подыскать новые доводы, которые убедили бы Жанну отправиться с ней.

* * *

Следующий день принес восхитительное разнообразие тупых и острых болей от долгой дороги и сна на голой земле, равно как и сосущий голод, поскольку съестного у них не осталось. Жанна под открытым небом словно бы расцвела, закаленная крестьянским детством и привычная к лишениям после долгого заточения, но Кейт чувствовала себя преотвратно. Лошади, угрюмые от скудности чахлой травы и плохо отдохнувшие за ночь, также не улучшали настроения. Как и то, что пришлось ждать, пока Жанна молилась, стоя на коленях в сторонке.

Наконец они тронулись в путь, но вскоре Жанна настояла: мол, надо заехать в деревеньку за едой.

- Монеты у тебя есть? - спросила она у Кейт, прижимая к груди каравай и флягу, которые крестьянин принес из кабака.

Кейт неохотно вытащила единственную серебряную монету, - опять же взятую на всякий случай. Франклин Д. Рузвельт на аверсе почти совсем стерся, и мало шансов, что кто-то сумеет опознать монету к тому времени, когда возникнет валюта Соединенных Штатов через три или четыре столетия. Но, собираясь отдать деньги, Кейт вдруг помешкала. «Я беспокоюсь из-за одного-единственного анахронизма? Вчера я взрывами расчищала себе дорогу, чтобы вывезти из Руана

Жанну д'Арк, которую не сожгут по расписанию, а теперь волнуюсь, что десятипенсовик подпортит историю? А во что превратит историю освобождение Жанны, если она откажется отправиться со мной в будущее и дальше будет буйствовать по Франции? Что же я натворила?»

Но она никогда не вернет Жанну англичанам! К тому же, скорее всего, англичане сожгут обеих на одинаковых кострах, а в такой альтернативной истории Кейт принимать участия совсем не хотелось. Без карты Кейт знала лишь, что им нужно двигаться на юг, где безопаснее, но извилистым дорогам, которыми они ехали, как будто не было дела до частей света или направлений. Час спустя они достигли перекрестка, походившего на все прочие, какие они проезжали. Стараясь разобрать слова на сером от непогоды столбе, Кейт задумалась: а как в то время вообще кто-то куда-то попадал.

- Полцарства за Джи-Пи-Эс.

- У тебя есть царство? - спросила Жанна.

- Нет, присловье такое. - Кейт подумала, что лучше не объяснять, что взято это у английского драматурга, особенно потому, что Шекспир называл Жанну «богомерзкой бестией».

- Что такое Джи-Пи-Эс?

- Карта такая.

Жанна кивнула, но уверенно указала на одну из сходящихся дорог.

- Карты нам не нужны. Мои голоса сказали сегодня утром, что нам следует прибыть в это место, а когда мы его достигнем, поехать туда.

- Твои голоса? - Почему-то Кейт они не показались удачной заменой GPS. Когда Жанна успела поговорить с голосами? - Чтобы попасть в безопасное место, нам нужно двигаться на юг, а эта дорога, кажется, ведет на восток.

Тряхнув головой, Жанна указала на остальные.

- Англичане выслали много отрядов, чтобы нас найти. Они всех свободных людей бросили на поиски. Если поедем по одной из других, шансы, что нас найдут, гораздо выше.

- А в этой что такого особенного?

Жанна улыбнулась.

- Это верная дорога.

- Жанна...

- Нам нужно ехать по ней. Нельзя задерживаться. Едем!

Кейт поймала себя на том, что догоняет Жанну по избранному той пути.

Со временем и проделанными милями радость приключения совершенно стерлась, зато росли боль в натертых ногах и отбитой заднице Кейт и ее опасения относительно того, как способна переиначить историю освобожденная Жанна. Поднявшееся летнее солнце палило доспехи, и Кейт понемногу начала задумываться, скоро

ли человек может свариться заживо. Сразу после полудня они проехали деревню, жители которой проводили их внимательными взглядами. Они почти достигли околицы, когда дорогу заступил старик.

Раздраженная Кейт уже собралась его объехать, но Жанна натянула поводья и уважительно кивнула старику:

- Доброго тебе дня, друг-крестьянин.

Старик подошел к Жанне поближе, всматриваясь в ее лицо, потом улыбнулся, открывая беззубые десны. Кейт понемногу начала привыкать к ароматам невымытых человеческих тел, но этот человек был особенно пахуч. Судя по вони, он разводил свиней.

- Дева...

Жанна улыбнулась ему как старому знакомому.

- Да, друг-крестьянин.

- Ты все еще воюешь за Францию?

- Я буду воевать за Францию до последнего вздоха, друг-крестьянин.

Старик снова улыбнулся и, знаком попросив их подождать, быстро заковылял в ближайший дом.

Кейт нервно оглянулась по сторонам.

- Нам надо ехать, Жанна.

- Нет. Подождем.

Сжав челюсти в попытке сдержать нарастающий гнев, Кейт собралась было возразить, но прикусила язык - когда старик появился вновь, за ним шли двое мужчин помоложе с тяжелыми свертками.

- Тебе это понадобится, - возвестил старый крестьянин, разворачивая свертки.

В одном оказались доспехи, в другом - меч и ножны.

- Много лет назад здесь остановился на ночлег пьяный бургундский рыцарь, пытался обесчестить одну из моих дочек, да так и не уехал. Он покоится вон на том поле. Теперь ты можешь употребить в дело его оружие и доспехи.

Последние по большей части не подошли, но Жанна сумела завязать нагрудник, потом опоясалась мечом.

- Прими мою благодарность.

- Ты возложишь руку на моих сыновей, Дева, чтобы они прожили долгую жизнь и нашли себе хороших жен?

Жанна устало вздохнула, но улыбнулась и легко коснулась плеча каждого из мужчин помоложе.

- У меня нет особых сил, но я попрошу Бога, чтобы Он даровал вам долгие жизни и хороших жен.

Старик схватил руку Жанны и поцеловал одно из ее колец.

- Да благословит тебя Господь, Дева.

- И да благословит Он тебя, - ответила Жанна и лишь потом тронула лошадь.

- Я думала, мы спешим, - проворчала Кейт некоторое время спустя.

Она злилась все время с тех пор, как они покинули деревню.

- Но теперь у меня есть меч и хоть какие-то латы. Бедняков никто не слушает, до них никому нет дела. Кроме меня, - ответила Жанна.

Худо было уже то, что Жанна все время приказывала, но еще площе, что Жанна оказывалась права. От этого делалось еще обиднее. «Неплохо бы меня хотя бы раз послушать, а то...» - Кейт осеклась. Это ведь Жанна! Почему она ожидала, что Жанна будет покорной спутницей? На смену гневу пришло раскаяние.

- Извини. Временами я бываю просто несносной.

Жанна повернулась к ней с ободряющей улыбкой.

- Ты хороший человек, леди Кейт. Ты пришла, чтобы спасти меня.

А Кейт во все глаза уставилась на Жанну: на нее снизошло озарение, такое же явственное, словно один из голосов Жанны сказал правду, которую Кейт не хотелось слушать, но которой она не могла избежать. «Я пришла не для того, чтобы спасти ее. Я, по сути, ее не знала. Я пришла, чтобы спасти ее для себя, я пришла ради того, кем хотела ее видеть. Все дело было во мне, а не в Жанне. Не в этой Жанне, не в реальной Жанне».

- Кейт? Ты здорова? - Жанна, выдержавшая много месяцев истязаний, смотрела на Кейт с истинной заботой.

- Все в порядке. Это ничто в сравнении с тем, что выпало на твою долю.

Жанна тряхнула головой.

- Я не самый легкий человек, Кейт, - доверительно призналась она полупшепотом. - Я росла крестьянской девочкой, ничего не знала про обычаи двора. Моя богоданная миссия и любовь к Франции поглощают меня целиком. Я могу быть резка, невежлива и временами слишком горделива. Я это знаю, горюю об этом и молю, чтобы ты простила мне мои недостатки.

Преисполнившись вины, Кейт коснулась ее локтя.

- Ты удивительная женщина, Жанна. Правда, удивительная.

- Но я же ведьма, колдунья и еретичка, тебе это известно? Так говорят англичане и парижский университет. - Жанна ухмыльнулась, настроение у нее вдруг резко переменилось. - Господи, когда я была узницей, мне иногда казалось, что на моей стороне только Бог!

Кейт рассмеялась.

- Я достаточно встречала университетских профессоров, которые считают, что они и есть Господь Бог. Англичане в эти дни не самый приятный народ. Но если бы не англичане, не было бы «Битлов», поэтому и они, пожалуй, не безнадежны.

- Какие еще биты? - Настроение Жанны снова переменилось, уступив любопытству и недоумению. - То есть биты берутся из Англии?

- Нет, я про тех, которые пели.

- Поющие биты? - На сей раз Жанна рассмеялась. - А играют на них,

наверное, эльфы? Сдается, у простых людей в твоей стране такие же фантазии, как у наших. - Ее смех стих. - Думаю, в подобных вещах греха нет, хотя церковники попытались использовать старые суеверия как доказательство того, что я ведьма. Меня укрепляла вера в Господа, но, надеюсь, Он простит меня, что во время моих испытаний я иногда сомневалась в Его промысле. - Она перекрестилась.

Раздражение Кейт вспыхнуло с новой силой, подпитываемое ее собственными столкновениями с церковью, в учении которой ее воспитывали.

- Не понимаю. Просто в толк не возьму, Жанна. Ты такая смышленная. Такая умная. Любой, кто с тобой разговаривает, сразу это понимает.

- Спасибо, но читать и писать я умею только собственное имя.

- Тебя просто этому не учили! Никакого отношения к твоему уму это не имеет. А потом вдруг ты начинаешь про голоса и про Бога... и...

Жанна недоуменно на нее воззрилась.

- И...

- Как ты можешь?.. - Она не могла этого выговорить, не могла обвинить Жанну в пустых суевериях, в том, что она действительно фанатичка, какой так часто выставляли ее историки.

Но Жанна каким-то образом поняла, вид у нее стал сперва удивленный, потом, к потрясению Кейт, она снова рассмеялась.

- Думаешь, ум и вера несовместимы?

- Но... нет доказательств...

- Доказательств? - Жанна махнула рукой. - Я здесь. Орлеан не пал, Карл был коронован в Реймсе. Разве это не доказательство? - Она опять рассмеялась, пока Кейт силилась подобрать слова. - Мои голоса не приказывают мне отрицать то, что существует, леди Кейт. Они не говорят: «Жанна не верь глазам своим, поскольку небо не синее, а красное». Говори они такое, я бы их не слушала, потому что поняла бы, что они лживы. Церковники на суде допрашивали меня о моей вере и моих голосах на самые разные лады, но даже они не могли указать на что-то - мол, это свидетельство ее ведьмовской природы. Хотя, как ты, наверное, слышала, их не слишком порадовало мое мужское платье.

Кейт не удержалась от улыбки.

- Думаю, твое мужское платье и то, что ты сражалась в битве, ужаснуло их больше, чем мысль, что ты ведьма или еретичка. Много времени пройдет, прежде чем мужчины сумеют принять, что женщины носят так называемую мужскую одежду.

- Никогда не примут!

- Конечно, примут. Если пойдешь со мной, я отведу тебя в такое место, где это в порядке вещей.

Улыбнувшись в ответ, Жанна снова покачала головой.

- Нет, леди Кейт. Я не предаю мою миссию.

- Но как ты можешь по-прежнему верить в эту миссию, когда все, кто

тебе помогал, тебя покинули? - вырвалось у Кейт.

- На то, наверное, были причины. Я должна верить. - Вероятно, Жанна прочла реакцию Кейт по ее лицу. - Ты ведь тоже во что-то веришь, да, Кейт? - Жанна говорила уверенно, глаза у нее светились, вся она излучала такую силу, что Кейт несколько секунд только безмолвно на нее смотрела. - Мне ты можешь исповедаться, - с улыбкой прошептала Жанна.

- Да, - сказала Кейт, не в силах отвести глаз от лица Жанны. - Кое во что я верю, и это кое-что много больше, чем мне представлялось.

- Тогда следуй своему сердцу, - посоветовала Жанна. - Господь не без причины дал нам и сердце, и разум. Все имеет свое назначение. - Она снова перекрестилась. - Со временем мы, возможно, его узнаем.

Кейт пришли на ум все до единого доводы, какие она когда-либо слышала против подобного фатализма, но подле Жанны они казались пустыми. «Орлеан не пал, Карл был коронован в Реймсе». И то, и другое считалось невозможным, пока Жанна не возглавила французскую армию. Сама мысль о том, что девушка-подросток с мечом и в доспехах поведет французскую армию в битвах, считалась невозможной, от нее отмахнулись бы как от фантазии, не будь исторические свидетельства столь непререкаемыми. Как опровергнуть подобное? Разве не Кейт тогда окажется среди тех, кто утверждает, будто небо красное? Да и вообще, фатализм не совсем подходящее слово, верно? Жанна может верить, что Господь определяет исход, но она использовала эту веру, и эта вера вдохновила ее жить ради других.

- Я просто не знаю.

- Сердце тебе подскажет, если прислушаешься, - повторила Жанна.

* * *

Незадолго до заката они свернули за поворот, и перед ними возник отряд конников в помятых за многие битвы доспехах. Кейт застыла, понимая, что им надо спастись бегством, но в тот момент была слишком поражена, чтобы отреагировать.

Жанна осталась совершенно спокойна, только подняла в приветствии руку.

- Доброго вам дня. Кому вы служите?

Один конник выехал вперед, его побитые латы и суровое лицо говорили о долгих годах войны.

- Мы служим Франции, Дева. Немало времени прошло с тех пор, как я видел тебя в последний раз.

- Андре, - улыбнулась Жанна. - Мне сказали, что сегодня меня найдет кое-кто, кого я знала прежде. У кого ты теперь на жалованье?

- У герцога Алансонского.

Улыбка Жанны стала шире настолько, что Кейт показалось, солнце проглянуло вдруг среди туч.

- Мой добрый герцог. Он близко?

Француз серьезно тряхнул головой.

- Герцог Алансонский не мог приехать сюда. Как не могла и собранная им армия пробиться так далеко в глубь территории врага. Он сумел только нанять небольшие отряды, вроде нашего, которые сумели проскользнуть сквозь посты англичан и бургундцев. Нам приказали продвигаться к Руану на случай, если возникнет шанс помочь тебе. Англичане повсюду, Дева. Они прочесывают леса в поисках тебя. - Андре перевел на Кейт вопросительный взгляд. - Этот рыцарь мне незнаком.

- Леди Кейт. Она моя спасительница и доверенная спутница.

- Еще одна Дева будет сражаться за Францию? - спросил удивленно другой рыцарь.

Кейт понадеялась, что сумерки сгустились достаточно и ее румянца никто не заметит. Если солдаты ищут еще одну девственницу, то с Кейт они на пару лет опоздали.

Но Жанна уже отвечала:

- Леди Кейт - храбрый рыцарь и в одиночку спасла меня из Руана. - Конники уважительно воззрились на Кейт, от чего она покраснела еще больше. - Если Господь пожелает, мы благополучно возвратимся к доброму герцогу. Вы знаете надежное место для ночлега?

Кивнув, Андре повернул коня и повел кавалькаду в ту сторону, откуда приехали Жанна и Кейт. К тому времени, как спустилась ночь, они разбили лагерь в рощице далеко от дороги, где деревья давали не только укрытие, но и достаточно дров для небольшого костра. Над головой проступили звезды, такие яркие и густые, что Кейт невольно в них всмотрелась, пораженная их яркостью, и наконец поняла, почему люди считали, что на небе и впрямь находятся Небеса.

Наемники передавали по кругу черствый хлеб и терпкое красное вино во флягах, а некоторые ушли разыскивать съестное и вернулись с охапками грибов. Кейт с тревогой наблюдала, как они нанизывают их на тонкие прутья, чтобы поджаривать на огне.

- А они съедобны?

Андре наградил ее недоуменным взглядом.

- Конечно. Кто не отличит ядовитого гриба от съедобного?

- Леди Кейт не из наших краев, - объяснила Жанна.

Среди этих грубых солдат она казалась в своей стихии, обменивалась шутками, спрашивала новости, делилась историями о прошлых битвах. Время от времени кто-то из наемников отпускал ругательство, и тогда Жанна мягко его укоряла, а закаленный воин смиренно принимал упрек.

Кейт съела свою долю грибов и хлеба, прихлебывала из фляги, когда

приходил ее черед, красное вино согревало изнутри, пока она смотрела, как смеется и разговаривает Жанна. Наемники слушали ее внимательно, выказывая неподдельное уважение.

- Не понимаю, - наконец пробормотала себе под нос Кейт.

Андре сидел достаточно близко, чтобы расслышать, и потому повернулся к Кейт.

- Вас что-то тревожит, леди?

- Да. Вы бывалые солдаты. Вы наемники. Вы мужчины, а в эти времена мужчины не слишком прислушиваются к женщинам. Но вы как будто высокого мнения о Жанне.

Андре тоже глянул на Жанну.

- В некоторых делах умные мужчины к женщинам прислушиваются. Этому научил меня отец. Большинство женщин ограничивают свои заботы домом и хозяйством. Но Дева иная. Дело обстоит так. Я наемник, леди Кейт. Раньше я был другим и верил в иное, но наемники верят только в одно - деньги. - Андре кивнул в сторону Жанны. - Но ведь надо бы остаться в живых, чтобы истратить плату, вот почему наемники без заминки идут за Девой. Она прекрасный предводитель, и ее ум нацелен на битву.

- Правда? Я многое о ней слышала, но такого почти никогда.

Наемник невесело рассмеялся.

- Скажите спасибо аристократам, которые пытаются это скрыть! Они не могли допустить, чтобы стало известно, что девушка способна вести людей на битву лучше кого-либо из них. Англичане и бургундцы также хотят, чтобы об этом говорили поменьше, ведь женщина раз за разом их громила. Проще обзывать ее колдуньей, победившей в сражениях за счет черной магии. Но вы ведь уж точно слышали про военные подвиги Девы, как, например, ее совет перед битвой при Пате.

Кейт не без труда выудила из памяти факты.

- Там было что-то про шпоры, да?

- Да. «У вас хорошие шпоры. Пустите их в ход». Потом она объяснила, что нет смысла сидеть и ждать, пока англичане выберут время и место битвы. Увидев врага, надо нападать, пока он не успел подготовиться. - Андре усмехнулся. - Мы испробовали это в Пате и порубили англичан, которые ожидали нового Азинкура или Креси. Мы и в других местах их разгромили. Дева научила нас, сколь важна стремительность как в переходах, так и в сражении, а в битве она всегда впереди, ведет за собой людей. Если атака захлебывается в одном месте, она меняет тактику, ищет лучшие подходы. Когда она проиграла, то это произошло лишь потому, что тупоголовые аристократы ее задержали. Мы легко взяли бы Париж, если бы не своекорыстное перемирие, о котором договорился двор. Дева - лучший предводитель, какого многие из нас знали, и вот почему я взял кошель герцога Алансонского и отправился на ее поиски.

- Так значит, и у тебя своя корысть.
- Можно сказать и так, госпожа. - Андре нахмурился, уставившись в траву. - Может, больше ничего и нет.
Жанна ему не поверила.

* * *

Еще один рассвет в приключении, которому полагалось продлиться всего пару часов. Кейт сидела, привалившись спиной к дереву, старалась понять, как же ее сюда занесло. Путешествие во времени? Эта часть была простой. Постичь она не могла другого: что делает здесь, в компании фанатичной религиозной воительницы и отряда наемников на территории, кишашей врагами.

И почему у нее нехорошее подозрение, что от всего этого она получает удовольствие, что она не бросит Жанну, как бы худо ни обернулось дело?

Кейт глянула на возвратное устройство у себя на запястье, скрытое под отворотом латной рукавицы. Просто набрать код - и прочь отсюда, назад, в страну теплого душа, фастфуда и мягких кроватей, где орды врагов не жаждут заполучить ее голову.

Из-за дерева вышла Жанна - в нагруднике, на поясе свисает в ножнах меч, заревой свет золотит голову и плечи.

- Бог мой, а ты жареная штучка, - вырвалось у нее.

- Не поминай Его имя всуе, леди Кейт. - Но выражение ее лица тут же стало виноватым. - Правду сказать, в доспехах и впрямь сжариться можно.

- Э... да. Да. Я как раз об этом и говорила. Ты когда-нибудь любила, Жанна?

Жанна села рядом.

- Конечно. Я любила моих родителей, моих братьев, я люблю герцога Алансонского. Мне многие дороги.

- Я не про ту любовь говорю. Я говорю про страстную любовь, когда вступаешь в брак.

Жанна поглядела на нее испытующе.

- Ты про романтическую любовь? Но брак ведь тут ни при чем. Родители сговаривают своих детей по многим причинам, но романтическая любовь не из их числа. Или ты наслушалась придворных трубадуров, их глупых песен?

Кейт глядела вдаль перед собой.

- Романтическая любовь существует.

- Конечно, - уступила Жанна. - Но этого у меня не будет никогда.

Потом кто-то из наемников сказал: пора в путь, и Кейт пошла за Жанной к лошадям.

* * *

Они перемогли день и еще половину, ехали по неприветливой местности, где постоянными спутниками были слухи и известия о том, что английские солдаты охотятся за Девой. Кое-кто из встречных их предостерегал, а другие, без сомнения, доносили преследователям.

Невзирая на тяготы дороги, Жанна уверенно и быстро шла на поправку. Она проводила время с наемниками, но часто ехала и бок о бок с Кейт, разговаривая о разном. Однажды Кейт спросила ее о знамени дофину, но Жанна только рассмеялась и отказалась об этом говорить.

- Ты хочешь стать еще одним дознавателем? - легонько одернула она Кейт. - Ты слишком мне нравишься, чтобы я позволила тебе взять такую роль, моя добрая леди Кейт.

Незадолго до полудня они миновали небольшой заброшенный замок, состоявший из обнесенного стеной двора и невысокой башни. Но, поднявшись на земляной вал за ним, предводитель внезапно натянул поводья.

- Англичане! - крикнул он через плечо. - По меньшей мере, три десятка!

Андре развернул лошадь.

- Поскачем назад и напрямик через лес!

Дав шпоры усталым лошадям, отряд направился назад мимо заброшенного замка.

Но не успели они свернуть с дороги, как увидели, что с другой стороны приближается еще один отряд. На сей раз англичане заметили среди всадников Жанну. Запели сигнальные рожки, когда они ринулись в атаку, в ответ им зазвучали рожки отряда по другую сторону вала.

Жанна натянула поводья.

- Тут, по меньшей мере, сотня английских рыцарей и их людей. И более шестидесяти позади нас.

- Они быстро приближаются. На усталых лошадях нам от них не уйти, - мрачно отозвался Андре.

- Нет, и у англичан есть лучники. Бой на открытой местности заведомо безнадежен. В замок!

Десяток французов, Жанна и Кейт дали шпоры лошадям, посылая их в последний рывок, который вынес их во дворик разрушенного замка, где наемники начали поспешно возводить баррикаду поперек разбитых ворот, сваливая все, что попадалось под руку. Едва они завершили громоздить свой барьер, как подоспел первый английский отряд. Не прошло и нескольких минут, как к нему присоединился второй. У Кейт упало сердце: она была уверена, что врагов не меньше двух сотен, и в

отдалении слышались еще рожки и трубы, говоря, что к замку стягиваются новые силы.

Вдоль верхней части стены шел каменный проход; когда-то на него, наверное, поднимались часовые и защитники. И он, и сами стены по большей части уцелели, вот только последние были не более восьми футов высотой. Жанна бросилась туда, за ней последовали Кейт и большинство наемников.

Все словно бы застыло на мгновение: единственным движением было хлопанье английских знамен на ветру, а единственными звуками -- перекличка птиц. Наконец из английских рядов выехал герольд, но остановился на значительном отдалении от стены. Его слова четко прозвучали на сносном французском:

- Доблестные рыцари, вам не одержать тут победы. Отдайте ведьму и взамен получите жизнь и свободу.

Крепким голосом Жанна выкрикнула ответ:

- Именем Господа, покиньте Францию, возвращайтесь по домам, и у вас не будет нужды страшиться меня.

Никакого ответа от англичан.

Жанна заговорила снова, но тише, чтобы ее слышали только те, кто стоял на стене.

- Шансов на победу у нас нет. Им нужна я, но я не пойду в плен, потому что они жаждут только моей смерти. У вас я попрошу лишь времени забаррикадироваться в башне, а после вы вольны идти, куда пожелаете, и говорить, что угодно, лишь бы это обеспечило вам безопасность.

Кейт нервно сглотнула, бросив косой взгляд на шеренгу наемников. Все до единого только смотрели вперед, их лица были так же тверды и бескомпромиссны, как камни в кладке стены. Ни один не ответил герольду.

Некоторое время спустя к герольду подъехал рыцарь в новеньком доспехе и заговорил с ним, а после герольд крикнул снова:

- Если отдадите ведьму, вам будет дарована жизнь, свобода и сто золотых дукатов каждому. Залогом тому - клятва сэра Костэна Кентского.

- Вы можете принять предложение, только дайте мне время скрыться в башне, - прошептала наемникам Жанна. - О большем я не прошу.

Через долгую минуту Андре с отвращением качнул головой.

- Нет, Дева.

- Я думала, ты ни во что, кроме денег, не веришь, - сказала Кейт.

- В том-то и беда с Девой, леди. - Андре улыбнулся Жанне, потом с мрачным видом снова повернулся к англичанам. - Она снова заставила верить в себя. Она заставляет тебя верить в нее, она заставляет верить в себя самого, она заставляет верить в смерть за Францию. - Повысив голос, Андре прокричал: - Пока мы живы, Девы вы не

получите, свиньи английские! И пусть дьявол заберет вас с вашим грязным золотом!

Герольд и английский рыцарь вернулись к своим позициям. Возникла новая пауза, потом вдоль английских рядов засновали с приказами гонцы и выступила шеренга лучников.

- Берегись длинных луков, - предостерегла Жанна Кейт.

Лучники натянули луки и, когда снова пропели трубы, выпустили стрелы, а солдаты и рыцари атаковали в конном строю замок.

«Это понарошку. Это игра», - снова и снова повторяла про себя Кейт, чтобы не бежать прятаться, когда англичане достигли стен. Большинство французов спустились удерживать ворота, но пятеро остались с Жанной и Кейт на стене, когда английские солдаты добрались до нее и начали подсаживать своих товарищей, помогая им взобраться. Меч Кейт покинул ножны, и она пустила его в ход, стараясь не думать о том, что действительно пытается ранить или убить человека. Волна нападающих откатилась, но в одном из французов на стене засели две стрелы, и он упал, потом другой получил рану в горло от англичанина, который все-таки сумел вскарабкаться наверх. Англичанин умер от рук трех французов, потом в минутном затишье послышался крик снизу:

- Ворота сданы!

- Ко мне! - вскричала Жанна, и Кейт вместе с тремя бойцами последовала за ней, когда она бросилась по ступеням во двор, где импровизированная баррикада развалилась под натиском атакующих, а несколько наемников лежали без движения либо при смерти. Через брошенную стену лезли солдаты.

- Тут нам их не удержать! В башню! - приказала Жанна.

Оставшиеся французы у ворот отступили, к ним присоединились те, что были с Жанной, и вся небольшая группка попятилась ко входу в башню, отбиваясь от массы англичан, которые хлынули в ворота и через стену. Упал один наемник, потом еще один, затем, когда Жанна, Кейт и еще двое уцелевших достигли башни, только Андре стоял между ними и англичанами.

- Запритесь! - крикнул он.

- Я не оставлю тебя за дверьми! - крикнула в ответ Жанна. - Меня так бросили в Компьене, и я не поступлю подобно с храбрым и верным рыцарем!

Но когда Андре поднял меч, чтобы нанести еще удар теснящим его англичанам, вошедшие во двор лучники натянули луки, и в него попали три стрелы, которые пронзили доспех, и Андре на мгновение покачнулся.

- Мне конец, - с легким недоумением сказал он, потом упал ничком на нападающих - его гибель еще чуточку задержала врага.

Оставшиеся двое навалились вместе с Жанной и Кейт на сломанные

двери башни, начали подпирать их чем попало, без надежды, что они выдержат под безжалостными ударами снаружи.

Жанна посмотрела вверх.

- Кейт, поднимись и посмотри, что на верхних этажах. Слишком уж тут светло. Возможно, где-то есть брешь, через которую англичане могут ворваться.

Невзирая на громоздкий доспех, Кейт кое-как поднялась по шаткой лестнице - во все стороны порскнули гнездившиеся в башне птицы и летучие мыши. Все существо Кейт затопил страх, но голова у нее как будто оставалась ясной, она даже заметила многочисленные гнезда и хорошо просохшее старое дерево: сама башня была коробком спичек, только и ждущим искры.

Первый этаж был завален осколками камня и дерева, обломками шкафов и скамей. Кейт проковыляла к следующему пролету, ступени которого зловеще затрещали под ее весом, и попала на второй этаж, залитый ярким светом из бреши в стене башни: брешь была почти двух метров шириной и в высоту примерно столько же. Добравшись до отверстия, Кейт посмотрела вниз, где англичане обрубали ветки со стволов, чтобы сколотить лестницы. Вернувшись к проему, она крикнула вниз, перекрывая лязг оружия:

- Жанна! На втором этаже брешь. Они собираются подняться к ней.

Никакого ответа. Превозмогая усталость, Кейт спустилась по проседающим ступеням и прокричала то же самое фигурам, которые различила внизу.

Жанна глянула вверх, потом на двери.

- Мы с леди Кейт возьмем на себя брешь.

Один из наемников кивнул.

- Мы будем держаться здесь до последнего вздоха, Дева. Прошу: благослови нас перед уходом, чтобы мы почили в благодати Господней.

- Но я только служанка Господа, не одна из Его ангелов, - запротестовала Жанна.

- Прошу тебя, Дева!

По лицу Жанны катились слезы, пока она наспех благословляла оставшихся двух французов, привалившихся к поддающейся двери.

- Я иду, Кейт. Удерживай брешь, пока я не поспею.

Кейт пришлось остановиться на минуту передохнуть, перед тем как опять карабкаться по лестнице. Одна ступенька под ней подломилась, и она едва не покатила кубарем вниз. Но все-таки взобралась, потом дотаскала до бреши в стене, над краем которой уже показался ствол.

Она достаточно насмотрелась фильмов и потому знала, что делать. Упершись ногой в ствол, она толкнула что было мочи. Ствол сдвинулся - под вопли снизу. Резко взвизгнула о камень стрела. Все новые лучники натягивали луки, целя в нее, но Кейт думала о Жанне и

французах, удерживающих дверь внизу, и каким-то образом нашла в себе силы простоять на виду достаточно долго, чтобы снова толкнуть ствол, так что он повалился на сторону.

Тогда Кейт бросилась в укрытие, привалилась к стене башни, тяжело дыша, а в брешь залетали стрелы и отскакивали от дальней стены.

Поднявшись по лестнице, Жанна метнулась в укрытие по другую сторону бреши, улыбнулась Кейт:

- Времени осталось мало. Если хочешь уйти, уходи сейчас.

Кейт удивленно раскрыла рот, но совладала с собой и покачала головой, сознавая, что по ее лицу тоже катятся слезы.

- Я тебя не оставлю. - Слова, которые она никогда не могла выговорить, теперь вырвались на свободу: - Я люблю тебя.

- И я тоже тебя люблю, Кейт. - Но тут Жанна встретила с Кейт взглядом и как будто прочла смысл этих слов. Кейт ждала гнева, отрицания, но улыбка Жанны лишь стала грустной. - Так вот это как... Увы, моя милая леди Кейт, твоя любовь не из тех, на какую я могла бы когда-либо ответить. Даже будь ты мужчиной, единственным моим господином может быть только Бог.

- Ты меня возненавидела?

- Возненавидела? Меня судили другие, Кейт. Я знаю, сколь мало подобные суждения имеют отношения к правде. Как я могу ненавидеть такую женщину, как ты? Мой Господь велит нам любить всех, и хотя я питаю большую горечь к англичанам, даже им я с радостью позволила бы покинуть Францию с миром, если бы только они согласились. Но в твоём сердце нет зла, Кейт. Такую любовь, как твоя, я испытывать не могу, но она все равно чиста. Это сказали про тебя мои голоса, и теперь ты видишь, как они правдивы.

В брешь залетали все новые стрелы, но на сей раз за ними тянулись следы жара и дыма. Жанна рискнула выглянуть наружу, потом снова привалилась к стене, трясая головой, и впервые на ее лице возникла тень страха.

- Они стремятся выкурить нас из башни. Собираются ее поджечь.

Кейт думала, что страшнее ей уже не станет, но всегда бывает страх больший, чем минуту назад.

- Башня вспыхнет, как факел. - Тут сквозь страх к ней пробилось понимание. - Снизу ничего не слышно.

Жанна кивнула.

- Ты ближе. Загляни вниз, проверь лестницы, я постерегу.

Пробравшись, пригибаясь, к проему, Кейт заглянула вниз. Оттуда больше не доносилось ударов оружия по дереву или лязга его о броню, но она различила, как кто-то пробирается через обломки, а еще какой-то треск, который она поначалу не могла распознать.

Потом треск стал громче, а затем раздались тревожные крики «Скорей! Скорей отсюда!» на архаичном английском, и с нижнего

этажа начали подниматься клубы черного дыма, тогда крики разом стихли.

Сейчас самое время запаниковать, но, посмотрев на Жанну, Кейт ощутила, что на нее нисходит странная решимость.

Кейт вернулась к бреши.

- Англичане по лестнице не поднимутся, - прохрипела она. Оглянувшись, Жанна тоже увидела дым из лестничного отверстия.

- Внизу пожар.

- Да, англичане были там, но, думаю, сбежали. Те двое, вероятно, мертвы.

Жанна вжималась в стену, Кейт отдыхала по другую сторону бреши. Огонь, поднявшийся на первый этаж, засасывал воздух, так что у бреши было не столь дымно и, невзирая на растущий жар, оказалось сравнительно прохладно. Но край лестницы уже начал тлеть, вот-вот загорится, и тогда загорится и пол под ними.

- Сдается, моя добрая леди Кейт, что ты спасла меня от одного костра, чтобы мы угодили в другой. Доверю тебе тайну, которую старалась утаить от моих тюремщиков. Я боюсь смерти в огне. Я мало чего боюсь, но этого - очень.

- Мы еще можем спастись, - с надеждой сказала Кейт.

- Я велела тебе уходить, дражайшая Кейт.

- Нет. Мы обе.

Жанна встретила с ней взглядом.

- Чтобы после продолжить мою миссию?

Кейт так хотелось сказать «да», солгать Жанне, выкрикнуть что угодно, лишь бы спасти ее из этой ловушки, но ее губы-предательницы сами произнесли правду:

- Нет. Мы обе покинем Францию. Навсегда.

Взгляд Жанны на мгновение затуманился, но потом она улыбнулась Кейт, хотя в ее глазах по-прежнему стоял ужас.

- Ты должна уйти. Тебе незачем умирать. Но мои голоса говорят, что там, где стою, я и останусь.

- Не слушай их! - закричала Кейт. - Им нет до тебя дела!

- Есть, и большое, - поправила Жанна, теперь в ее глазах пылал внутренний огонь. - Но они только передают мне послания моего Господа. Я всегда знала, что наступит конец. Жаль, что он пришел так рано, жаль, что он в огне. Но такова моя миссия, и я от нее не отрекусь. Другие умирали под моей командой, они умирали за Францию. Как я могу бежать и отринуть их жертву?

- Ты должна умереть, чтобы и дальше вдохновлять людей? - заорала Кейт. - Это ужасно. Это нечестно!

Жанна обратила на Кейт горящий взор.

- Такова Господня воля.

- Тогда я тебя не оставлю. - Что-то внутри Кейт визжало от ужаса, но

она не могла отступить. - Ты не пойдешь в огонь одна.

На сей раз во взгляде Жанны было больше благодарности, чем страха. Кивнув, она подняла в приветствии меч.

- Спасибо, сестра.

Еще один ствол бухнул о край бреши. Жанна с Кейт вдвоем попытались его столкнуть, но он был тяжелее предыдущего, и солдаты внизу придерживали его, пока другие неловко карабкались наверх. Лучники стреляли, стараясь попасть в Жанну и Кейт, пока они силились отпихнуть ствол, но потом вдруг первый из врагов достиг верхушки.

Кейт вытащила меч и сражалась бок о бок с Жанной, обрушивая удары на атакующих, когда один за другим поднимались вооруженные враги. Один, два, три англичанина отшатнулись, упали назад, и в мгновение передышки, прежде чем до них успел добраться четвертый, обе женщины изо всех сил налегли на ствол. На сей раз он поддался, потом скользнул в сторону.

Сквозь пол у них за спиной прорвалось пламя, сама башня превратилась в гигантскую вытяжную трубу, подкармливающую огонь. Поддалась балка, пол просел, и Кейт попятилась, закрывая руками лицо от жара, стараясь не поддаться всепоглощающему страху.

- Кейт!

Голос был слабый, но каким-то образом проник сквозь рев пламени.

Когда Кейт опустила руки, ее страх сменился ужасом: Жанна полулежала-полусидела у бреши. Из груди у нее на добрый фут торчала пробившая нагрудник стрела. В нее попали, вероятно, в то мгновение, когда был откинут ствол.

- О, Господи, нет!

Забыв про пожар, про англичан, Кейт упала на колени подле Жанны. Она потянулась за стрелой, потом помедлила.

Жанна, очень бледная, нашла в себе силы поднять голову.

- Не надо. Все кончено... сестра.

- Это невозможно. - Кейт затрясла головой, слезы опять покатались у нее по щекам, закапали на нагрудник Жанны. - Только не это! Тебе надо жить. Вернуться со мной. Так было задумано!

- Моя миссия, - напомнила Жанна, голос ее становился все слабее. - Голоса сказали мне... все должно закончиться в огне... такова воля моего Господа... но Его милостью... ты даровала мне... что я умру, сражаясь... и не почувствую пламени.

- Нет! - застонала Кейт. - Со мной ты могла бы быть счастлива. Твое место там. Ты заслуживаешь лучшей участи.

Невзирая на близость смерти, глаза Жанны сияли.

- Моя участь... моя награда... велика... голоса говорят... я скоро увижу Господа... Возьми мой меч... Кейт, моя сестра... живи...

Стоявшую на коленях Кейт трясло, дыхание Жанны замедлилось, ее глаза все еще были устремлены вверх, а на лице застыла улыбка.

- Прощай, - выдохнула Кейт.

Рухнула еще часть пола, и Кейт вжалась в каменную стену, когда языки пламени прорвались почти рядом с ней. Деревянный пол под ней раскалился и в любой момент грозил вспыхнуть. Крики англичан, отступавших от огненного ада, в который превратилась башня, слабели. Кейт посмотрела на тело Жанны, на дымящийся вокруг пол, потом взяла меч и сжала его как можно крепче. Все защитники мертвы, никто больше не знает, кем была, что сделала Кейт, а потому никто не сохранит рассказ о леди Кейт для истории.

- Прощай, Жанна, - повторила Кейт, потом отвела отворот латной рукавицы и наконец набрала возвратный код. Перед глазами у нее все плыло от слез, когда вокруг нее побежали по полу язычки пламени.

* * *

Оглушенная Кейт кое-как добралась через предрассветный кампус до своей квартиры. Она шла механически, не обращая внимания на окружающее, и позднее так и не сумела понять, почему на обратном пути ее не заметила охрана кампуса, а на улицах не остановила полиция. Может, любому, увидевшему в темноте рыцаря в доспехах, не захотелось выяснять, что происходит. Но, так или иначе, Кейт очутилась перед дверью своей квартиры и умудрилась выудить ключи.

Когда дверь за ней захлопнулась, она помедлила, глядя на репродукции. С трудом переступая, Кейт подошла к ним поближе, всматриваясь внимательнее.

На той, где раньше Жанну сжигали на костре, теперь рыцарь в полном боевом доспехе спасал Жанну с места казни, пока клубы дыма и пламени, которые метали святая Катерина и святая Маргарита, ослепляли охранявших узницу английских солдат. Рядом висел оттиск средневековой гравюры, которой Кейт никогда раньше не видела: на ней Жанна сражалась наверху башни, а вокруг нее поднималось пламя, рядом парили ангелы, готовые унести ее на небеса, тогда как враги Жанны в страхе корчились внизу.

Далее следовала фотография памятника возле руин небольшого замка: Жанна в латах стояла, вознеся очи в небеса. На пьедестале были высечены изображения рыцарей, готовых до последнего вздоха сражаться за Жанну.

Некоторое время Кейт просто рассматривала фотографии и репродукции, потом проковыляла в спальню и тяжело опустилась на кровать, осторожно положила рядом меч и поглядела на него. Она понятия не имела, сколько просидела так, как вдруг в дверь негромко постучали, потом в замке повернулся ключ.

- Эй, Кейт! - В гостиной мягко зашуршали шаги Кайлин, потом она

заглянула в приоткрытую дверь. - Эй, сегодня утром тебя не было на занятиях, и на звонки по сотовому ты не отвечала, поэтому я решила проверить... В чем дело?

Моргая, с трудом заставляя себя очнуться, Кейт затрясла головой.

- Ни в чем.

Вышло это хриплым шепотом, который даже самой Кейт показался не слишком убедительным.

Подойдя поближе, Кайлин наклонилась посмотреть в лицо Кейт и сморщила носик.

- Пахнет дымом. Ты была у костра? Твои доспехи все во вмятинах. Господи, эти твои рекреаторщики - страшные люди, если хочешь знать мое мнение.

- Не поминай имя Господа всуе, - прошептала Кейт.

- Что? Кейт, с тобой все в порядке? - Кайлин щелкнула пальцами перед носом у Кейт. - Тебе надо к врачу?

- Нет. Я в порядке.

- Ну, конечно. - Кайлин села рядом с Кейт по другую сторону меча, с любопытством глянув на оружие. - Ты обзавелась еще одним мечом?

- Кое-кто мне его дал. - Кейт потянулась коснуться клинка. - Ее место было здесь, Кай. В эпоху, когда женщина может быть умной, и вести рыцарей на битву, и быть самой собой. Но она нужна была там.

- Ты говоришь про Жанну?

- Да. - Кейт сделала глубокий вдох и наконец сосредоточилась на Кайлин. - Жанна была не такой, как я ее себе представляла... Ну, кое в чем была такой... Но она не то, что думают о ней... Нет, тоже неправильно. Она была и тем, и многим другим, а главное - просто самой собой. Сильной, умной и храброй. Она была Жанной.

- О'кей. - Кайлин отвела взгляд. - Теперь ты знаешь, какой была Жанна. Что ты сделала: отправилась во времени вспять и с ней поговорила?

- Э...

- Потому что ты так часто про это рассказывала. «Если бы только я могла быть тем таинственным рыцарем! Если бы только я была тем, кто спас Жанну от казни англичанами!» - Кайлин озорно улыбнулась и щелкнула пальцами по рукавице. - Так это была ты?

- Ага. Это была я.

- Что?! Это уже не смешно, Кейт!

Кейт сделала над собой огромное усилие.

- Я правда всегда говорила, что хочу быть тем рыцарем? Или что хочу помешать сожжению Жанны на костре?

- Да. Ты миллион раз это говорила. И еще: мол, как бы тебе стать одним из рыцарей с ней в том замке. Но она не сгорела на костре, потому что рыцарь ее спас, так что это не одно и то же, верно?

- Не совсем. - Кейт улыбнулась, чувствуя, как сквозь оцепенение

пробивается ощущение чуда. Она действительно многое изменила.

А Кайлин все еще говорила:

- Не для нее умереть не сражаясь.

- Вот как? - переспросила Кейт. - Хотя если бы она умерла на костре, ей было бы тяжелее, Кай. Стоять одной в огне и не кричать от боли, не молить о пощаде. Это было бы самым мужественным, что она когда-либо совершила.

- Наверное... Раньше ты так никогда не говорила.

- Раньше я никогда по-настоящему не понимала, какой сильной и храброй, какой поразительной она была. - Кейт провела рукой по волосам, чувствуя приставшие к ним частички пепла. Пепла пожара, полыхавшего более шести веков назад.

- Ну, тогда что же ты плачешь? - нерешительно спросила Кайлин. - Серьезно, Кейт, ты кошмарно выглядишь.

- Мне повезло много больше, чем другим. - Слова получились какие-то неверные, пусть даже и были правдой.

- Ладно. - Кайлин неловко махнула рукой. - Хочешь и дальше тут сидеть или пойдём в гостиную, где удобнее? Могу приготовить тебе ланч. Когда ты в последний раз ела?

Более шестисот лет назад, сообщила Кейт.

- Довольно давно. И вино бы не помешало. Красное.

Кайлин помогла ей снять доспехи, хотя ей и не удалось не скорчить мину при виде одежды под латами, которую Кейт носила несколько дней кряду. Кейт же умудрилась встать, невзирая на то что все тело у нее затекло и болело, потом пошла за Кайлин в гостиную, но там опять помедлила, уставившись на картину с Жанной на горящей башне.

- Никаких ангелов я не заметила, - услышала она собственный голос. - Но, может, Жанна их видела. Или слышала. Она была такой спокойной, такой умиротворенной, когда умирала, такой уверенной, что отправляется на Небеса.

- Ты опять меня пугаешь, - сказала Кайлин. - И с каких это пор ты веришь в Небеса?

- Больше не верю. Нет, наверное, теперь верю. Пока не знаю. Но Жанна верила, и, может, как раз это и было нужно, - как кошка Шрёдингера. Если ты не веришь в Небеса и ангелов, их нет. Но если ты веришь... а Жанна заставляла поверить.

Кайлин глядела на Кейт недоуменно.

- Где ты была и что там делала, и главное, что ты сделала с Кейт?

- Кейт все еще здесь. Я просто кое-что узнала. Это долгая история.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© John G. Henry. Joan. 2009. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

АЛЕКСЕЙ ЗАРУБИН

МАЯК НА САРИССЕ

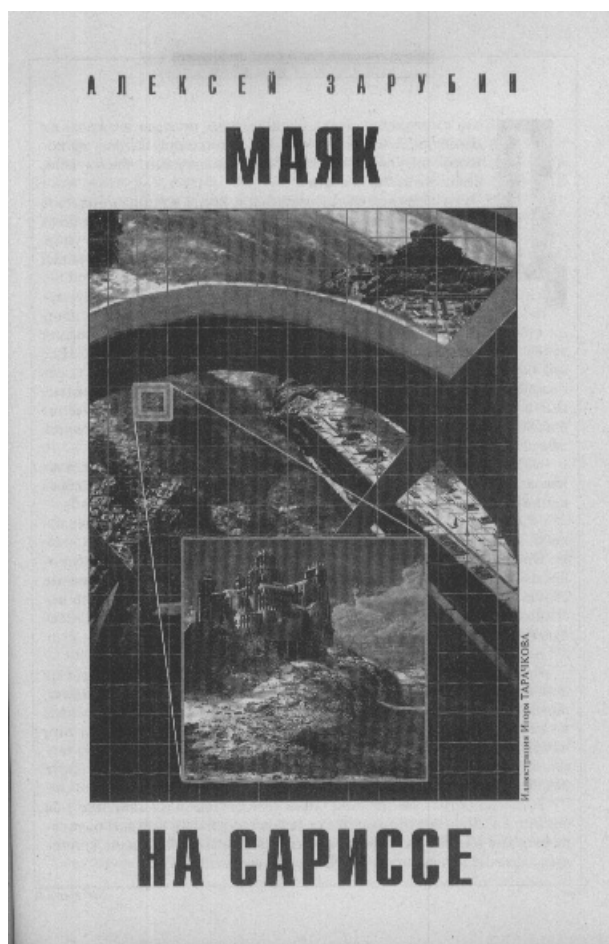

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Дочь смотрителя маяка лучшие годы провела в ожидании Цимбелина. Море не вернуло и щепки суденышка, на котором он уплыл за свадебными подарками. Время шло, никто не засылал сватов.

Отец свалился от грудной боли, когда начищал большое серебряное зеркало. Дополз, покряхтивая, до середины винтовой лестницы, да так на истертых ступенях и умер. Работа не пугала Зенобию, но вскоре и маяку вышел срок.

Начинались годы Бурь. Тяжелые волны сточили скалу, маяк опасно навис над водами Гарсанка, и трещинами пошли стены башни. Пришли работные люди герцога Звево, разобрали зеркала, защитные стекла и чашу, в которой раньше пылал огонь. Всё это надолго ляжет в кладовые - до времен Спокойной Воды, когда оживут верфи и на новом

месте выстроят новый маяк. Новорожденные состарятся и лишь тогда увидят, как успокоится море, изменят очертания берега, вспыхнет огонь на башне и поднимут паруса торговые суда.

Одна стена дома зрителя осыпалась грудой кирпичей, остальные еле держались, а черепичная крыша зияла дырами, словно Небесный Враг забросал ее камнями.

- Жить есть где? - спросил кто-то из работных людей, оглядев тощую, нескладную фигуру Зенобии.

Она кивнула. Ветер растрепал ее волосы, когда-то густые, шелковистые черные пряди, а ныне выцветшие и словно обсыпанные солью. Выцвели и глаза. Появись вдруг Цимбелин - не узнает в иссохшей женщине со впалыми щеками и плохими зубами свою веселую невесту.

- Садись, подвезем до города, - предложил надзиратель.

Крытую телегу мотало на выбоинах, надзиратель наваливался на нее, потом его кидало обратно. От него несло пивом, а она сидела, вцепившись в шершавую доску. Что если работные люди набросятся на нее, изнасилуют? От страха у нее даже скулы свело. Но вот они выбрались на тракт, и ее высадили у городских ворот, недалеко от теткиного дома. Телеги и подводы покатали дальше, а Зенобия вдруг разрыдалась - то ли от пережитого страха, то ли от досады...

Тетка встретила ее неприветливо и поселила в комнатенке под лестницей. Дочь зрителя маяка села на трехногий табурет, опустила узелок с жалким скарбом под ноги и закрыла глаза. Жизнь кончилась, даже не начавшись, - подвела она горестный итог.

1.

Вскоре Зенобия привыкла к суматошной жизни в пригороде Неопалесты. На первом этаже тетка держала лавку с целебными травами, сама жила на втором, там же и варила снадобья. Дом примыкал к трактиру «У Западной стороны» - бойкому месту недалеко от городских ворот. Тетка, почтенная Нафалина, приставила ее к делу - прибрать, подмести, стряхнуть пыль с травяных метелок и косиц, свисающих с притолоки, и опорожнить ночную посуду. Время от времени приходилось сопровождать Нафалину во время поездок на ярмарку или на пустыри за дикими травами. Когда тетка однажды разговорилась, Зенобия узнала, почему ее вызывают вечерней порой в трактир, когда у ворот стоит карета или портшез без гербов.

Возвращалась она обычно мрачная, пила ягодную наливку, искала, к чему бы придраться, жаловалась на господ, что норовят плод вытравить, тогда как порядочным людям не всегда везет с детьми.

Зенобия потихоньку разобралась в травах и настойках - благо, на

горшочках имелись надписи, а грамоту она знала. Если приходили господа в богатой одежде, звала тетку, и ее румяное улыбочивое лицо возвращало хорошее настроение посетителям, расстроенным унылой физиономией Зенобии.

Вскоре тетка доверила относить склянки со снадобьем в Неопалесту. Некоторые господа, пояснила она, слишком знатны, чтобы бродить по пригородам. Лекарства следовало неприметно доставить в мореходную лавку. В лавку иногда заходили господа: полюбоваться старинными картами или купить искусно вырезанные из кости кораблики, хитроумно впихнутые в скляницы. Ожидая, когда мастер освободится, Зенобия разглядывала диковины. Ей нравилась большая карта с изображением Сариссы. Вокруг длинного, похожего на копьё континента плавают в завитках волн, толщиной в волос, кораблики, а горный хребет разделяет сушу пополам. Приказчик пояснил, что когда-нибудь карта будет интересна любителям старины. Восточная оконечность поднимается, а наша опускается, и некоторые земли уйдут под воду. Правда, еще не скоро. Потому волею герцога Звево в предгорьях строится новый замок, со временем в устье реки появится новый порт. А там и город, взамен Неопалесты. Сопернику герцога, графу Пандухту, не повезло, добавил приказчик, его морские порты уже стали недоступными. Во время предыдущего цикла его прадед хватал земли без разбора, а прадед нашего-то умен был, хоть и вдоль побережья земли воевал, но места выбирал скальные, горные.

На западной оконечности копья, прямо на его острие, был нарисован маяк. Карта была сработана, судя по росписи, сорок стодневоу тому назад. И когда Зенобии надоело ждать, она вглядывалась в маяк, и казалось, что еще немного, и она увидит, как маленькая Зенобия бежит вокруг зеркала, а за ней ковыляет хромя чайка, которую они с отцом подобрали и выходили после грозы.

Матери она не помнила.

Когда лавка пустела, ее вели в склад, где лежали бухты канатов, якоря медные и железные, кабестаны, блоки и прочая снасть, потребная для оснащения судна. За конторкой восседал мастер. Дождавшись, когда приказчик вернется в лавку, Зенобия вручала мастеру пузырек или мешочек с травами. Тот сопел, разглядывал теткины закорючки, затем прятал лекарство в один из ящичков.

Иногда у нее появлялись карманные деньги, и она гуляла по Неопалесте, лакомясь засахаренными фруктами. Кривые и узкие улочки стольного города ближе к замку переходили в широкие и чистые проспекты, по которым шествовали почтенные горожане, сновала ливрейная прислуга, проносились кареты господ и негромкой поступью проходил дозор кавалерской охраны. Как-то Зенобия увидела благочестивых братьев, ведущих по улицам связанных мужчин и женщин, одежда которых была вымазана дегтем. Это означало, что

они предались Небесному Врагу. Тетка рассказывала о том, что среди камней, сбрасываемых Врагом на землю, попадают особые, высоко ценимые на той стороне Сариссы колдунами, и будто бы находятся хитрецы, которые ищут такие камни, дабы обогатиться. Но Служба Благочестия не дремлет, добавила тетка, поджав губы. Городское устройство братьев возвышалось недалеко от замка и походило на небольшую крепость с высокими стенами.

Видела Зенобия и герцога. Он возвращался в замок после воинских учений. Сбруя его бойцового вьюка украшена бляшками, золотые нити камзола сияют на солнце. Копыта гвардейского отряда стучат по мостовой, а гвардейцы подмигивают красоткам. В толпе судачили о том, что вода поднимается быстро и скоро быть войне. Им возражали: подходы к перевалу еще покрыты снегом и не откроются долго.

Зенобия разглядывала витрины, деревья с изящно подрезанной листвой, литые украшения над воротами. Она знала, что город обречен и море рано или поздно затопит его. Сгинет роскошь, сгинет все, думала Зенобия, и эта мысль почему-то радовала ее. Скорее бы пришла вода и затопила всех людишек, которые развлекаются вовсю, когда она мается и сохнет в бесконечном однообразии ночей.

В одно из посещений мастер сообщил, что он продает дело и отправляется на покой к родне. Новость расстроила тетку. Терять влиятельных клиентов не хотелось. Пару дней Нафалина ходила хмурая, потом велела Зенобии приодеться, и они направились в город.

Добрались до замка. Тетка протиснулась сквозь толпу, ожидающую сборщика прошений. Стражники под присмотром кавалера время от времени покрикивали на просителей, осаживая их назад.

Тетка дождалась, когда кавалер оказался рядом, и, велев Зенобии не отставать, храбро протиснулась между ограждениями. Что-то шепнула кавалеру. Тот подозвал одного из стражей и велел проводить почтенных в караульное помещение. Провожаемые завистливым шепотом, они прошли в казарму. Двое стражников чистили оружие, кто-то спал на нарах, остальные резались в кости. Тетка игриво улыбалась стражникам, а Зенобия рассматривала земляной пол и боялась поднять глаза.

Вскоре вернулся стражник и сказал, что младший помощник дворецкого ждет их. Во дворе стоял важный господин в строгом черном одеянии с вышитым гербом на рукаве.

- Досточтимый господин Андре, - склонилась в поклоне тетка, - вот моя недостойная племянница, о которой я говорила. Не оставьте своим благоволением сироту.

Господин Андре смерил взглядом Зенобию с головы до ног и, по всей видимости, измерением остался недоволен.

- Худая очень, - сказал он. - Плохо кормишь, старая подстилка?

- Как можно, досточтимый, - разволновалась тетка. - Кость у нее крепкая, и сила в ней есть. А главное, - многозначительно добавила она, - лишнего ничего не скажет и слушаться будет каждого вашего слова.

- Ну, посмотрим, что можно сделать. Жди здесь, а ты, - он поманил пальцем Зенобию, - иди за мной.

Они вышли сквозь проход на замковую площадь и вошли во дворец. Мимо скользили слуги в серых ливреях, сливаясь с обитыми блеклой тканью стенами, медленно шествовали придворные дамы. Во внутренних покоях Зенобию восхитили огромные гобелены: на них господа охотились, правили и воевали, и золотые нити окаймляли их фигуры. Поразили ее резные панели мореного старолиста, удивили великолепные кресла и стулья, обитые кожей и мехом... Если она станет прислуживать господам, то сможет любоваться богатством и красотой, подумала Зенобия с опасливым восторгом.

В тронном зале было тихо, лишь шаги господина Андре и Зенобии шелестели на гладких плитах. Стражник у двери проводил их взглядом. Когда они пересекли зал, Зенобия оглянулась и увидела, что стражник исчез, а вместо него к двери прислонился кавалер, поигрывающий ножнами. Из зала коридор вел к лестнице, потом к другой, и как-то незаметно они оказались на кухне.

Рычащий огонь плясал в огромной печи, над огнем вращался вертел, на который можно насадить вьюка, а сейчас крутились рядом четыре туши свинорыла. Звенели крышки кастрюль, с грохотом опускались на раскаленные кольца малых печей черные сковороды - на каждой поместится с десятков упитанных каплунов. Метались поварята со связками лука и чеснока, обсыпанные мукой женщины раскатывали тесто, у овощного стола споро орудовали большими ножами.

К ним приблизился невысокий мужчина. Камзол украшала цепь, с нее свисала маленькая золотая поварешка.

- Ты жаловался, что на кухне не хватает рук, - сказал Андре. - Вот тебе пара.

- Куда же ее? - задумался повар. - Все и так спят по трое в комнате.

- Жить здесь не будет, - сказал господин Андре. - Она племянница Нафалины. Утром придет, вечером уйдет.

- Устроим в лучшем виде, - вполголоса сказал повар.

- Дворецкому доложишь сам, мне неуместно.

- Так ведь досточтимый Брегон хворает у себя в имении... Как появится, пусть она и приходит.

- Эй, ты, - обратился господин Андре к Зенобии, - когда скажу, явишься к почтенному Харлампю. Ступай. Вот бирка, покажешь на выходе. Не потеряй, иначе потом не впустят.

Зенобия робко попятилась к двери, но тут господин Андре предупреждающе поднял палец:

- Обрати иди через людскую. В господскую сторону пойдешь, если позовут.

Взгляд, которым он окинул ее фигуру, говорил, что в господских покоях ей делать нечего.

Два дня тетка показывала поклоны и полупоклоны, учила, как различать нашивки и цвета дворовых людей. На вопрос, к чему эта премудрость, если дальше кухни ей хода нет, тетка сказала, что удачная интрига может помочь карьере, пусть даже скромной.

Утром третьего дня тетка отправилась на холм, собрать немного листьев кислотода для желудочного отвара, и велела Зенобии идти с ней. Отсюда, с пустоши на холме, были видны крыши города, острые шпили храмов Земных Сил, знамена на башнях замка, а вот трактир и пригородные дома скрывались в низине. Зенобия несла корзину для целебных трав, но почтенная Нафалина и не собиралась искать их. Она свернула на перекрестке и пошла в сторону реки. По дороге ехали телеги с фуражом. Один возница предложил тетке взобраться к нему, покувыркаться в сене. Тетка обложила его таким многоколенным ругательством, что тот замер, открыв рот. Потом сказал, что мечтает о такой бойкой хозяйке для своего хутора, но, увы, недостойн. С сожалением причмокнул и, тронув поводья, покотил дальше.

Показалась, большая повозка с высокими бортами. Сквозь них виднелись свернутое в жгуты тряпье, дырявые тазы и сплюснутые медные кастрюли. На передке под матерчатым навесом восседал старьевщик. Придержал повозку и, огладив седую бороду, заплетенную в косицу, спросил, куда путь держат красавицы. Нафалина недовольно сказала:

- В ожидании такого угодника, как ты, пришлось бы до реки идти.

Старьевщик шустро для его возраста соскочил с передка.

- Чем порадуешь, почтенная?

- Порадую к урочному часу. Вот, устроила дочь моего бедного брата во дворец кухарничать. Хоть малая, а радость - сиротку прирзеть.

- Сиротам надо помогать, - короткий взгляд на Зенобию. - Вернусь, пожалуй, к реке. Потом к перевалу двину, если будет тихо. Встретимся скоро, как считаешь?

- Через десятиднев, думаю, вести тебя догонят, - ответила тетка. Старьевщик развернул повозку и покотил обратно. Вскоре скрылся за деревьями, которые в низине росли гуще, чем на холме.

- Что смотришь? - сказала тетка. - Встретила старого знакомого, поговорили.

Поджала губы и пошла назад. Зенобия поплелась за ней: теткыны дела запутаны; непонятны, чем меньше вопросов, тем она добрее и разговорчивее. Когда оказались на холме, тетка повела носом.

- Гарью пахнет, - сказала она. - Опять пастухи сухую траву подожгли.

За поворотом они увидели, что горит не трава, а полыхает теткына

лавка. Нафалина охнула, ноги ее подогнулись, и Зенобия еле успела подхватить тетку и усадить на валун.

- Вот беда, вот беда! - запричитала тетка. - Не вижу отсюда, там хоть воду несут, тушат огонь?

Зенобия присмотрелась и сказала, что огонь не тушат, а какие-то люди в темных плащах отгоняют зевак от пожара. Другие, в таких же плащах, ведут куда-то хозяина трактира. Она еще хотела добавить, что хозяин пытается убежать от этих людей в сторону холма, но замолчала, увидев, как его догнали и закололи шпагами. Тетка тоже увидела.

- Кавалеры! - ахнула она. - Прятаться надо.

Привстала с камня, но тут же повалилась набок.

- Худо мне. Догони старьевщика, скажи, дело открылось.

Между тем несколько человек в темных плащах быстрыми шагами направились в их сторону.

- Беги! - шепнула тетка.

Зенобия послушно отбежала назад по безлюдной дороге, хотела спрятаться в придорожной канаве, но под ворохом сухих листьев журчала вода. Было страшно, однако не настолько, чтобы лежать в грязи. Она метнулась к кустам на обочине, раздвинула ветки и протиснулась в глубину зарослей, шипя от боли - колючки жалили немилосердно. Прижалась к жесткой траве, свернулась клубочком и замерла.

Вскоре раздались крики: «Вот она, отравительница! Эй, держите ее!». По ушам ударила громкая ругань. Тишина, и негромкий голос: «Придется доложить, что злодейка успела принять яд». «Хорошо, если наставник Фалин месячным жалованьем накажет», - ответил другой.

Сердце Зенобии стучало так сильно, что, казалось, земля отзывается эхом. Дробный стук подков - и начальственный голос сердито спросил, был ли кто с заговорщицей. Быстрый топот ездовых вьюков раздался почти над головой и стих вдали.

Солнце перекаатилось на закатную половину, снова застучали подковы. Возвращались кавалеры. Одна за другой проехали две телеги. Скрип колес и щелчки кнута сменились тишиной.

Смеркалось, когда она выбралась на дорогу. Первые шаги дались с трудом, ноги ныли, спину ломило, но вскоре размялась и быстрым шагом пошла в сторону реки.

К переправе добралась ночью. Масляные светильники в площадках болтались на столбах у парома, сам паромщик отдыхал в трактире.

Зенобия, присев на скамейку у колодца, всматривалась в тени, мелькающие в окнах трактира, и гадала: здесь старьевщик или на постоялом дворе? Из пристройки к трактиру выскочила немолодая женщина и опрокинула ведро в канаву. Зенобия негромко окликнула ее, спросила, остановился ли у них человек с седой бородой, но в ответ

услышала брань.

Дверь трактира распахнулась, вышли двое: один высокий и широкоплечий, а второй пониже да еще опирался на посох. Свет бил им в спину, и лиц не было видно, однако ее, кажется, увидели, потому что высокий хмыкнул и сказал:

- Смотри, не тебя ли молодая жена со скалкой подкарауливает?

- Это твоя сестра ждет клиента... - начал было второй мужчина, но осекся. - Эй, девушка, я же тебя видел недавно.

Глаза Зенобии привыкли к свету, и она разглядела бороду старьевщика.

Стены амбара - из камня, тяжелая дверь заперта снаружи. От дерюги, брошенной поверх соломы, несло кислой вонью и дымом. Дурно пахло и ведро, оставленное для отхожих нужд. Груды старого железа - связки треснувших и стертых подков, разбитые плуги и бороны, дырявые корыта и поилки для вьюков, а у дальней стены лежит на боку перегонный куб с пробитым днищем.

Тлеющие угли в жаровне быстро прогорали. Зенобия согрела ладони и залезла под старые тряпки. Идти к угольной загородке у стены не было сил.

Три дня назад, когда она увидела старьевщика, то решила, что он позаботится о ней. Старый Роппо выслушал сбивчивый рассказ и пробормотал: «Доигралась, старая интриганка». Высокий мужчина оглянулся на трактир, посмотрел на дорогу и сказал:

- Что мы тут стоим? Ей отдохнуть надо, устала с дороги, наверное.

Старьевщик взял Зенобию за локоть и повел вслед за высоким вверх по переулку. Они прошли мимо постоянного двора.

- Куда мы идем? - робко спросила она.

- К этому доброму человеку, - ответил Роппо. - У него здесь кузня неподалеку и дом.

Идти пришлось долго. За последними домами тропа спустилась к реке, и там, у воды, темнело несколько строений. Высокий постоял, прислушиваясь, не идет ли кто за ними, зазвенел ключами. Пока Зенобия утоляла голод ломтем хлеба и куском сыра, кузнец и старьевщик о чем-то шептались. Потом хозяин растопил очаг, подсел к ней и стал задавать вопросы. Она рассказала, как ее устраивали на работу в замок и кто помогал. Ее спросили, почему закрыта лавка мастера мореходных дел. Услышав, что мастер собрался на покой, кузнец мрачно покосился на Роппо. У старьевщика задергалось веко.

- За Керопа ручаюсь, - хрипло сказал он. - Если протекло, то из замка.

- Болтливые сучьи потроха! - прошипел кузнец. - С ней что делать?

- Река рядом, - пожал плечами старьевщик. - А то начнет говорить...

- Я не буду говорить...

Кузнец строго поднял палец, и она замолчала.

- Будешь, - сказал он. - Вставят горящие лучины, заговоришь.

- За что лучины? - охнула Зенобия.

- Не за что, а во что, - хохотнул старьевщик.

Кузнец задумчиво почесал нос, покачал головой.

- Спешить не надо. Скоро появится господин посыльный. Пусть от нее узнает, почему дело не составилось, а то на нас вывернется. Потом можно и в реку.

Зенобия поняла, что дела ее плохи. Посмотрела на тупой нож, которым кромсала круг сыра.

- Ты не обижайся, - сказал Роппо. - Подождем одного человека, он и решит, что делать. Узнаем, кто оплошал, из-за кого теперь малой кровью не обойтись...

Кузнец кашлянул, и старьевщик закрыл рот. Только дернулась бровь под шрамом на лбу, похожим на след от сабельного удара.

Днем она слышала, как стучит молот в кузне, а прижавшись ухом к двери, разбирала голоса. В оконце под потолком не пролезть. Зенобия понимала, что кричать не стоит: наверное, ее описание уже разослано по караульным заставам. Так и прикончат здесь.

Злость придала сил. Она обошла амбар, вытащила из груды хлама обломок шпаги и стала ковырять дверь там, где должен быть засов. К утру выдолбила узкую канавку. Да и ту пришлось замазать пылью, когда слышались шаги.

Упала на солому и натянула на себя дерюгу, сжимая в руке острый обломок. Если потащат к реке, то хоть одного заберет с собой, мрачно решила Зенобия.

Кузнец принес миску с варевом и бутылку с водой. Громыкнул засов. Зенобия глотнула воды и принялась снова возиться с дверью. Но озябшие пальцы плохо держали кусок металла. Отложила в сторону свое оружие. Стальное острие дрогнуло и прилипло концом к железному лемеху. Она вспомнила, как в детстве отец показал забаву с гвоздями: если сильно постучать ими о камень, то концы тянутся друг к другу.

Она не хотела пачкать руки об уголь. Нашла дырявую миску, поддела кучу и набрала достаточно, чтобы наполнить жаровню доверху. Угля в загородке было немного, и под черной осыпью Зенобия разглядела мешковину. Потянула на себя, и когда показался сверток, подняла, но не удержала в руке. Тяжелый сверток глухо звякнул об утоптанную земляной пол.

Бечевка лопнула, из мешковины вывалились металлические штуковины. Блестящие и в окалине, прямые и скрученные, мелкие, с палец, и крупные, с локоть. Зенобия решила, что это кузнечный инструмент. Но зачем его прятать?

Собрала в мешковину, подтащила ближе к оконцу. И в страхе отшвырнула от себя так, что все разлетелось по амбару. Одни попали

в кучу железного хлама, другие - еще куда, а небольшая пластинка, похожая на порченную монету или чешуйку, свалилась в жаровню.

Зенобия долго терла руки о мешковину, надеясь, что проклятие Небесного Врага ее не коснется. В детстве она три года ходила по красным дням в школу при устройении благочестивых братьев. Кроме грамоты, счета и рукодельных умений, приличествующих девицам, им рассказывали предания о великих битвах в небесах. О том, как Небесный Враг наслал на погибель каменный дождь, как Огненный Мститель одолел его, но не уничтожил корень зла. И что незримая глазу битва идет до сих пор, а то, что падает с неба, - суть куски доспехов Врага, не менее опасные для людей, чем он сам. Нашел странную вещь - не трогай, призови братьев, чтобы надлежащим образом пресечь зло.

Как-то тетка спросила, не осталось ли от покойного брата непонятных предметов. На испуганный вопрос Зенобии, не о вещах ли Врага она говорит, тетка сказала, что сказки о Враге - для деревенщины. Люди, искушенные в торговых делах, дают хорошие деньги за то, что братья отбирают бесплатно. Зенобия не поверила, но запомнила эти слова. Поэтому с помощью грязной тряпки, стараясь не прикасаться голыми руками, собрала все странные предметы в мешковину, обмотала кусками бечевки и снова зарыла в уголь.

Раздув жаровню, Зенобия подогрела варево и, пользуясь коркой хлеба как ложкой, выхлебала склизкую массу, по вкусу похожую на древесные грибы.

Ее потянуло в сон. Зенобия взяла обломок шпаги и накрылась дерюгой. Снов не видела. Не видела также, как металлическая чешуйка в жаровне вспыхнула зеленым светом и разлетелась во все стороны мелкими искрами. Одна из искр прожгла дерюгу и упала на стальной обломок. Не погасла, как другие, а медленно изменила цвет сначала на синий, а потом на серый.

Утром Зенобия случайно порежется обломком шпаги. Лизнет палец, чтобы остановить кровь, приложит паутины и замотает куском ткани, оторванным от подола.

Сны начнутся позже.

2.

Четыре шага в длину, два вбок - в амбаре было просторнее, но в узилище кормили лучше.

По пути в город из перебранки кавалеров Зенобия поняла: ее стук в дверь и крики, чтобы ей позволили вылить помойное ведро, услышал слуга депеш-кавалера, приведший вьюка на перековку. Никого в кузне не застав, вернулся в трактир, а его господин в это время опрашивал

трактирщика и прислугу: не видел ли кто одинокую девицу? Одна из служанок сказала, что какая-то бродяжка вроде интересовалась седобородым постояльцем. Хозяин вспомнил, что старик пил с кузнецом, с ним же и ушел. Тут слуга сказал: мол, какая-то девка кричала в амбаре, что рядом с кузней. Кавалер сразу же послал в местную казарму за стражей. Кузнец и старьевщик исчезли, а во время обыска не в меру ретивый кавалер уронил лампу в бочку с земляным маслом, дом и амбар сгорели, стены обрушились.

Когда дверь распахнулась, Зенобия зажмурила глаза от яркого света. Открыв, увидела, что в амбаре полно стражников и кавалеров. Быстро связали руки и ноги, уложили на повозку и повезли в город. Мысль, что ее могут убить, не пугала. Видения выжгли из нее страх.

Она проснулась от сильной боли, словно в голове маленькие молотобойцы в такт стучат по наковальням. Постепенно боль исчезла, сменившись блаженным покоем. Зенобия снова заснула и вдруг оказалась во тьме. Потом возникли яркие точки, появился большой зелено-голубой круг.

Зенобия уверена, что проснется, когда захочет. Но вот из-за круга выплывает другой, огненный, она хочет открыть глаза и понимает, что глаза открыты, но это не ее глаза. Тихий шелест в голове превращается в голос, он говорит на непонятном наречии, словно мяукает и щебечет одновременно.

Проснулась в страхе, уверенная, что слышала голос Небесного Врага, а значит - погибла. Пальцы ее растопырены, она с трудом сжала их в кулак. Хотела произнести наговор, отгоняющий Врага и его приспешников, но зубы стучали так сильно, что чуть не прикусила язык. Еле видные потолочные балки амбара казались сводами склепа, она боялась закрыть глаза, чтобы снова не оказаться невесть где в окружении кругов - огненного и холодного.

Так она лежит, дожидаясь рассвета, и вдруг снова оказывается во мраке. «Сила земного огня одолеет Врага...» - Зенобия произносит первую строчку наговора, но замолкает, потому что не слышит себя. Она раздвоилась: одна часть трясется от страха в амбаре, другая - парит, в странном месте и смотрит на светящийся круг. Круг медленно вращается, и она понимает, что это шар. Ей хочется разглядеть его поближе. Возникают тонкие светящиеся нити, похожие на сеть с крупными ячейками, мелькают непонятные знаки, и шар вдруг увеличивается в размерах. И вот уже перед ней темная поверхность воды, и сквозь редкие полосы облаков проглядывает суша. Очертания напоминают вытянутый наконечник копья. Похоже на карту Сариссы, но только это не карта.

От страха так свело живот, что Зенобия еле успела добраться до ведра. В тот день не кормили, и воды не принесли. В кузне было тихо.

Зенобия сидела, сложив руки на коленях, и гадала: сожжет ее огонь или постигнет иная кара? Ближе к вечеру допила остатки воды и задумалась. Если добродетель привела в этот амбар, то, может, Враг выведет отсюда? Терять все равно нечего. Вспомнила изображение Сариссы - и снова оказалась над ней, разглядывая, словно в огромную подзорную трубу, океан и земли внизу, приближая и отдаляя их по желанию.

В узилище Зенобия выпалась. Здесь не было видений. Опускала веки, пытаюсь увидеть шар, темноту и звезды, но обращение к Врагу отзывалось слабым покалыванием в висках. Потом за ней пришли и повели наверх, но не на Черный двор, где голова преступника отделяется от тела, а в канцелярию при кавалергардии - на допрос.

Стражник усадил Зенобию на скамью. За столом немолодой господин в черном камзоле перебирал бумаги. Поднял голову и угрюмо посмотрел на Зенобию.

- Ты ведь ни в чем не повинна? - спросил он.

- Не повинна, - ответила она. И заплакала.

Кавалер велел успокоиться, ибо она не в заточении, а под защитой. Чтобы изменники и предатели до нее не добрались, иначе снова похитят.

- Кстати, - спросил он, протягивая платок, - запомнила ли ты лица тех, кто запер тебя в кузнице?

Зенобия готова была говорить о чем угодно, только не о видениях. Слово за слово рассказала, как добралась до городка у реки, как пряталась от кавалеров на дороге, как испугалась теткиной смерти.

Услышав о посещениях лавки мореходных дел, господин в черном прищурился, велел повторить еще раз, потом щелкнул пальцами. В комнате возник кавалер и отсалютовал шпагой.

- Вызови двух, нет, трех самых надежных.

Кавалер исчез. Зенобия догадалась, что ее допрашивал сам наставник кавалерской охраны Фалин, чьи глаза и уши были повсюду, и сейчас станет ясно, не лишится ли она своих глаз и ушей вместе с головой.

Наставник Фалин аккуратно собрал бумаги со стола, свернул в трубку, обвязал шнурком и опустил в карман камзола. Кавалер снова появился.

- Отведи ее в мои покои, что рядом с приемной. К двери приставь двух кавалеров, за которых поручишься головой. И накормить, - добавил он, глядя на впалые щеки Зенобии. - Еду из кавалерской кухни, пробовать самим.

Исполнилось желание почтенной Нафалины пристроить ее в замок. Еда неплоха, слабое кисловатое вино утоляет жажду. Когда Зенобия

попросила отхожее ведро, кавалер молча показал на дверцу в стене спальни. За дверцей - закуток с дыркой в полу, на полке стояли кувшин и стопка салфеток из тонкой ткани. Круглое оконце под потолком - мутное, сквозь зеленое стекло можно только догадаться, ночь или день за стеной. Зенобия опасливо глянула в темную дыру и подивилась господским причудам.

В спальне не было окон, светильники горели все время, даже ночью. Зенобия боялась лежать на кровати под тяжелым балдахином и пристраивалась на диванчике, обитом кожей. Вернулись видения.

С каждым разом все легче управлялась с картинками. Надо просто захотеть - и суша становится ближе, да так, что можно разглядеть дороги, и повозки на дорогах, и головы сидящих в повозках или бредущих по дороге. Если же смотреть на край Сариссы, то видны и фигурки людей, но тогда мешают холмы, деревья или стены.

Зенобии хотелось проникнуть взглядом в дома, узнать, чем занимаются их обитатели, услышать их речи. Но не получалось. Значит, могущество Врага имеет пределы. Стало досадно: не продешевила ли? А разве кто-то торговался? - пришла другая мысль.

Разглядывая водную поверхность Гарсанка, она наблюдала, как крохотные суденышки прижимаются к берегу. Приблизив картинку, видела, как отчаянно сражаются мореходы с ветром и волнами. Вдруг среди них и Цимбелин, пропавший в море жених? Его могли подобрать лихие торговцы с восточной половины, и теперь он отрабатывает спасение. Но столько лет в неволе держать нельзя по законам любой земли справа и слева от горного хребта, разделяющего Сариссу почти на равные половины. Рассматривая Неопалесту, замок и дворец, она пыталась угадать, где находятся покои наставника Фалина.

Однажды пожелала сдвинуться в сторону, чтобы лучше видеть замок. Вспыхнула зеленая сетка, но теперь из двойных нитей, а вместо знаков слева и справа появились кружочки, числом пять с каждой стороны, полудужьями. После видения пальцы снова растопырились в судороге, и она решила больше не дерзать.

Зенобия сравнивала материк с картами и обнаружила, что расстояния только на рисунках кажутся малыми. А стоит приблизиться - нитки рек превращаются в широкие ленты. Горы, особенно те, что прямо под ней, не очень видны, зато ущелья расползаются черными пятнами, похожими на многоногих обитателей моря.

Увидела и заставу на перевале. Небольшая крепость перекрывала проход между владениями герцога Зевево и восточной стороной, где правил граф Пандухт. Вблизи обнаружилось, что снега на дороге почти нет, а есть несколько караванов. Потом взгляд скользнул вниз по склону, она уменьшила картинку, чтобы быстрее оказаться на восточной стороне. Ей нравилось рассматривать земли Пандухта - в отличие от каменистых пустошей западной стороны, глаз отдыхал на

пестром ковре зеленых долин и разноцветных крыш селений, утопающих в садах.

В одной из долин увидела много мелких, но одинаковых строений. Приблизив взгляд, Зенобия поняла, что это ряды больших шатров, между ними снуют похожие на красных букашек люди, в загородках теснятся вьюки, вдоль дороги стоят вереницы повозок, а рядом с ними лежат отесанные бревна. Одни люди в красных одеждах сидят у костров, другие толпятся у шатров.

Видение исчезло, когда в дверь постучали и принесли еду. Днем явился наставник и показал запись ее рассказа о мастере мореходных дел. Она подтвердила, что ничего не прибавлено и не убавлено.

После ужина, прежде чем заснуть, снова вызвала картинку. Пройдя взглядом по торговому тракту, обнаружила, что долина, где утром располагались шатры и люди, пуста. На западной стороне еще светло, а на востоке быстро темнело. Но вдруг словно звезды опустились вниз: одна за другой замерцали красные и желтые точки, стали ярче, и вот несколько сотен костров в правильном порядке показали, куда переместилось это скопище людей.

А утром она обнаружила, что и эта долина опустела, а люди, шатры и повозки оказались недалеко от предгорий. Зенобии стало интересно, куда они все направляются, но после того как она поела и привела себя в порядок, за ней пришли.

Зенобия уже видела эти красивые гобелены, расшитые золотыми нитями. Но сейчас ее вел сам наставник Фалин. Она снова оказалась в тронном зале, но оттуда ее отвели не вниз, в кухню, а наверх. Перед дверью, которую охраняли стражники, Фалин приказал ждать, исчез за ней, вскоре появился и поманил Зенобию пальцем.

Стены комнаты украшали картины в красивых рамках и карты. Невысокий грузный мужчина в ночном халате и домашних тапочках разглядывал огромную карту Сариссы.

Повернувшись на скрип петель, мужчина сердито уставился на Фалина.

- Причина, по которой меня подняли в такую рань, должна быть очень важной! - сердито буркнул он.

- Причина важна, высокородный, - Фалин согнулся в полупоклоне.

Зенобия вытаращила глаза. Когда она видела герцога верхом на вьюке, он казался ей высоким широкоплечим красавцем. Герцог действительно был могуч в плечах, но рост не соответствовал ширине. Рыхлая кожа и набрякшие веки говорили о возрасте больше, чем генеалогические таблицы.

- Настоятельно прошу отменить завтрашнюю охоту. Новые сведения по заговору отравителей...

- Ты же говорил, что заговор пресечен в зародыше, а злодеи наказаны, - герцог подошел к Фалину и взял его за пуговицу камзола.

- Заговор пресечен, но корни оказались глубже. Вернее, выше. Герцог прищурился.

- Опять подбираешься к моему верному Гаэтано? Будь осторожен, он не только маршал, но и сводный брат моего покойного дяди.

- От родни одно беспокойство, - ухмыльнувшись, ответил Фалин.

Расхохотавшись, герцог хлопнул наставника по плечу.

- Дай тебе волю, всех на Черный двор отправишь. Что у тебя? Опять, как прошлый раз, свидетель внезапно помер от несварения желудка?

Тут он словно впервые увидел Зенобию и удостоил ее короткого взгляда. Она стояла неподвижно, глядя на стену с большой картой.

Наставник Фалин рассказал о связях отравительницы с мастером мореходных дел, родной брат которого, как известно, состоял в браке с сестрой маршала. И, несмотря на то что она давно умерла во время родов, а брат погиб в прошлой кампании на востоке, Гаэтано покровительствует мастеру Керопу. И хотя мастер скрылся буквально за день до того, как заговор был раскрыт, вот свидетельница сношений злокозненной Нафалины с ним посредством записок и снадобий.

- Кто такая? - спросил герцог. - Почему здесь, а не...

- На случай предъявить свидетеля, раз моему слову не верят.

- Ладно, ладно, славный Фалин, - добродушно сказал герцог. - Верю каждому твоему слову, только не надо поднимать меня с ложа так рано.

- Тогда прошу отменить выезд на охоту.

- Вот еще! - удивился герцог. - Подозреваешь маршала, так поговори с ним. Только без увечий, понял. Но охота...

- Эту особу, - кивок в сторону Зенобии, - прятали двое, один из них заведомо соглядатай с востока.

- Вот ты куда повернул, - герцог надолго замолчал. - Гаэтано слишком ласков с наследником. Хочет стать регентом при молодом герцогe. Понимаю, хоть и не одобряю. Но если нити заговора тянутся к Пандухту!..

- Несчастный случай на охоте, - подняв палец, сказал Фалин, - тоже дело обычное для смены правителя.

Зенобия прислушивалась к их разговору, догадываясь, в какие жернова угодила. Но ничего не оставалось, как разглядывать карту. Не сравнить, конечно, с видениями, но тут не надо гадать, во что упирается взор. Рядом с каждым городом, крепостью или мостом находилась виньетка с мелкими четкими буквами. Если запомнить, то во время видений можно будет сверяться с ней, подумала она.

После долгого молчания герцог сказал Фалину:

- Пандухт мог рассчитывать на слабость моего сыночка. Пока надеется меня убить чужими руками, войны не начнет. Но мы станем готовиться уже сейчас, и когда он решится, встретим его на берегу Рисы. Или же сами перейдем через горы.

- Да, у нас есть еще время, - согласился Фалин.

- Нет, - сказала неожиданно для себя Зенобия. - Шатры, повозки и воины в красном уже подошли к перевалу.

Она долго гадала, что толкнуло связать видение, карту и слова герцога, а главное - вмешаться в разговор высоких особ. Наверное, Враг опекает ее и подсказывает нужные слова.

Герцог и наставник одновременно повернулись к ней.

- Она могла что-то услышать о замыслах Пандухта от похитителей, - задумался наставник.

- Граф вряд ли станет делиться планами с лазутчиками, - недоверчиво сказал герцог.

- Простым лазутчикам не доверят покушение на высокородного.

- Почему же мои разведчики не сообщили о движении войск?

- То мне неизвестно, - Фалин поджал губы и добавил: - Я занимаюсь лишь сыском, а все, что касается военных дел, в ведении маршала.

- Гаэтано до сих пор был верен мне, - нахмурился герцог. - С ним пока торопиться не будем, но глаз не спускай. А эту...

Зенобия поняла, что услышала слишком много, чтобы жить долго. Терять нечего. Подошла к карте и обвела пальцем место, где находились войска.

- Вот здесь они сейчас, - сказала она. - Вчера были здесь, - палец скользнул по линии, которая, как она надеялась, обозначала дорогу.

Герцог и наставник переглянулись.

- Кто показывал карту? - спросил наставник. - Кузнец или старик?

- Вещий сон, - пробормотала Зенобия.

- Что? Говори громче! - рявкнул герцог так страшно, что Зенобия даже присела от испуга.

- У меня был вещий сон. Две ночи подряд.

- Что скажешь? - обратился герцог к наставнику.

- Ее могли обмануть. Или подкупить. Но зачем нас дразнить?

Лицо герцога налилось кровью.

- Войска недавно вернулись с учений. Вести их в поход и не встретить врага - сеять недовольство. Ты не советуешь на охоту выезжать? Что проще засады на марше или шальной стрелы?.. Ну-ка, расскажи о снах!

Зенобия знала, что поведай она о видениях, ее отдадут благочестивым братьям, и лучше оставить голову на Черном дворе, чем подвергнуться огненному изгнанию Врага из тела.

- Во сне со мной говорил дух-покровитель города и велел предупредить высокородного герцога.

- Как выглядел дух-покровитель? - спросил наставник. - Показывал карту или ты видела войска, словно птица, парящая над ними?

- То был голос, и я словно сразу узнала о том, что надлежит сказать.

- Отчего же молчала до сих пор?

- Робела, господин. Но увидела карту, и дух воспрянул во мне.

- Воспрянул, значит?.. Что он еще поведал?

Герцог и наставник выслушали рассказ о шатрах и повозках, закидали вопросами: десятки там их или сотни, какого цвета мундиры, что за снасти на подводах? Обменялись взглядами.

- Были случаи таких снов, - сказал герцог. - Моему прадеду дух повелел сместить тогдашнего правителя. Это в хрониках записано. Но записано также; что еще два стоднева перевал непроходим.

- Дорога открыта, высокородный господин. Снег вымело ветрами.

Герцог нахмурился, подошел к карте.

- Сейчас посоветоваться бы с маршалом, - сказал он. - Но, Фалин, ты вызвал сомнения. Поднимем третью и четвертую гвардии и пойдем налегке двойными переходами, тогда успеем встретить их у моста через Рису. Это плохо. Но если они перейдут реку, то будет хуже.

- Фуража не хватит, - покачал головой Фалин.

- Ничего, фуражиров вдогонку пошлем.

- Тогда объявим войску, что это учение.

- Выход к реке Пандухт может счесть объявлением войны.

- Да и Враг на его голову! - вскричал герцог. - Пусть думает, что хочет, все равно воевать. Пойдем на восток. Будет знать, как на меня покушаться!

- Прошу передать командование другому, а собой не рисковать.

- Верный друг, - растроганно сказал герцог. - Без меня войско начнет роптать. А со мной пойдет куда угодно. Не встретим противника, перейдем через горы, закрепимся на той стороне, а там посмотрим. Эту сновидицу держи у себя под крепкой охраной. Пусть с ней поговорит брат Навассар, но чтоб без рвения. Вдруг... Об этом позже. На время похода назначаешься моими голосом и рукой. Маршалу предоставляется отдых по причине... сам придумай причину. Если не вернусь, станешь регентом при наследнике.

Обратно Зенобию вели, плотно обступив, чтобы телами защитить от нападения. В комнате она прямо в башмаках упала на широкую кровать и, улыбаясь, долго смотрела на цветастый полог. «Что-то должно измениться», - шептала она.

Кавалеры внесли ширму, установили перед диванчиком и попросили не выходить, пока здесь приберутся. Один из них обнажил шпагу и встал перед ширмой. Сквозь щель в створках Зенобия увидела, как слуги внесли большую медную лохань, потом появилась бадья, от которой поднимался пар, затем в комнату вошли две служанки под присмотром кавалеров, одна наполнила лохань водой, другая разложила на кровати платья, стопку простыней и полотенец. Кавалер деликатно кашлянул и вышел из комнаты. Скинув лохмотья, Зенобия осторожно погрузилась в теплую воду и закрыла глаза. Жизнь

действительно меняется, подумала она, даже если ее осталось немного.

Брат Навассар явился вечером того же дня. О нем в городе судачили едва ли не с большей опаской, чем о Фалине. Брат Навассар был личным хранителем герцога от происков Врага. Зенобия представляла его высоким хмурым мужчиной, который насквозь видит сущность человека и куда направится эта сущность после смерти: вверх - в огонь и муки, или вниз - в прохладу и покой.

Он оказался невысоким, гладко выбритым, с улыбкой, не сходящей с круглого лица.

Пока Зенобия робко жалась к стене, брат Навассар плеснул вина и пригубил.

- А ты почему стоишь, сестра? Садись, поговори со мной.

Зенобия присела на край стула. Брат Навассар спросил, когда в последний раз она ходила к сокровенной беседе в ближайшее устройство? Слово за слово, он узнал о ее жизни на маяке. О том, как осталась одна, о суетной тетке и о том, как страшно было сидеть в заточении у неведомых злодеев в амбаре, а еще страшнее - в узилище замка. Благодетельный брат сочувственно кивал головой и за весь вечер ни разу не заговорил о духе-покровителе.

После того как он пожелал добрых снов и ушел, Зенобия долго сидела за пустым кубком, собирая разбегающиеся мысли. Брат Навассар оказался нестрашным человеком, решила она. Может, рассказать ему о видениях, о происках Врага?

Утром, открыв глаза, она обнаружила, что Навассар стоит над кроватью и пристально смотрит на нее. Вздогнув, Зенобия хотела было нырнуть под покрывало, но он строго поднял палец, и она замерла.

- Слышишь пение труб? - грозно спросил Навассар.

Сквозь толстые стены доносились резкие протяжные звуки.

- Это мой высокородный покровитель выступает в поход, - сказал он. - Пока не поздно вернуть его назад. Герцог великодушен, а если ты была введена в обман Врагом, я помогу тебе избежать страшной участи! Понимаешь, что говорю, ничтожная! Покажи руки!

С этими словами он сдернул с нее покрывало, с неудовольствием оглядел ее тело и кинул съезжившейся Зенобии платье.

- Прикрой срам и вставай!

Пока она одевалась, он смахнул со стола остатки вчерашнего ужина и принялся медленно извлекать из кожаного баула почерневшие от огня и ржавые от крови инструменты - длинные и короткие, изогнутые и прямые. Среди них были крючья большие и малые, зажимы винтовые и пружинные, воронки кожаные и деревянные, а также ремни с вшитыми в них иглами... Зенобия так и застыла, одну руку успев

продеть в рукав, а второй держась за воротник. Наконец, брат достал небольшую книгу в черном переплете, удовлетворенно хмыкнул, принялся убирать свое добро в баул. Извлек из складок одеяния грифель и развалился на стуле.

- Отвечать на вопросы сразу и не раздумывая, - сказал он Зенобии, которая уже пришла в себя и оделась. - Честные ответы и никакого лукавства! Иначе... - он пнул кожаный баул.

Баул глухо брякнул, и Зенобия услышала треск догорающих углей и крики зевак, которым не досталась берцовая кость, приносящая удачу.

Брат Навассар задавал те же вопросы, что и вчера, при этом уставившись на ее пальцы. Приступил с вопросами и о духе-покровителе. Зенобия тупо повторяла одно и то же. Голос во сне предупредил о неприятеле. Станных предметов ей никто не давал. Шатров не видела, голос был мужской, никогда не встречала людей, которые общались с Врагом, два раза дух-покровитель говорил одно и то же...

Навассар вдруг захлопнул книжицу и добродушно сказал:

- Что ж, не вижу в тебе следов Врага. Если, конечно, не владеешь искусством лицедейства. Тело твое чисто воздержанием, а руки свободны от корч и других напастей. Завтра продолжим беседу.

Поднялся, взял баул и ласково кивнул Зенобии. Она присела в полупоклоне, а когда он вышел, ее губы невольно поползли в разные стороны. Брату Навассару наверняка не понравилась бы эта улыбка.

После обеденной трапезы Зенобия прилегла за ширмой. Войско Пандухта нашла быстро - отряды один за другим вползали в ущелье, повозки следовали за ними. Воинство герцога Звево обнаружила с трудом. Заметила его лагерь на опушке леса, и то благодаря дымам от походных костров. Вот если бы карту... На миг пальцы свело судорогой, опять появилась зеленая сетка, а изображение поблекло: сквозь него проступили синие линии, в которых узнала очертания берегов, красные извилистые оказались реками, мелкие черные кружочки - городами и селениями, а еле заметные большие розовые пятна - лесами. Стоило пожелать, и вернулась прежняя картинка.

Вскоре это ей наскучило. Попробовала направить взгляд за линии океана, к торговому архипелагу Кносс, но и в этот раз ничего не получилось. Подзорная труба небесного ока, в которую превращалась ее сущность, словно висела на одном месте и не могла сдвинуться. При мысли о сдвиге появились кружочки, а руки заныли. Будь она здесь телесно, могла бы приложить пальцы к этим кружочкам. От догадки стало немного не по себе, мысль показалась чужой, словно Враг вложил ее в голову. Но ничего плохого не случится, возникла другая мысль, если осмотреться по сторонам.

Все как в первый раз - тьма, острые иглы звезд и какие-то блики

высоко над Сариссой. Око повернулось в ту сторону, и Зенобия увидела непонятные предметы, еле заметные в солнечном свете. Приблизив взгляд, поначалу решила, что это бревна, плывущие по морю тьмы. Но по мере приближения они стали подобны башням разрушенного города. Вблизи некоторые обломки можно было принять за колонны, другие - за куски колонн, а рядом с ними на невидимых нитях висели обломки еще мельче, ни на что не похожие. Отдалив око, разглядела сквозь нагромождения небесных руин большое длинное тело, похожее на огромную рыбу с множеством плавников. От рыбы веяло мертвенной безнадежностью, и Зенобия быстро перевела взгляд вниз, порадовавшись, что Сарисса оказалась на своем месте.

Брат Навассар зачастил к ней. Читал предписания из книг благочестивых братьев древности, поясняя, чем отличаются благотворные голоса от прельщающих видений, порой как бы случайно переспрашивал о словах духа-покровителя, пытаясь поймать на лжи.

В середине рассказа об истреблении ереси и еретиков, уверявших в своем безумии, что обитатели Сариссы - суть потомки людей, приведенных в древние времена с небес, вошел наставник Фалин.

- Вижу, ты здесь неплохо обжилась, - кисло сказал он.

- Я возьму на себя хлопоты по препровождению сестры в устройство, что близ площади Доблестных Побед, - сказал брат Навассар.

Фалин прищурился и с вежливой улыбкой отклонил великодушное предложение благочестивого брата. Он пришел узнать о нуждах гостыи, а заодно: не сообщил что-либо о герцоге дух-покровитель?

- Силы земные - это не депеш-кавалеры, - заметил брат Навассар. - А в устройении общению с ними самое место.

- Благочестивый брат, возможно, запомнил, что сия особа здесь находится по делу о заговоре отравителей, - тихо сказал наставник Фалин. - И с духом-покровителем не все еще ясно.

Навассар резво вскочил и, что-то шепча Фалину, повел его к выходу. У Зенобии пропал аппетит. Судьба опять на переломе. Попробовала вызвать карту и, когда она замерцала разноцветными линиями, быстро нашла изгибающуюся полоску Рисы. Пожелала, чтобы карта исчезла, и, приблизив изображение, двинулась по течению реки. Обнаружила мост - светлая линия пересекала черную водную гладь. «Ближе, еще ближе», - шептала Зенобия. В середине моста - большая прореха, на западном берегу - синие походные шатры герцога Звево, а на восточном берегу пусто. Неужели Враг обманул? Но уменьшив картинку, она заметила, вереница повозок медленно ползет по дороге к горам. Так и есть: войско Пандухта растянулось по тракту. Увидела дымящиеся руины заставы на перевале. В воинском деле она не разбиралась, но поняла, что сражения не было. Нет мертвых тел, и шатры не спалили горящими стрелами. У моста суетились люди.

Тащили со стороны леса бревна, копали ямы, возились у больших камней, торчавших из воды.

Зенобия вернулась в комнату. Уставилась немигающим взором в ширму. Вздохнула. До сих пор ее несло, как щепку по мутной воде. Пора прибиваться к берегу.

3.

Дверь в прихожую оказалась незапертой. Набрав воздуха, Зенобия потребовала, чтобы к ней немедленно привели наставника Фалина. Кавалеры вытаращили глаза.

- Вот так взять и привести? - давясь от смеха, спросил кавалер.

- Может, пинками поторопить? - сказал другой.

Кавалеры громко расхохотались, но тут распахнулась дверь кабинета, и наставник недовольно спросил, почему его беспокоят.

Увидев Зенобию, подозвал ее. Провел в кабинет, велел секретарю выйти и затворить дверь. И только тогда поинтересовался, что заставило ее покинуть гостевой покой?

Зенобия пробормотала: дух-покровитель только что поведал о стоянии войск герцога у разобранного моста, и о том, что неприятель отступает.

Наставник Фалин слушал, недоверчиво поджав губы, но узнав, что мост разобран, ведутся земляные работы и рубят деревья, оживился.

- Ставит укрепление. Это хорошо. А что с заставой на перевале?

- Заставы нет, - сказала Зенобия. - Но никто не перешел реку.

- Значит, сражения не было. Неплохо. Если, конечно, это правда.

Взгляд его был подобен взгляду менялы, который принимает обрезанные монеты и среди них находит полную.

- Подождем вестей, - решил Фалин. - Два-три дня ничего не изменят, я надеюсь. Если дух вновь посетит тебя, просто вызови охрану звонком. Дернешь шнур у изголовья, - пояснил он, заметив ее недоумение.

Вернувшись в комнату, Зенобия сплела пальцы и села на диван. Придется ждать два или три дня, когда решится ее судьба.

Но не потребовалось и одного. К вечеру пришел наставник Фалин, а за ним и брат Навассар. Наставник выглядел довольным, а благочестивый брат расстроенным. Он упрекнул Зенобию в суетной поспешности и велел впредь сообщать ему первому вести от духа-покровителя, дабы отделять воинские дела от дел благочестия.

Наставник Фалин криво улыбнулся и сказал Навассару, что в служении герцогу каждому есть место и разделять их не след.

Зенобия поняла, что их перепалка нарочита. От герцога явно прибыл гонец, и слова ее оказались истинными.

Разговор не нравился Зенобии. На нее обращали внимания не

больше, чем на мебель. И поэтому она дерзко вмешалась в разговор:

- Дух-покровитель обещал помощь и защиту. Когда сочтет нужным.

Она ждала окрика или презрительного взгляда, но наставник Фалин лишь задумчиво огладил усы, а брат Навассар потер лицо ладонями.

- Подождем возвращения герцога, - сказал наконец Навассар. - Пока же не будем беспокоить... э-э-э... Даму Защитницу.

С этими словами поклонился ей и вышел из комнаты. Наставник Фалин проводил его острым взглядом и последовал за ним.

Герцога Зевево ждали на этом пятидневье, но вернулась лишь часть войска, сам же герцог остался на границе. В сторону Рисы потянулись караваны со снаряжением и оружием, в городе начали вербовать мастеровых: герцог решил поставить у моста крепость, потому и задержался, чтобы меньше воровали.

Все это Зенобия узнала от наставника Фалина и брата Навассара. Они появлялись вместе, трапезничали, почти не разговаривая с ней, беседуя друг с другом. Наставник рассказывал о событиях в городе, о выявленных злодеях. Зенобия внимательно слушала, постепенно разбираясь в тонкостях кавалерской службы. Она поразилась, узнав, как легко держать простых или знатных людей в услужении подкупом или позорными тайнами. Навассар все больше говорил о деяниях благочестивых братьев. Когда он снова коснулся ересей, Зенобия вспомнила его слова об истреблении людей, полагавших, что обитатели Сариссы пришли с неба. Она спросила, как можно верить в это, когда всем известно, что чем выше в горах, тем холоднее, и кровь застывает в жилах, а чем ниже, тем благодатнее и теплее земля.

- Чего только не придумает разум, пораженный Врагом, - назидательно ответил брат Навассар. - Веротерпимость наша всем известна. Но есть пределы. В давние годы с торгового архипелага прибыло судно с переселенцами. Морские невзгоды повредили их разум, ибо они поклонялись не силам, а человеку, который был умерщвлен на кресте, а потом ожил. Мало того, они уверяли доверчивых селян, давших им приют, что предки их, а значит, и наши, появились со звезд. Поначалу над ними смеялись, но терпели, потому что среди них было много искусных мастеров, врачей и рудознатцев. Но они стали собирать предметы Врага, терпение великого брата Кемада преисполнилось, и еретики были посрамлены.

- Однако Пандухт привечает их потомков, - заметил наставник Фалин.

- Среди мастеров воинского снаряжения немало еретиков.

- Ну, и очень они ему помогли?! - воскликнул Навассар. - Отвага и предусмотрительность герцога замыслы Пандухта обратили в прах!

Прислушиваясь к разговорам кавалеров сквозь приоткрытую дверь, Зенобия многое узнала о жизни при дворе. Узнала о наследнике и

маршале Гаэтано, которого так и не уличили в измене. О бывшей супруге герцога, что была препровождена в далекое устроение из-за чрезмерного увлечения юным пажом, которым, в свою очередь, увлекся герцог. Кто-то рассказал, что многие придворные неплохо заплатили бы, чтобы поговорить с Дамой Защитницей наедине. Другой потребовал пресекать такие разговоры, ведь в городе уже поговаривают о явлении спасительной Защитницы, а там недолго и до волнений.

Видела бы тетка, как высоко поднялась ее племянница, подумала Зенобия. Но радости особой не испытала.

Однажды, выпив неразбавленного вина, она уставилась на вошедшего вместе со служанкой кавалера таким откровенным взглядом, что тот вздрогнул и быстро удалился. Брат Навассар на следующий день мягко заметил, что избранная духом должна блюсти свою плоть в неприкосновенности.

Шум и суматоха в замке, пение труб и грохот литавр возвестили о прибытии герцога. Утром ее разбудил осторожный стук в дверь. Снова появились большая лохань, горячая вода и кувшин с ароматическим мылом. Принесли новое платье с таким количеством завязок, петель и пуговиц, что только с помощью служанки удалось облачиться в него.

Когда была застегнута последняя пуговица и затянут последний шнурок, в комнату вошли четыре кавалера и, отсалютовав шпагами, встали по двое у двери. Появился наставник Фалин в парадном камзоле и при всех регалиях. Протянул Зенобии руку и вывел в прихожую. Там, у двери, четверо благочестивых братьев тоже стояли по двое на каждой стороне, а между ними брат Навассар в лилейно-белом одеянии. Он взял ее за другую руку, и они медленно пошли по коридорам.

Проходя через внутренние покои, она скосила глаза на большие гобелены с изображениями красиво одетых людей на охоте и в сражениях. Теперь она одета не хуже, и не замарашку ведут, нет, не замарашку.

Войдя в зал, кавалеры и братья выстроились друг против друга, и Зенобию провели сквозь этот живой коридор к герцогу Звево.

Герцог восседал на троне. Рядом на невысокой скамье сидел наследник Гугон - худощавый юноша, непохожий на своего отца. Наследник тоскливо рассматривал свои ногти, происходящее явно не интересовало его. Зато высокий чернобородый мужчина за его спиной впился глазами в Зенобию. Она догадалась, что это маршал Гаэтано, о котором с неприязнью говорил Фалин.

Ее медленно подвели к трону, наставник шепнул, чтобы она преклонила колени. Герцог встал с трона и соблаговолил помочь ей подняться. Приближенные зашумели, удивление сменилось завистью.

- Объявляю сию особу Дамой Защитницей, услуги которой неоценимы ныне, и на них мы рассчитываем впредь. Жалую ее чином камер-дамы, личными покоем и охраной.

На лице наследника появилась кривая улыбка.

- Раньше, господин отец мой, вы с большим вкусом выбирали фавориток, - тихо сказал он.

Лица придворных окаменели. Герцог косо посмотрел на сына, хмыкнул, сделал знак мажордому, который объявил прием оконченным. У трона остались Зенобия, наставник и брат Навассар.

- Итак, к чему мы пришли? - спросил Зево.

- Она не знала о связях Нафалины. А вот мастера мореходных дел нашли мертвым. По словам местных жителей, его ограбили и убили разбойники, - сказал Фалин.

- Газтано никуда не денется, - герцог бросил взгляд в сторону колонны, где вокруг наследника толпилась группа придворных. - Что скажет ревнитель благочестия?

- Отметин Врага не замечено, - сказал брат Навассар. - Если дух не оставит ее, пользы будет много. Под мудрой опекой, разумеется.

- Замок покидать ей нельзя, - твердо сказал наставник. - Здесь она всегда под рукой. Кто знает, о чем завтра дух предупредит.

- Разумно, - согласился герцог. - Пусть в твоих покоях и остается.

Обратно Зенобию сопровождали два кавалера. Прислуга кланялась низко, знатные господа удостаивали кивком. Слухи о милости герцога разлетелись по всему замку. Вернувшись в комнату, Зенобия увидела, что старые стулья заменили на кресла, дверь в отхожую комнатку занавесили портьерой. Она уселась с бокалом в руке в кресло и задумалась. Такие почести не каждому выпадают. О чем еще мечтать дочери смотрителя маяка? Пришла наконец удача, говорила она себе. Но медленно взбухала досада, словно у вьюка перед носом повертели пучком сочной травы, а накормили сухой соломой.

Стоднев прошел, за ним другой, ветры становились сильнее. Почти все суда с трюмами, набитыми пряностями, вернулись с торгового архипелага. Парусники шли хитрыми зигзагами, время от времени оставляя за собой масляный след, чей радужный отблеск выдавал местонахождение мореходов. Скука разъедала Зенобию. Фалин и брат Навассар бывали у нее часто, но они приходили, чтобы обсудить свои дела и плести интриги. Интересовались, не было ли общений с духом, и тут же забывали о ее присутствии. Впрочем, их разговоры, а особенно перепалка, позволяли разобраться в хитрых ходах дворцовых интриг. Но вскоре и это стало раздражать - за стенами комнаты жизнь бурлила, а она пребывала в почетном заточении.

Герцог в третий раз собирался обзавестись женой, но не знал, выбрать зрелую вдову барона Деперо или юную дочь графа Линвика.

Поместья вдовы славились урожайными полями; кроме того, она владела серебряным рудником. Дочь графа не унаследовала большого состояния, но славилась красотой и добрым нравом. Казна герцога после славного похода на восток и строительства крепости была истощена, поэтому он склонялся к вдове. Да и новый замок в предгорьях надо достроить. Гаэтано же, по слухам, вел тайные переговоры с опекунами дочери Линвика, предназначая ее наследнику. А старшему Зевево не хотелось, чтобы сыну досталась юная красавица, и его подзуживали наставник и брат Навассар, боясь усиления маршала.

В один из дней наставник спросил, нет ли возможности узнать у духа-покровителя, кого следует предпочесть в жены герцогу?

Зенобия растерялась. Брат Навассар строго сказал:

- Дух, несомненно, избрет Ильзе, дочь благородного Линвика.

- Воля духа мне не ведома, - скромно ответила Зенобия. - Но если взглянуть на ту или иную особу, вдруг поможет.

Наставник и благочестивый брат переглянулись.

- Они еще не вызваны ко двору, - сказал наставник. - А решение должно быть принято на малом совете завтра.

- Есть искусно нарисованные портреты, - задумался Навассар. - Сейчас распоряжусь.

Вечером в комнату внесли два поясных портрета. Зенобия попросила времени до утра, ибо дух обращается к ней ночью. Когда ее оставили одну, она долго всматривалась в картины. На одной была изображена немолодая женщина. Приятное лицо и умные глаза делают ее привлекательной, решила Зенобия. На второй портрет глянула мельком: белое чистое лицо, высокая шея, пышные светлые волосы и лучистые глаза расточали обаяние молодости, вызвав у Зенобии неприятное чувство, которому она сама удивилась, но преодолеть не смогла.

Она пыталась рассуждать здраво. Все говорило о том, что лучшей невестой была бы Ильзе. Молода, неопытна, пока войдет в силу, ее покровители, Фалин и Навассар, будут наиболее могущественными приближенными герцога. Да и раздор между отцом и сыном из-за этого сватовства тоже им на руку. Но раздражение вспыхивало в ней и путало мысли, когда взгляд случайно падал на лицо Ильзе.

Утром, завершив трапезу, еще раз обдумала свое решение и дождалась появления Фалина и Навассара.

- Я слышала голос духа-покровителя, - монотонно заговорила она, опустив глаза к полу, словно обращаясь к земным силам. - Он требует, чтобы я встретилась с герцогом. Тогда сообщит имя избранницы.

Наставник выругался.

- Не нам перечить духу, - сказал Навассар. - Возможно, дух не желает смущать ее подробностями брачных дел.

- Вечером малый совет, - хрипло сказал Фалин. - Если не успеем...

- Так поспешим же! - воскликнул благочестивый брат, и они вышли из комнаты, даже не кивнув на прощание.

В тот же вечер ее призвали к герцогу. Один из кавалеров накинул на плечи плащ с капюшоном, скрывая ее лицо от чужих взглядов. Тайная палата малого совета располагалась над тронным залом, к ней вела винтовая лестница. У двери ждал наставник Фалин. Он отослал кавалеров и провел ее по узкому коридору за поворот. Спросил, не назвал ли еще дух имя, насупился и, приподняв гобелен, велел следовать за ним.

В маленькой комнате, тускло освещенной единственным светильником и обитой коврами, ждал брат Навассар. Он припал лбом к стене, словно не мог устоять на ногах. Когда обернулся к ним, Зенобия увидела небольшую дыру в стене. Навассар глянул на Фалина, тот еле заметно качнул головой.

- Они уже собрались, - прошептал Навассар. - Ждут нас и герцога.

Шелест гобелена - и появился Звево.

- Итак, - тихо спросил он, - кого дух считает достойной?

Зенобия прикрыла ладонью глаза и, вздохнув, пробормотала:

- Зрелая невеста для зрелого мужа, зрелая невеста для зрелого мужа.

Открыв глаза, увидела мрачное лицо герцога. На брата Навассара и наставника лучше было не смотреть. Герцог пробормотал что-то насчет перемудривших мудрецов и вышел. За ним последовали Фалин и Навассар. Зенобия подошла к смотровому отверстию.

Небольшой круглый зал, стулья, расставленные без всякого порядка, и люди, стоящие по двое и по трое и о чем-то говорящие друг с другом. Голосов не было слышно, а из знакомых лиц Зенобия увидела только наследника Гугона, кусавшего ногти, и маршала Гаэтано, склонившегося к его уху.

В зал вошли наставник и благочестивый брат, а чуть погодя появился герцог. Оглядел собравшихся, что-то коротко сказал и покинул зал. На лице наследника появилась восторженная улыбка, но маршал предостерегающе поднял брови, и Гугон сжал губы.

О Зенобии вспомнили, когда она решила, что в этой комнатке ей придется коротать всю ночь. За ней вернулся наставник Фалин. Молча довел до тронного зала, а там передал кавалерам личной охраны.

Следующий день она провела в одиночестве. Служанка прошептала, что все словно с ума сошли. Двор собирается на большой выезд, сватать герцога, а знатные господа чуть не передрались, кому за кем ехать. Все злые, под руку попадешь - с синяками останешься. Не проще вызвать невесту ко двору? Да как же проще, удивилась служанка, герцог наш ведь не только жену берет, но и все имение покойного барона прибирает. Всех управляющих сменит, гарнизон

поставит, а места там богатые, вот господа и суетятся.

Зенобия сцепила пальцы. Она может парить над миром в высоте, не доступной никому, но вынуждена утешать себя вином в одиночестве. Одержала маленькую победу, заставила герцога выбрать не ту, которую он хотел. Но осталась в заточении. Когда-нибудь Фалин и Навассар решат, что можно обойтись и без духа-покровителя, препятствующего их замыслам. Мигнет любой из них, от нее и следа не останется.

Еще день прошел, и еще. Потом заныли трубы, ударили и смолкли барабаны - большой брачный караван двинулся в путь. Зенобия быстро нашла город и смотрела, как торжественно выезжают из замка кавалеры на вьюках, украшенных попонами, медленно движется вереница карет, а сзади тащатся повозки со снедью, вином, разобранными шатрами и прочими нужными для двора на выезде вещами. Две кареты сцепились осями, и одна чуть не опрокинулась в ров. Это зрелище немного развеселило Зенобию. Проводила караван через весь город и еще недолго по дороге к южным землям, но больше ничего забавного не было.

А вечером явились неожиданные гости.

Шум и крики в приемной насторожили Зенобию. Дверь распахнулась, и, к своему великому удивлению, она увидела маршала Гаэтано. За его спиной гвардейцы обступили дежурного кавалера и, придерживая за руки, не позволяли обнажить шпагу.

- Досточтимая госпожа, - маршал изящно поклонился. - Не изволите почтить краткой беседой?

- Изволю, - только и сказала Зенобия.

Маршал расположился в кресле, оставив дверь открытой. Плеснул вина, отпил глоток и сморщился.

- Неужели для тебя не нашлось лучшего напитка, чем это пойло?

Он подозвал гвардейца и велел принести бутылку из погребца.

Кавалер в приемной устал изрыгать угрозы и замолчал. Два гвардейца усадили его на табурет, чтобы он видел Зенобию и маршала, и встали рядом.

- Когда наш господин вернется, - сказал маршал, - я сообщу ему, что твои заслуги перед ним стоят больше, чем эта конура.

Зенобия молчала, опустив глаза.

Появился гвардеец с бутылкой вина. Маршал сам откупорил ее, понюхал пробку и одобрительно кивнул. Наполнил до половины один из чистых бокалов и, смакуя, выпил. Протянул бутылку гвардейцу; тот, не прикасаясь губами к горлышку, сделал большой глоток и с сожалением вернул маршалу. Гаэтано взял бокал Зенобии и плеснул немного.

Вино оказалось превосходным, Зенобия осушила бокал до дна.

Маршал тут же наполнил его снова.

- Наш бдительный наставник порой невыносимо бдителен, не так ли? - сказал он, усмехаясь. - Но в винах он решительно не разбирается, как и брат Навассар. Кстати, ты умеешь ездить на вьюке под седлом?

Вскоре Зенобия обнаружила, что весело болтает с могущественным вельможей и военачальником о всяких пустяках. Разговор перелетал с одного на другое, а главное - маршал разговаривал именно с ней. В беседе Гаэтано заметил, что хоть наследник Гугон порой бывает не вполне учтив, на самом деле он весьма благовоспитанный юноша и был бы рад засвидетельствовать ей свое уважение.

- Однако я больше не буду отвлекать досточтимую от высоких раздумий, - вдруг сказал маршал, резко поднялся, улыбнулся и упругой походкой вышел, закрыв за собой дверь.

Спустя некоторое время дежурный кавалер осторожно заглянул в комнату. Убедившись, что с ней ничего худого не случилось, облегченно вздохнул.

Через день маршал снова появился с гвардейцами и привел гостей - наследника и двух придворных дам. Дежурный кавалер даже не пытался их остановить. Гвардейцы внесли большую корзину с фруктами, вином и сладостями и устроились в приемной играть в кости. Дежурный кавалер присоединился к ним. Дамы сервировали стол, маршал ласково щипал их за сочные выступы, а Гугон сдавленным голосом благодарил Зенобию за верный совет, который она дала герцогу.

Она же с завистью наблюдала, как Гаэтано заигрывает с дамами, мешая им расставить тарелки и бокалы.

Выпив немного вина, Зенобия повеселела. И когда одна из дам пожаловалась на сыпь в стыдном месте, Зенобия, вспомнив тетнины наставления, посоветовала растереть масличные ягоды с белой глиной и втирать перед сном. Гаэтано рассмеялся и спросил, не знает ли она средство для укрепления мужской силы? Тут начали смеяться дамы, говоря, что такому дамскому угоднику, как маршал, ни к чему себя взбадривать, ибо его сила известна многим несчастным, коим он разбил сердца. Зенобия охотно поверила им: Гаэтано действительно был статным мужчиной, и если бы ей довелось запустить пальцы в густую черную шевелюру...

Гости принялись играть в длинные и короткие палочки. Зенобия не знала правил и отказалась играть, а маршал вытащил три короткие подряд и выбыл, проиграв все ставки. За игрой Гугон преобразился: молчаливый юнец превратился в повесу, громко отпускал двусмысленные комплименты, азартно торговался за прикрытую палочку, радостно хлопал себя по коленям, если выигрывал, и барабанил по столу пальцами, проигрывая. Дамы же, наоборот, играли осторожно, цепко, до последнего не показывая зажатые в кулаки

палочки.

- Приятно наблюдать, как молодежь резвится, - доверительно сказал маршал, склонив голову к Зенобии. - Тебе стоит научиться игре, - продолжал он. - Я сам займусь этим, - маршал многообещающе улыбнулся. - Через несколько дней. А пока Зевево еще сомневается во мне, самое время привести в порядок дела в имении. Мой управляющий должен пополнить запасы пряностей, цены быстро растут. Торговли с Кноссом теперь долго не будет.

Зенобии хотелось поддержать разговор, но она не знала, о чем уместно говорить с вельможным господином. Слова о Кноссе напомнили о торговом караване недалеко от Сариссы. Прошлой ночью она разглядывала маяк, на котором провела столько лет, и обнаружила, что он еще стоит. Взгляд скользнул по океану на запад, и она увидела парусники, идущие к портовым городам.

- Скоро придут последние суда, - сказала Зенобия.

Увидела, как расширились глаза маршала, быстро добавила:

- Или не придут.

Гаэтано шепотом спросил:

- Можно ли надеяться на добрые вести из Кносса?

Его черные глаза обволакивали Зенобию, крепкая рука легла на ее колено, и помимо своей воли она кивнула.

Маршал вскочил и сказал, что дела зовут, пора заканчивать игру. Подмигнул как равной и сказал, что скоро навестит ее.

Прошло несколько дней, но, к ее разочарованию, Гаэтано не приходил. Разыгравшееся воображение рисовало сцены, в которых маршал неоднократно выказывал себя неотразимым соблазнителем. Но взглянув в зеркало, она мгновенно трезвела. У последней служанки во дворе мордашка смазливее, чем ее унылое лицо.

Но через пятиднев маршал все же явился. Без наследника и придворных дам, даже без гвардейцев. Его сопровождал пожилой мужчина с большой шкатулкой в руках. Дежурный кавалер, пряча нечто в рукаве, робко спросил, не угодно ли вина, а затем прикрыл дверь, хотя при гостях она всегда была открытой.

- Это славный Кирч - управляющий моим имением. Большой знаток прибылей и убытков, - сказал маршал.

Кирч открыл шкатулку, извлек три плотно набитых мешочка и выложил две стопки монет.

- Благодаря твоему своевременному прозрению, - сказал Гаэтано, - Кирч вовремя сбыл запас пряностей по высшей цене. А когда пришли суда из Кносса и цены упали, скупил в три раза больше, чем продал. Через пару дней цены вновь возросли. Продал избыток, и вот твоя справедливая доля от прибыли - три сотни и еще два десятка золотых.

Однажды Зенобии довелось увидеть потертую золотую монету - тетка

заработала ее за деликатную услугу одной знатной госпоже. Нафалина сказала тогда: за десяток таких монет смогла бы купить неплохое жилье в городе.

- Ты можешь оставить их у себя, - маршал обвел глазами комнату и поморщился. - Но это ненадежное место.

- Если мне дозволено молвить, - сказал Кирч, - то я бы посоветовал вложить их в землю. Купить небольшое имение поближе к горам, пока цены еще приемлемые. Со временем они вырастут...

Он начал объяснять, как через подставное лицо можно приобрести выморочное имение. Развернул карту с разметкой земли, которую предлагал купить. На другом листе нарисованы строения: двухэтажный каменный дом с островерхой крышей и две небольшие пристройки. Для слуг, пояснил Кирч. Показал купчую, которую осталось подписать, и готовый договор о доверительном управлении, каковое она вверяла Кирчу.

Недолго думая, Зенобия подписала все бумаги. Кирч сразу же спрятал их в шкатулку, куда последовали и мешочки с золотом.

- Осталось более ста золотых, которые, с вашего позволения, я пушу в рост, - сказал Кирч. - Прибыль небольшая, но через три стоднева можно удвоить сумму и построить новый дом.

Зенобия промолчала. Неожиданное богатство радовало. Но она не может его потратить. Земля, имение? Почему бы и нет! Будет, где коротать одинокую старость, грустно подумала она.

Но когда двор вернулся в замок, и к ней ворвался наставник Фалин, требуя объяснений, она решила, что до старости не доживет.

4.

Наставник Фалин топал ногами и кричал:

- Что ты о себе возомнила? Как посмела общаться с изменником?!

- Кто изменник? - спросила она, притворяясь тупой простолюдинкой. - Неужели наследник Гугон? Вот беда-то!

Наставник медленно выдохнул и сказал:

- Маршал Гаэтано - коварный злодей! Он мог дважды отравить тебя. Выпьет отравленного вина, а сам примет противоядие. Есть медленные яды, уж ты наверняка это знаешь!

Зенобия всплеснула руками.

- О, что делать, - запричитала она. - Спасите меня, добрый господин!

Фалин уселся в кресло, закинул ногу на ногу, усмехнулся.

- Ничего не утаивая, вспомни, о чем маршал говорил с тобой и наследником. Тогда и решим, как быть.

Прижав руки к груди для большей убедительности, Зенобия срывающимся голосом рассказала о неожиданном визите маршала, о

пустых разговорах, которые он вел, о том, что он притащил наследника и двух дам играть в неизвестную ей игру. Когда дошла до вести о торговых судах, замялась, но мгновенно сообразила, что большая торговая сделка не осталась незамеченной.

Наставник Фалин скривился, будто хлебнул прокисшего вина.

- Откуда узнала о караване? - спросил он. - Уж не дух ли поведал?

- Н-не дух, - запинаясь ответила Зенобия. - Я просто так сказала.

- Да с какой стати? - вскричал наставник.

- Чтоб поддержать разговор, - простодушно ответила она.

Наставник схватился за голову.

- Силы земные! - воскликнул он. - Проклятому изменнику везет, словно он продал свою сущность Врагу. Ты, глупая, не подозреваешь, как обогатила его.

Зенобия поняла, что всеведущий наставник не знает о визите Кирча. Значит, дежурному кавалеру достаточно перепало от щедрот маршала.

Вошел брат Навассар, и наставник поведал ему, какую сделку провернул их недруг. Оказалось, что он распорядился не только своими запасами, но и запустил руку в воинские и дворцовые склады. Если бы суда пришли чуть позднее, то сейчас разоренный Гаэтано сидел бы в узилище за хищение и растрату. Наставник улыбнулся. Наверное, ему привиделась голова маршала, переброшенная через стену Черного двора в назидание гвардейцам.

Впрочем, настроение его снова испортилось: брат Навассар сообщил, что герцог созывает малый совет, и есть подозрение, что Гаэтано что-то готовит. И, как всегда не попрощавшись в ней, они покинули комнату.

Зенобия немного порадовалась еще одной маленькой победе. Тяжелый разговор утомил ее, она задремала, и вот под ней снова вытянулась Сарисса. Привычно найдя город, она мельком оглядела улицы, задержала взгляд на дыме, поднимающемся над жилищами бедняков у городской стены - там часто случались пожары. Всё как всегда: мелкий люд копошился внизу, живя своей жизнью, в то время как она изнывает от скуки. Уменьшив картинку, переместила взгляд на восток. Но и там ничего интересно.

Если бы переместить свою сущность, посмотреть на торговый архипелаг Кносс... Снова знакомая светящаяся сетка и кружочки, расположенные полудугами. Она мысленно примерилась к ним - растопыренными пальцами можно накрыть все десять. Кружочки мерцали и налились зеленым светом. Руки как бы раздвоились: одни остались при ней, а другие, невидимые, но вполне осязаемые, появились там, наверху, и она могла ими шевелить. Прикоснулась к одному кружку, второму... В ответ на прикосновения возникло светящееся оконце, а в нем - нечто, похожее на карту океана и суши, только в виде шара, полупрозрачного, как надутый рыбий пузырь.

Видны очертания океана и суши, а сквозь него просвечивают скопления островов Кносского архипелага, догадалась Зенобия.

Она разглядела множество красных и зеленых треугольников, которые неподвижно висели над шаром либо медленно двигались по замкнутым в овал линиям. Когда останавливала взгляд на любом из треугольников, рядом с ним пробегали ряды непонятных значков. Один из неподвижных треугольников был крупнее других, а рядом с ним находились несколько треугольников поменьше. Если долго смотреть, между ними проступало скопище еле заметных глаз. Что они обозначают, задумалась она, и тут снова возникло изображение Сариссы, поплыло вниз, и открылась знакомая картина разрушенного небесного города, среди руин которого плавала странная рыба.

Изображение увеличивалось. То, что она принимала за разрушенные дома и башни, и впрямь было похоже на строения с бесконечными рядами темных окон, проломами в стенах и выступающими балками. Огромная рыба напоминала чешуйчатую морскую тварь с острыми плавниками. И чем ближе, тем сильнее хотелось прикоснуться к рыбе невидимыми руками. Странное желание смутило ее, и видение исчезло.

Вовремя! В комнату вошли два кавалера, а за ними - наставник Фалин.

- Благоволи пройти со мной, - сказал он сухо. - Наш высокородный господин призывает тебя на совет.

Зенобия не пыталась угадать, для чего ее зовут. Больше волновало, почему придворные, кого они встречали по пути, кланялись ей.

Малый совет уже собрался. Герцог мрачно перебирал бумаги, роняя на пол. Наконец, уронил последний листок и обвел всех взглядом. Заскрипели стулья, члены совета придвигали их ближе к Зевево.

- Не я собрал вас, любезные друзья, - вздохнув, сказал он. - Маршал пояснит, что принудило его к созыву тайного совета и по какой причине здесь Дама Защитница?

Маршал Гаэтано поднялся с места и поклонился герцогу.

- Смею уверить, что причины значительны и безотлагательны. Сия дама своевременно предупредила высокородного господина о нашествии неприятеля. Более того, дух ее устами дал совет относительно известного дела.

Слабая улыбка возникла на лице наследника, но быстро исчезла.

- Таким образом, она является ценным даром, - продолжал Гаэтано.

- Ну еще бы, - негромко сказал кто-то за спиной Зенобии. - Не просто ценным, а очень ценным.

Гаэтано даже глазом не моргнул.

- Более того, - продолжал он, - благодаря ее совету мне удалось извлечь существенную прибыль, которая частью передана в казну, частью же пойдет на обустройство дома призрения для увечных

кавалеров и гвардейцев.

- Уместно ли маршалу заниматься торговлей? - спросил Фалин.

- Неуместно, - ответил маршал. - Но поскольку все члены малого совета, кроме меня, имели честь отбыть из города, собирать большой совет в отсутствие высокородного господина, дабы решить этот пустяковый вопрос, неразумно, не так ли? Впрочем, если наставник возражает против обустройства дома призрения...

- Я не возражаю, - буркнул наставник Фалин.

- Но можно ли держать такую особу в заточении и под опекой уважаемого наставника, который весьма занят своими важными делами? - сказал Гаэтано. - А ведь своевременная весть или предупреждение могут оказаться решающими.

- Что предлагаешь? - Герцог не сводил глаз с маршала. - Отдать ее под твое покровительство?

Члены палаты зашумели, герцог поднял палец, призвав к молчанию. Маршал, улыбаясь, поклонился Зенобии.

- Счел бы за честь опекать ее во благо высокородного господина и страны, но это вызовет сомнения в бескорыстии помыслов и ревность.

Герцог одобрительно кивнул.

- Впрочем, - продолжал маршал, - те же сомнения возникнут, кто бы ни опекал ее, кроме, разумеется, нашего высокородного господина. А поскольку тратить его время перед свадебными торжествами неуместно, то предлагаю ввести ее в малый совет.

Наступила тишина. Потом кто-то засмеялся, за ним другой, и вот уже громкий хохот ушел к сводчатому потолку и вернулся обратно. Не смеялись только маршал, наставник Фалин и брат Навассар.

- Спасибо тебе, развеселил, - успокоившись, сказал герцог. - Твое предложение не лишено смысла, но посуди сам: ввести простолюдинку в совет, - значит, вызвать негодование верных мне людей, не удостоившихся этой чести.

- Довод высокородного господина неотразим, - слегка наклонил голову маршал. - Но указ о чине камер-дамы ввел ее в высшее сословие.

Наставник Фалин поднялся со своего места.

- Вынужден напомнить уважаемому маршалу, - сказал он негромко, но выговаривая каждое слово, - что быть членом совета может лишь владелец лена или же...

Наставник внезапно замолчал и тяжело посмотрел на маршала.

- Полагаю, - мягко проговорил брат Навассар, - наша сестра уже владеет земельным наделом?

Маршал извлек из широкого рукава свиток купчей и протянул его герцогу.

- Этого недостаточно! - воскликнул круглолицый вельможа, сидевший рядом с наставником. - Согласно ленному праву...

- Витольд, друг мой, - перебил его маршал, - твои достоинства в

строительстве крепостей выше всяких похвал, но еще отец нашего высокородного господина специальным указом приравнял лены к наделам. Однако если потребуется отменить этот указ...

- Нет-нет, - разволновался другой член совета, - прошу не отменять, иначе сбор налогов упадет.

- Гехтер прав, - сказал герцог. - Казне нужны средства, а не служба ленников.

- Итак, законных препятствий нет, - сказал маршал. - Ее присутствие среди нас позволит высокородному господину незамедлительно внимать любым предостережениям. И вовремя принимать решения.

Герцог огладил бороду и смерил Зенобию с ног до головы.

- Как быть с теми, кто ждет своей очереди на место в совете? - спросил он.

- Если дух-покровитель заговорит с ними, то их следует ввести, а ее вывести, - ответил маршал.

- Ну, господа, решайте! - сказал герцог.

Голоса разделились поровну. Звево скосил глаза на сына.

- Ты какого мнения, Гугон?

- До совершеннолетия мне запрещено иметь мнение, - безучастно отозвался наследник.

- Вот и славно, - ухмыльнулся герцог. - Добро пожаловать в совет!

Золотое шитье на больших гобеленах несколько потускнело, а края разлохматились. Зенобия вспомнила, как, впервые увидев, была поражена их роскошью и блеском. Улыбнулась и проследовала в тронный зал. Тихое жужжание голосов, в котором можно различить бранное слово, осторожные или неприязненные взгляды, фальшивые улыбки и плохо скрываемые презрительные ухмылки... Она ограничивается общим поклоном в сторону трона, ей хватает одного быстрого взгляда, чтобы убедиться: узор ковра, которым она представляла двор, не изменился. Звево и его супруга развлекаются игрой в палочки за столом, придвинутым к тронному возвышению. На спинку пустующего трона опирается наследник и, брезгливо поджав губы, наблюдает за игрой.

Впереди был долгий вечер пятого дня, во время которого полагалось отдыхать от дел. Но Зенобия знала, что у придворных таких дней не бывает. Вот сокольничий Прегонар о чем-то шепчется с хранителем печати Витольдом. Они похожи на друзей, но супругу хранителя несколько раз видели в покоях сокольничего. Наставник Фалин оживленно беседует с казначеем Гехтером, оба время от времени поворачивают головы в сторону маршала Гаэтано, которого обступили дочери и жены придворных. Смех, доносящийся оттуда, веселит не всех. Зенобия видит, как тербит край рукава виночерпий Сконцо. Возможно, под обшлагом укрыт стилет, а его ревность давно стала предметом

для шуток друзей молодой жены виночерпия. Но Скоццо трусоват и скорее заплатит наемному убийце, чем достанет оружие в тронном зале.

Слухи и сплетни, которыми жил двор, были канвой, по которой можно вышивать сложные узоры интриг. Все охотно делились чужими тайнами, ревниво оберегая свои, и невидимые уши и глаза впитывали каждое слово и каждый взгляд.

К прислуге относились с вежливым холодком, не замечая одетых в серое слуг и служанок, тихо скользящих вдоль стен по коридорам, возникающих и исчезающих по звону колокольчика или по щелчку пальцев, стоящих за спинками кресел и следящих, чтобы бокалы вовремя наполнялись. Зенобия тщила подражать господам, но быстро поняла, что настоящих друзей и покровителей у нее нет и не будет. Ей предоставили отдельные покои из двух комнат, что для переполненного обитателями замка было изрядной роскошью. Однако Фалин, Навассар и Гаэтано, будто сговорившись, перестали ее посещать. Попробовала она сблизиться со служанкой и подарила Силии, косоглазой девице с большим носом, пару ненужных платьев. Угощала вином, говорила без спеси, призналась, что такого же происхождения, как и любой из слуг, и только случай возвысил ее.

Со временем служанка стала засиживаться у нее до отхода ко сну, делясь услышанным от своих товарок. Зенобия жаловалась на скуку и одиночество, и, чтобы развлечь госпожу, Силия спешила к ней с каждым новым слухом или сплетней. Кто с кем спит, какие составляются альянсы и тут же распадаются, чем закончилась та или иная интрига. Постепенно Зенобия начала соотносить слухи с тем, о чем говорилось на малом совете. И если раньше просто сидела, не понимая, о чем говорят, то ныне все чаще становились понятными явные и неявные причины споров, а порой и ссор. Так, вражда Фалина и Гаэтано разгорелась из-за племянницы наставника, который опекал девицу с далеко не родственными намерениями, однако маршал раньше сорвал цветок ее благосклонности. Узнала, что наследник дует на отца, потому что герцог никак не благословит его сватовство к красавице Ильзе. Что новому повару, который пришел на смену старому, одинаково нравятся как молодые посудомойки, так и поварята. А безобидный на вид старичок Кугель, хранитель геральдических книг и хроник, ни одну служанку не пропустит, хоть молодую, хоть старую. Сам герцог поругался с герцогиней, посоветовавшей меньше пить, чтобы не потерять мужскую силу...

Вскоре представился случай использовать эти сведения. Зенобия убедилась, что господа, хотя и нос воротят от торговых людей, сами через подставных всюю покупают и продают. Жизнь при дворе - дорогое удовольствие, и не всем хватало податей арендаторов. На одном из приемов случайно услышала разговор Кугеля. Хранитель

договаривался о ссуде под большой процент. А за день до этого Силия рассказала, что он похвалялся перед новой пассией, будто зальет полстраны отличным вином, так как скоро приобретет все виноградники на склоне Южного хребта.

Зенобия подумала, что могла бы сама купить виноградники. Вино будет дорожать: приближалось долгое лето - и это хорошее вложение.

Вечером она переместилась немного на север, чтобы лучше рассмотреть южный край Сариссы. Зенобия уже научилась управлять местоположением небесного ока. Надо всего лишь вызвать кружочки, мысленно возложить на них пальцы и, после того как появится полупрозрачный шар, представить, как перемещается большой красный прямоугольник. Передвижение шло медленно и не всегда так, как она желала. Иногда ее поднимало выше и разворачивало в другую сторону или опускало ближе к воде и суше.

Виноградников на склонах Южного хребта она не нашла, хотя тщательно осмотрела все мало-мальски пригодные места. Наверное, виноградники находятся в другом месте, а старый хитрец не хочет, чтобы кто-то перехватил сделку. На приеме спросила его, где на южном побережье лучше всего заняться виноделием. В выцветших глазах Кугеля мелькнул интерес, и он намекнул, что готов пристроить ее свободные средства, а потом поделить урожай и молодое вино. Она ответила, что не уверена, есть ли в тех краях виноградники, и рада будет ссудить любую посильную сумму, если нет обмана. Кугель подергал седые кустистые брови. Он уверен в торговом посреднике, но из уважения к ее способностям пошлет на юг надежного человека. Через десятиднев сам явился во время ужина и поблагодарил за предостережение: торговый человек оказался знаменитым мошенником. В знак благодарности Кугель предложил в любое время заходить к нему в хранилище с вопросами по генеалогии. Или даже посмотреть хроники, но это будет их тайной.

Прошло немало времени, прежде чем Зенобия оценила его щедрость.

На малом совете спорили, строить новую дамбу или чинить старый мост и кому из откупщиков выдать патент на строительство. Маршал и его сторонники были за мост, а Фалин - за дамбу. Тогда она впервые поднялась с места и сказала, что лучше вообще отложить строительство. Села, ожидая насмешек и брани. Но ее выслушали спокойно, а герцог одобрительно кивнул. По слухам, Зевево был расстроен докладом Гехтера о состоянии казны. Решение вопроса отложили, даже не спросив, дух говорил с ней или своим умом дошла.

Молва о Зенобии ширилась, знатные вельможи иногда обращались к ней за советом, а придворные помельче крутились поблизости, пытаясь заручиться поддержкой в делах. Со знатными господами она была осторожна, никогда сразу не отвечала на вопросы, остальных привечала, вела с ними долгие беседы, и порой ее гости выбалтывали

чужие тайны, которые вкуче со сплетнями, что собирала верная Силия, помогали дать верный совет вельможе. Скучные дни миновали. У нее, как в салоне знатной дамы, были приемные вечера. Гости обсуждали последние новости, делились сплетнями.

Пару раз заходил наставник Фалин. Долго приглядывался к гостям, фыркал и, ничего не говоря, уходил. Заглядывал и брат Навассар, вел благочестивые беседы. Маршал не посещал вечерних сборищ, но Зенобия знала, что он отзывается о ней уважительно и несколько раз заступался перед герцогиней, которая почему-то невзлюбила Даму Заступницу. Говорили, что жена герцога боится, как бы дух не рассказал о ее похождениях в юные годы. До того как стать баронессой Деперо, дочь маркитантки изрядно погуляла в гвардейских обозах. Силия намекала, что брат герцогини настраивает ее против Зенобии. Барон Деперо быстро освоился при дворе и обзавелся свитой придворных из обнищавших родов.

Известность оказалась прибыльной. Удачные советы оборачивались дарами или деньгами. Средств накопилось столько, что она стала подумывать о благоустройстве имения. Снова возник многоопытный Кирч и предложил услуги своей родни, подвизавшейся в строительном деле. Через два стоднева на ее земле вырос небольшой, но красивый дворец. Герцог позволил ей отъехать в свое имение, но через три десятиднева прислал за ней. Наставник и маршал сошлись в одном: охрана Дамы Заступницы - дело хлопотное. А тут еще на дорогах стали шалить разбойники, и, что самое неприятное, в мундирах воинства Пандухта. Да и многие вельможи стали выказывать недовольство ее отсутствием. Зенобия обрадовалась вызову - она привыкла к окружению знати, жадно ловящей каждое ее слово.

В день ее возвращения собрался малый совет. Герцога беспокоили люди Пандухта. Что если войско малыми отрядами перешло незаметно через Рису, а теперь собирается в единый кулак? Гаэтано уверял, что тревожных вестей с той стороны не приходило. Фалин грозился повесить всех разбойников на деревьях. Досточтимый Деперо, брат герцогини, введенный в совет по настоянию Звево, пообещал денежную награду за каждого пойманного злодея. На Зенобию бросали косые взгляды, но она лишь обмахивалась веером. Вечером того же дня к ней вдруг пришел наставник Фалин и разогнал просителей.

- Неблагодарность - естественное свойство ухвативших удачу за хвост, - сказал он, оставшись наедине с Зенобией. - Но припомни, сколь велика была моя поддержка в твоём возвышении.

Она помнила, как жизнь висела на волоске, а бритву держал Фалин. Ей удалось выскользнуть из цепких пальцев наставника. Старалась не дразнить его, но и благодарности не испытывала - знала, кто на самом деле возвысил ее. Невольно подняла глаза к потолку, улыбнулась.

Фалин нуждался в ее помощи. Брат герцогини стал намекать сестре, что наставник стар и должность ему не по силам. А против того, что нашептывается на супружеском ложе, бессильны любые интриги. Наставник даже пошел на примирение с маршалом, который тоже был озабочен прытью Деперо. Скверно, что изменилось соотношение сил и открылись возможности для новых карьер. Деперо щедр не только на обещания, но и прикармливает свору худородных, готовых на все ради возвышения. Герцог в силу старой дружбы благоволит Фалину, но требует быстрой поимки разбойников. Знать бы, где они прячутся, устроить облаву и выловить всех до единого.

Зенобия сказала, что поддержит наставника, как только получит знак от духа-покровителя.

На следующее утро, сославшись на обычную хворь, она велела не принимать гостей. Долго наблюдала за дорогами и торговыми путями. Следила за караванами на западном тракте, за повозками, ползущими от городка к городку, за путниками.

Прошло несколько дней. Фалин не появлялся, а она не выходила из своих покоев. Однажды, возвращаясь на привычное место над горным хребтом, разделяющим Сариссу, она приблизилась к руинам небесного города. Ее манило придвинуть око как можно ближе, чтобы рассмотреть мелкие предметы, висящие между большими обломками, но тревожно вспыхивали непонятные знаки, кружочки управления исчезали, и око переставало слушаться.

Сместив взор вниз, она оглядела горные перевалы. Никаких войск, готовых к вторжению. На восточной стороне уже ночь, редкие световые пятна указывали места городов. На западной стороне еще сумерки, но кое-где уже мерцают огни. В одном месте даже слишком яркие. Увеличила картинку и обнаружила, что это не костры путников на ночлеге или факелы городской стражи, а пылающие дома небольшой деревушки у излучины реки. Жители не тушили пожар, а собрались на деревенской площади и жались друг к дружке. Приблизив око насколько возможно, она увидела, как мечутся разбойники, как выводят из загона вьюков и ведут их к лесу.

Когда солнце ушло в сторону торгового архипелага и тьма опустилась на западную часть материка, Зенобия захотела видеть во мраке, и ее желание исполнилось: на зеленом поле, испещренном линиями, появились мелкие светлые точки - люди, а точки покрупнее - вьюки. Лесная тропа вилась вдоль черной полосы реки.

Зенобия заснула, а утром долго искала похитителей и нашла их далеко на севере. Они шли редколесьем и остановились у опушки. Красные мундиры исчезли, сменившись черной, серой или синей одеждой. Было видно, как сваливают мундиры в повозку.

Вскоре разбойники подошли к воротам замка. Мост опустился, шайка втянулась во двор. Вьюков загнали в здание под черепичной крышей,

люди разошлись среди строений. Знамя, свисающее с башни, было едва заметно. Зенобия сдвинула око назад и вниз. Успела разглядеть скрещенные мечи на знамени и цветок над мечами, когда вошла Силия, чтобы помочь с утренним туалетом.

После завтрака Зенобия спустилась в хранилище. Досточтимый Кугель корпел над манускриптом, разглядывая в увеличительное стекло чей-то герб. Встретил Зенобию радушно и провел по кельям, заставленным полками. Полки набиты книгами - маленькими, большими и очень большими. А в дальней келье за окованной железными полосами дверью хранились самые древние. Пролистав одну из них, Зенобия удивилась: буквы шли ровными строками и одна неразлично похожа на другую.

Это печатные книги, пояснил Кугель. В старину их печатали особым способом, но потом переписали вручную, чтобы искусство каллиграфии не пропало. Только хроники о легендарных временах решили не трогать, да и братьям-переписчикам веры не было, могли вычеркнуть не того, кого следует. Язык был незнаком, на выцветших картинках - непонятные устройства и сооружения. Некоторые похожи на башни, другие - на мельницы.

Уходя, она как бы случайно спросила, не помнит ли он, чей герб - два скрещенных меча под цветком? Ждала, что Кугель начнет листать геральдические таблицы, но старик молча показал на стену. Зенобия увидела флажки, развешанные в определенном порядке, и скрыла свое изумление за тем, что считала улыбкой.

Зенобия знала цену своего слова и не хотела продешевить. Во время приема в тронном зале приблизилась к группе придворных, толпящихся вокруг Деперо. Барон громко рассуждал об излишней сухости даконских вин. Остановилась, ожидая случая завязать разговор, посмотреть, стоит ли с ним иметь дело. Но судьба решила за нее.

- Не кажется ли вам, - сказал Деперо, - что воняет навозом? То дух продирается сквозь нужник, чтобы предупредить нас о злосчастиях?

Кто-то фальшиво хохотнул, другие испуганно отвели глаза. Барон сделал вид, что только сейчас заметил ее, и согнулся в нарочито низком поклоне. Вежливо кивнув, Зенобия отошла в сторону. Ни гнева, ни досады. Она знает, что делать.

Герцог впервые при всех выказал Фалину недовольство. Разбойники спалили деревню, увели вьюков, которые предназначались для гвардейцев, а наставник бездействует. Фалин выслушал, опустив голову, и смолчал, когда Деперо предложил назначить наставнику помощника.

- Если так будет продолжаться, - сказал герцог, - я соберу большой совет и сам наведу порядок. Идите, досточтимые, и подумайте об этом.

Члены малого совета поднялись с мест. Зенобия придержала наставника за рукав.

- Не хочешь узнать, откуда у Деперо столько золота?

Наставник вздрогнул, прожег ее взглядом и приложил палец к губам.

Поднялись в его кабинет. Несколько слов хватило, чтобы он сделал должные выводы, позвал секретаря и велел седлать вьюков.

- Прошу извинить! Срочные дела требуют личного присутствия.

- Не привлечь ли гвардию, дабы не было раздора? - спросила Зенобия.

- Умно, - сказал наставник. - Но если Гаэтано захочет предать?

- Разве ему надо знать больше того, что ты разделишь с ним славу поимки разбойников? Разделив, он будет с тобой, хочет того или нет.

5.

Опала брата герцогини поразила двор, как удар огненного камня Врага. Сторонники Деперо разбежались по имениям, но парочке хундордных пришлось отнести свои головы на Черный двор. Герцогиня, доселе игнорирующая Зенобию, после ссылки барона в дальний гарнизон стала приглашать ее на игру в палочки. Наставник Фалин на малом совете лично ходатайствовал о возведении Зенобии в статс-дамы. Герцог поднял бровь и заметил, что вакансий нет, однако готов сделать исключение, если никто не возражает.

Никто не возразил.

Вельможи зачастили к ней. Тоже были охочи поболтать о чужих тайнах, и вскоре она поняла, что ими можно вертеть, как хундордными. Словечко здесь, словечко там, что-то сбудется и запомнится, что-то нет, но это забудут. Пару раз приходил наследник в сопровождении Гаэтано. Спрашивал, как ускорить сватовство к красавице Ильзе, и нельзя ли поторопить отца именем духа-покровителя. Маршал слушал его нытье, иронично улыбаясь, а Зенобия напрямик спросила, в силах ли Гугон уберечь невесту от соблазнов двора? Не лучше ли дождаться, когда отец вручит бразды правления.

- С ним помрешь от старости, - брякнул Гугон.

Гаэтано попросил забыть опасные слова и быстро увел его.

После устранения Деперо отношения маршала и наставника снова ухудшились. Герцог тянул со сватовством наследника, и Фалин поддерживал его. Он понимал, что с появлением внуков возникнут мысли: не пора ли отцу уступить сыну власть. Маршал возвысится безмерно, а наставнику придется уйти на покой.

К Зенобии все относились уважительно. А жители Неопалесты готовы были на руках носить. Налоговое послабление, благодаря Зенобии принятое на малом совете, и небольшая сумма на восстановление

акведука сложились с разговорами о духе-покровителе, вселившемся в Защитницу. Редкие выходы в город пришлось прекратить: ее забрасывали цветами, но не давали прохода, осаждая просьбами. И когда один из неприметных горожан внезапно бросился на нее с кинжалом, охрана на миг растерялась. Выручил жесткий корсет. Лезвие соскользнуло с пластины, а невесть откуда возникший благочестивый брат сбил с ног злодея. Тут кавалеры и скрутили его.

Весть о покушении вызвала в городе волнения. Чтобы успокоить людей, глашатаям велели оповестить, что это был безумный одиночка.

Фалин навестил Зенобию и сообщил, что убийце заплатил лазутчик Пандухта. Приметы известны, скоро его найдут. Зенобия пошутила, что ее хотели убить таким же образом, как в давние времена закололи герцогиню Ламбер. Но когда Силию нашли у порога с кровавой пеной на губах, а в остатках вина оказался яд, Зенобии стало не до шуток.

Охрану удвоили, наставник свирепствовал, маршал вывел гвардейские караулы на улицы. Дворня шепталась о том, что убийцы проникли в замок и в урочный час вырежут всех обитателей. Кавалеры хватили подозрительных, но лазутчика поймали не они, а благочестивые братья. Об этом Зенобии поведал Навассар, посетив ее вечером.

- Я доволен тобой, сестра, - сказал он, усаживаясь в кресло. - Мы следили за твоими успехами. И охраняли в меру наших слабых сил.

Вспомнив крепкого благочестивого брата, обезвредившего убийцу, Зенобия понимающе кивнула.

- Нам известно, что ты ведешь чистую жизнь, не обременяя сущность плотскими утехами, - одобрительно сказал Навассар.

Зенобия стиснула зубы, чтобы не выругаться. Пару раз с ней заигрывали отчаянные честолюбцы, готовые на все ради карьеры. Но когда дело доходило до постели, то отчаяние исчезало вместе с честолюбцами. Она пыталась затащить в постель кавалеров из охраны, не пожалев лучших вин. Но кавалеры крепко знали свою службу, и с ними ничего не вышло. Потом Зенобия разглядывала себя в зеркале и оттирала плевки, которыми наградила свое отражение.

Между тем брат Навассар перешел к делам насущным.

- Пока наши друзья делят славу, мы без шума выжигаем гниль и заразу. И лазутчика поймали мы. Не хочешь ли посмотреть на него?

Зенобия не поняла, зачем брат Навассар желает показать ей тайное узилище братьев. После чтения хроник любая интрига как на ладони: все ходы и хитросплетения с унылым постоянством повторялись от герцога к герцогу, от стоднева к стодневу. Но о благочестивых братьях в хрониках говорилось сухо.

В полумраке слышны звуки ударов, крики, визгливый смех. Зенобия, Навассар и стражник прошли из конца в конец замкового узилища.

Стражник отпер дверь и с поклоном впустил Зенобию и Навассара внутрь, а после того как они вошли, лязгнул засовом. В пустой камере оказалась еще одна дверь, неприметная, в темном углу. Навассар тихо постучал, скрипнули петли, и они оказались в другом коридоре. Потом поднялись по винтовой лестнице. Сквозь щели бойниц пробивался дневной свет, значит, они где-то между подземельем и кухней. Еще одна дверь - и они оказались в тайной тюрьме.

Узников охраняли не стражники, а благочестивые братья. Вместо шпаг или палашей - суковатые палки. Дверь одной из камер была приоткрыта. Ноги пожилого мужчины привязаны к скамье, а руки - за спиной. Перед ним - бочка с водой.

- Вот он, злодей, - сказал брат Навассар. - Молчит. Знает, мы люди добрые. Придется отдать его кавалерам. Они тоже добрые люди, но очень не любят таких, как он.

Злодей поднял голову. Зенобия увидела шрам над бровью, похожий на след от сабельного удара.

- Я его знаю, - сказала Зенобия.

- Ну еще бы, - прохрипел Роппо. - А я-то думаю, кем это завоняло...

Сильный удар по затылку заставил его прикусить язык. Благочестивый брат, стоявший за его спиной, наставительно сказал:

- Добрые люди не желают слушать грубости.

- Пусть говорит, - сказал брат Навассар. - Даме Заступнице будет полезно услышать его хулу.

- Дама!.. - сказал, как сплюнул, старьевщик. - Надо было придушить, не мутила бы воду. И мой господин давно бы навел здесь порядок.

Зенобия смотрела на него с удивлением. И этот человек повлиял на ее судьбу? Кто знает, может, он был орудием Врага, сам того не ведая?

- Жаль, что не ты подохла, а служанка, - прошипел Роппо. - Вот потеха - околеть от яда своей тетки. Но ничего, ничего! В первый раз ты помешала моему господину принести мир и процветание на эти земли. Сейчас ты не успеешь никого предупредить.

Навассар озабоченно переглянулся с благочестивым братом. Тот накинул на голову Роппо мешок.

- Он что-то знает, - негромко сказал благочестивый брат. - Но водяное испытание не сломало упряма.

- Попробуй огненное, - посоветовал Навассар.

Из-под мешковины раздались вхохлющие звуки. Сдернули мешок. Роппо смеялся. Принесли жаровню. Он молчал, когда охаживали горящим веником по бокам, и лишь кряхтел от прикосновений раскаленной кочерги к спине. Испытывая непонятное возбуждение, Зенобия смотрела, как благочестивый брат, засучив рукава, чтобы не испачкать одеяние, почти ласковыми движениями касался кочергой тела Роппо. Старьевщик выдержал и это, но сломался, когда поднесли

кочергу к глазам и сказали, что ему нельзя своими погаными очами смотреть на добрых людей. Он назвал несколько имен, замешанных в заговоре, в том числе и барона Деперо.

Брат Навассар значительно посмотрел на Зенобию.

- Мой друг Фалин будет очень рад, когда узнает об этом признании.

Зенобия кивнула. Но смутные воспоминания беспокоили ее. После каждой встречи со старьевщиком начинались неприятности. И поэтому она не удивилась, услышав еле слышный звук горна и далекие крики.

- Что это? - поднял брови Навассар.

- Это смерть ваша, - хрипло прошамкал Роппо. - Герцог низвергнут, а новый правитель покорится...

На него снова накинули мешок. Благодетельные братья собрались вокруг Навассара, выслушивая его распоряжения. Один из братьев скинул белое одеяние и влез в серую ливрею прислуги. Деревянная панель, на которой висели плети, клещи, пилы и другие пыточные инструменты, отошла в сторону, и брат исчез в темном проеме.

- Подождем вестей, - сказал брат Навассар.

Переодетый прислугой брат скоро вернулся. Роппо не врал. Дворец захвачен бароном Деперо и гвардейцами, с которыми он коротал опалу. Кавалеры во главе с Фалином еще держатся, но мятежники захватили ворота, и подмоги ждать неоткуда, потому что маршал увел войска на маневры.

- Где герцог, где наследник? - спросил Навассар.

- Наследник заперся в своих покоях. По слухам, герцог убит.

Старьевщик рассмеялся. Навассар обрушил на его голову тяжелую суковатую палку. Мешковина потемнела от крови, Роппо завалился на бок, и лишь веревки удержали его.

- Избавьтесь от тела!

Братья потянули за кольцо в полу. Под плитой оказалась дыра. Обрезав веревки, столкнули тело. Слабый всплеск. Плиту задвинули обратно.

Тайными ходами замка давно не пользовались. От пыли першило в горле, под ногами хрустели мелкие кости. Слабые лучики света выдавали смотровые щели. Брат Навассар велел покинуть убежище, но сперва прикончить всех узников. Братья разошлись по камерам. Зенобия так и не узнала, что в одной из них сидит мелкий воришка, у которого нашли предмет Врага, и сейчас рассказывает соседу по камере, как в молодости сбежал от своей некрасивой невесты и никогда об этом не жалел. Впрочем, случись ей увидеть Цимбелина, вряд ли в жалком плешивом оборванце узнала бы своего жениха.

Один из ходов вывел в помещение с низким потолком. Здесь они

наткнулись на Фалина и его кавалеров. Наставник хотел выкрасть наследника, уйти к новому замку, провозгласить Гугона правителем, а когда маршал присоединится к ним, покарать изменников. Узнав от Навассара, кто стоит за мятежниками, Фалин грязно выругался.

- Если Пандухт двинул войска, все кончено.

- Позволь не согласиться, - сказал Навассар. - Будь положение безнадежным, дух-покровитель нас бы предупредил.

Фалин посмотрел на Зенобию. Та пожала плечами, как бы говоря, что духу нет дел до нынешней суматохи.

- Молчание духа говорит, что все идет своим чередом, - продолжал Навассар. - И должны свершиться великие дела.

- Тебе виднее, о чем говорит молчание духа, - осклабился Фалин.

Братья неодобрительно насупились.

- Отсюда есть ход к тронному залу, - сказал наставник. - Если повезет, нанесем чувствительный удар по изменникам.

Ход привел их к узком коридору, опоясывающему тронный зал. Сквозь подпотолочные смотровые отверстия был виден Деперо, горделиво восседавший на троне в окружении гвардейцев. Строители тайных ходов знали свое дело: Зенобия слышала, как барон требует покончить с кавалерами, а гвардейцы хотят подкреплений.

В полутьме она заметила слабую улыбку Навассара. Он что-то шепнул наставнику, и тот улыбнулся в ответ. Ей велели оставаться на месте, а кавалеры и братья один за другим беззвучно исчезли во тьме.

Зенобия увидела, как из внутренних покоев появилось шествие благочестивых братьев. Они шли двумя рядами, медленно, останавливаясь на каждом шагу и кланяясь трону, словно присягали в верности новому правителю. Насторожившиеся гвардейцы успокоились и опустили пики, а Деперо благосклонно улыбнулся. Он явно не знал, что братья никому не присягают.

Все произошло быстро. Гвардейцы вдруг оказались погребены под братьями, и в зал ворвались кавалеры. Деперо выхватил шпагу, но брат Навассар выбил ее посохом из рук злодея. Барона связали и заткнули рот тряпкой. Навассар хотел прекратить его страдания, но Фалин возразил, что суд полезнее для сомневающихся. С гвардейцами, впрочем, не церемонились. Их тела оттащили в покои герцога. Вернулись мрачные, герцог и впрямь был заколот в своей кровати. Герцогиня заперлась в будуаре.

Один из братьев вернулся к Зенобии и помог спуститься по винтовой лестнице. Кавалеры со шпагами на изготовку направились к двери.

Мятежники не зря в свое время оказались в опальном полку. Попав в дворцовые покои, вместо того чтобы подавить очаги сопротивления, разбрелись в поисках вина и служанок. Лишь некоторые пытались навести порядок, но темные волосы и палаши вместо шпаг выдавали в них воинов Пандухта. Комнату за комнатой очищали кавалеры от

изменников, и к вечеру замок был освобожден. Всех, кто успел сдать, связали и заперли, остальных выбросили в ров перед дворцом.

К маршалу выслали гонца с предписанием вывести войска к Рисе, а если Пандухт перешел ее, то дать отпор. Вскоре маршал сам объявился и на спешно собранном малом совете сказал, что его лучшие капитаны ведут отряды по трем направлениям, откуда можно ждать вторжения. А его долг - установить законный порядок. Фалин заметил, что в самый опасный момент войска почему-то оказались вдали от города. Виночерпий Сконцо предложил не ссориться, а призвать герцогиню возглавить совет. Кугель пробормотал, что роль герцогини в деле еще не ясна, Гехтер возразил: в трудное время надо поддержать ее...

Зенобия поняла, что игра затянется надолго, и подошла к пустующему креслу герцога.

- Сестра не в ответе за брата, - сказала она. - Но кровь Звево продолжилась в Гугоне, а не в Деперо. Так прекратим распри, дабы избрать регента при наследнике.

- Это ты говоришь или дух? - с кривой улыбкой спросил Сконцо.

- Изменник Деперо тоже любил смеяться над духом, - тихо ответила Зенобия, и глаза виночерпия налились страхом.

К тому времени как собрался большой совет, самые деликатные вопросы были решены. Представители сословий озабоченно качали головами, узнав о злодеяниях и смерти их любимого господина, о доблестных защитниках, одолевших предателей. Им сказали, что вдовствующая герцогиня, сложив высокие титулы, убыла в родовое имение блюсти траур. И что наследник Гугон, да пребудут с ним земные силы, до вступления на трон будет наставляться регентским советом, который возглавит... Здесь хранитель Кугель, которому по старшинству доверили зачитать решение малого совета, сделал многозначительную паузу, а затем провозгласил:

- Итак, приветствуйте высокородную регентшу Зенобию, Даму Защитницу!

Радостный шум представителей сословий перекрыл злобное ворчание знатных господ. А Зенобия вдруг подумала, что впервые, с тех пор как судьба принялась играть с ней, она услышала свое имя из чужих уст.

За десятиднев до провозглашения события неслись стремительно, и никто не знал, что его ждет - карьера или Черный двор. Возникали и распадались альянсы, по залам и покоям шептались, приносили клятвы в верности, чтобы этажом выше предать ради более выгодного союза... Гаэтано и Фалин перестали разговаривать друг с другом. Они удвоили, а потом утроили свою охрану, а вскоре разослали по

заставам и гарнизонам депеш-кавалеров и гонцов, стягивая силы. В городе начались стычки между стражей и патрулями, стали громить винные лавки. О тайных встречах и заверениях, нашептанных за плотными портьерами, о записках, переданных из рук в руки, и мешочках с золотом, приложенных к запискам, Зенобия узнавала первой. К ней спешили поделиться выкраденным посланием, купленной тайной или просто засвидетельствовать почтение. Она понимала, что посетители ждут совета, к кому следует прислониться. Дня три она просто забавлялась, наблюдая, как гостиня превращается в средоточие интриг: гости, не дождавшись от нее слова или знака, пытались подражать большим вельможам, составляя альянсы и комплоты. На четвертый день рассердилась: те, от кого зависит судьба регентства, не сочли нужным встретиться с ней. Худородный придворный, который в это время бубнил о своей преданности, вдруг поперхнулся - гримаса Дамы Защитницы лишила его дара речи.

Зенобия подозвала служанку, разносящую вино, и спросила, сколько человек сейчас охраняют покои. Служанка сообщила, что у дверей три гвардейца и три кавалера.

- Пусть все войдут, - велела Зенобия.

Под удивленный шепоток гостей Зенобия подошла к своей охране. Внимательно оглядела каждого.

- Ты и ты, - громко сказала она, указав пальцем на кавалера и гвардейца, - быстро к наставнику Фалину и маршалу Гаэтано. Скажите: я жду их в тронном зале. Спешите исполнить!

С этими словами сбросила с себя шаль и осталась в платье, так обильно украшенном золотым шитьем, что его блеск почти скрывал нескладность ее фигуры. Зенобия неторопливо последовала в тронный зал. Придворные потянулись за ней, по дороге к ним присоединялись сначала любопытствующие, а потом топот ног напомнил, что вести по замку и дворцу разлетаются мгновенно. И когда она вошла в тронный зал, он был полон народу. Толпа мгновенно раздалась, открыв ей дорогу к трону, у которого стояли наставник и маршал. И с ними наследник Гугон, затравленно озирающийся по сторонам. При виде Зенобии он побледнел и уцепился трясущейся рукой за локоть маршала.

Странное веселье переполнило Зенобию. Это власть, подумала она. Никто не посмеет вслух усомниться в любом ее слове.

- Благодарение силам земным, ты вразумишь строптивых, - голос брата Навассара рассеял соблазн, в котором все склонились перед троном, а на нем... Но она запомнила эту картину.

Те, кто рассчитывал услышать великие слова, был разочарован. Подойдя к трону, Зенобия, вопреки ожиданиям многих, не воссела на него и даже не обратилась с вестью о новом откровении. Она

поклонилась наследнику, а потом шепотом сказала Фалину и Гаэтано:

- Объявите сбор большого совета. И если вы сейчас не обнимитесь в знак примирения, то я сама назову имя регента.

Наставник и маршал уставились на нее, а потом встретились глазами с братом Навассаром, стоявшим за спиной Зенобии. Маршал, вздохнув, улыбнулся и раскрыл объятия. Улыбка Фалина была менее искренней.

- Мир и покой, - провозгласил Навассар. - Все могут отправляться по своим делам, о дальнейшем вас известят своевременно.

- Где герцогиня? - раздался выкрик из одного угла.

- Дайте выслушать барона Деперо! - крикнули из другого.

Гаэтано отвесил легкий поклон Фалину.

- На днях большой совет объявит о делах наследования, - громко заявил наставник. - Стража, обеспечить порядок!

Кавалеры рассекли толпу на несколько частей и стали постепенно выводить людей из зала. Расходились нехотя, но возмущались негромко.

Когда зал опустел, наставник внимательно посмотрел на Зенобию.

- Мы здесь одни... - пробормотал он.

- Денно и ночью обращайтесь к силам, чтобы с ней ничего не случилось, - строго сказал брат Навассар. - Иначе вам придется плохо.

- Вам или нам? - спросил Гаэтано, подмигнув при этом Зенобии.

- Братья не допустят смуты. Они покарают всех, причастных к злодеянию. Мы не ищем власти, но и не отдадим ее в недостойные руки.

- Кто говорит о злодеянии?! - вскричал наставник. - Поскольку мы остались одни, то сами все решим полюбовно.

- Ну так решайте, - сказала Зенобия. - Кому, как не нам, настоять перед малым советом на любом решении, к которому сейчас придем.

- Герцогиня.., - тень сомнения легла на гладкое чело маршала. - У нее могут найтись сторонники.

- А разве баронесса Деперо не удалилась оплакивать мужа, павшего от руки ее брата? - удивилась Зенобия. - Если, конечно, высокородный Гугон не будет тосковать по мачехе.

По неприятной улыбке наследника стало ясно, что не будет.

- Сам Деперо может потребовать суда равных. Ему выгодно тянуть время, - сказал наставник, испытующе посмотрев на Зенобию.

- А разве изменник и убийца не повесился в своей камере, не выдержав мук раскаяния? - Зенобия всплеснула руками от недогадливости, казалось бы, самых опытных дворцовых интриганов.

Маршал и наставник переглянулись. Зенобия ни словом, ни взглядом не выдала, что догадывается об их намерении при неудаче свалить все на нее. Детские шалости по сравнению с тем, что вытворяли вельможи прежних дней. Чтение хроник, благодарение Кугелю,

вооружило знаниями, стоящими полка, а то и небольшой армии.

Наследник смотрел на Зенобию глазами новорожденного вьюка.

- Моя Ильзе заждалась, - сказал он. - Я настаиваю на сватовстве.

- Регентский совет сразу же начнет переговоры, - ответила Зенобия.

- Какой совет? - одновременно спросили наставник и маршал.

- Дабы пресечь распри между достойнейшими мужами, составим из них регентский совет, как это случилось во времена герцога Тилле.

- Совет из двух человек? - нахмурился Фалин.

- Из трех! - Зенобия указала на брата Навассара.

- Два, три... несущественно, - мягко сказал Гаэтано. - Важно, кто его возглавит, то есть станет регентом. Члены же совета вправе его низвергнуть, как случилось, кстати, именно во времена Тилле.

Маршал сведущ в хрониках, отметила про себя Зенобия.

- Каждый из вас, досточтимые, -- сказала она, - будет продвигать людей преданных. У каждого большая родня, которая ждет милостей и предпочтений. Начнется соперничество, и ко дню возведения на трон страна разорится. Я - бедная дочь хранителя маяка - не имею никого, кто мог бы попрекнуть невниманием к родне.

Гаэтано громко рассмеялся.

- Ты хочешь войти в регентский совет? - прищурился наставник.

- Друг мой, - весело сказал маршал. - Она только что объявила себя регентшей, а совет - нам в утешение.

- Она не может...

- Может, и я хотел бы посмотреть на того, кто ей помешает.

- Не я, - сказал брат Навассар.

После долгого молчания наставник Фалин наконец выдал:

- И не я!

Народ принял весть о том, что от имени наследника Гугона будет править Зенобия, с должным ликованием. Рассказы о налоговых послаблениях от городка к городку и от села к селу становились все приятнее для слуха мелких торговцев и знатных землевладельцев. По совету Гаэтано, в одном из первых рескриптов Зенобия отменила на два стоднева акцизы на вино и пиво. После этого лавочники и владельцы виноградников перегрызли бы горло любому, кто высказался бы неуважительно о ней. Женщины умилялись тому, что бедная сирота вознеслась на самый верх. Благочестивые братья в назидательных беседах рассказывали, как кротость и смирение вознаграждаются силами земными.

Самой Зенобии в эти дни кротости не хватало. Минуты торжества были краткими, все остальное утомляло, раздражало, а порой приводило в ярость. С утра до вечера общалась с людьми, просящими для себя или родственников. Всем надо улыбаться, благосклонно говорить приятные слова и обнадеживать, ничего наверняка не

обещаая.

Регентский совет собирался каждый день. Опасались, что Пандухт перейдет Рису, что северные бароны начнут сводить счеты друг с другом, боялись недовольства в гвардии - измена могла глубоко проникнуть в ее ряды. Зенобия сгоряча предложила напасть на Пандухта, но маршал растолковал, сколько на это потребуется времени, средств, фуража, а главное, желаний войск сражаться. Посоветовала вызвать северных баронов и перевешать всех на Черном дворе. Фалин с явным сожалением сказал, что бароны придут со свитой, такими маленькими армиями, и тогда начнется война в городе.

Вскоре Зенобия вспомнила некоторые наставления из хроник и поняла, что можно властвовать, но не обязательно править. Реже стала посещать регентский совет, подписывала не глядя рескрипты и даже во время больших приемов старалась быстрее покинуть тронный зал и вернуться к себе и небесному оку. Люди наскучили ей. Власть тоже.

Время шло, скоро наследник должен был сесть на трон. Маршал и наставник опять вызверились друг на друга, и только благодаря увещаниям брата Навассара дело не доходило до стычки.

В один из вечеров к Зенобии внезапно явились наставник Фалин и хранитель Кугель.

- Столь позднее наше присутствие, высокородная госпожа, - значительно произнес наставник, - связано с некоторыми открытиями, которые произвел наш мудрейший хранитель.

Хранитель выглядел несколько смущенным.

- Открытия столь важные, что они могут потрясти основы, - продолжал наставник. - Дело в том, что в генеалогических таблицах обнаружили твои высокородные предки. Причем такие, что твои права на трон становятся более законными, чем у этого прыщавого юнца.

На миг всколыхнувшееся: «Я знала, я всегда знала, что я особая», - мгновенно угасло, стоило еще раз взглянуть на Кугеля.

- Ах, досточтимые господа, - вздохнула Зенобия. - Нашему доброму хранителю не составит труда проследить родословную от любого вьюка до самого герцога-основателя.

- Не так грубо, - пробормотал, морщась, хранитель. - Изначальные роды и впрямь начинались с малого числа обитателей. В запретных книгах есть списки первых поселенцев, прибывших на Сариссу.

- Откуда прибывших? - спросила Зенобия.

Кугель скосил глаза на наставника. Тот пожал плечами.

- Есть разные предания, но не в них суть, - хранитель закашлялся. - Главное - все мы родственники друг другу, если глубоко копнуть.

- Спросим у брата Навассара, - мягко сказала Зенобия. - Дабы не впасть в соблазны Врага.

- Да нет никакого!.. - вспылил наставник.

Тут Кугель замахал на него руками, и он замолчал.

- Брат Навассар разъяснит, когда следует понимать его слова буквально, а когда аллегорически, - сказал Кугель.

- А Стража Благочестия тоже ссылается на аллегорию? - усмехнулась Зенобия.

- Это пустое, - раздувая ноздри, сказал наставник. - Я не хочу дожить до того дня, когда Гугон разрушит все, что созидали его предки. Тебе благоволит удача, ты внимлешь добрым советам, тебе и править.

В тишине можно было расслышать, как потрескивают язычки пламени в светильниках.

- Это речь изменника, - сказала Зенобия. - Ты испытываешь меня?

- Такими словами не испытывают, - ответил Кугель. - Страна нуждается в крепком управлении, ибо впереди годы бурь и войн. Наследник слаб и неумен и не отличит доброго совета от худого.

- Я поразмыслю над этим, - ответил Зенобия.

После того как наставник и хранитель откланялись, она долго сидела в кресле, уставившись на круглый щит, висящий над камином. Кто она - щепка, которую волна несет на утесы, или утес, которому не страшны щепки? Беспричинное веселье овладело ею, она смеялась и не могла остановиться, пока слезы не потекли по щекам, выгрызая протоки в толстом слое пудры.

Впрочем, когда у нее объявился еще один гость, она была спокойна и привела себя в порядок. Но когда маршал Гаэтано, слово в слово повторив наставника, предложил ей стать герцогиней, она опять начала смеяться и чуть не потеряла сознание...

Регентский совет укрепил Зенобию в подозрениях: это не жесты отчаяния знатных вельмож, а тщательно составленный заговор. Брат Навассар изобразил удивление, но призвал ее следовать голосу разума. Значит, и он в заговоре, а то и возглавляет его. Она понимала, что им выгоден человек со стороны, чтобы он опирался на тех, кто привел его к власти. Из хроник она знала, что сообщников рано или поздно отдаляют от трона. Но нигде не упоминалось, как можно быстро подмять под себя три главные силы герцогства - кавалеров, гвардейцев и братьев.

Фалин обещал порядок во всех, даже самых далеких землях; Гаэтано грозился разбить Пандухта и объединить запад и восток; брат Навассар намекал, что если эти планы сбудутся, то Сарисса вновь станет королевством.

- А кто тогда воспрепятствует герцогине объявить себя королевой и основать династию? - вкрадчиво спросил Гаэтано.

Масляный блеск его глаз и задумчивый вид наставника подсказали Зенобии, что при случае любой из них провозгласит себя королем.

После того как она своим именем поможет воплотить их замыслы. Но голова все-таки закружилась. Королевство... Вернуться к легендарным временам, когда Сарисса процветала под спокойными небесами, а Враг еще не начал страшную битву?

- Столь важное решение не может быть принято без одобрения духа-хранителя, - сказала Зенобия. - Дождемся его.

6.

Несколько дней пролетело в мучительных раздумьях. Соблазн был велик. Брат Навассар поведал истории о благочестивых братьях, мудро наставляющих правителей древности для свершения великих дел. Зенобия вскоре догадалась, что Навассар попросту боится сговора маршала и наставника. Объединившись, они могли отодвинуть его. Пожаловалась на головную боль, а когда он удалился, обнаружила, что голова действительно разболелась.

После того как служанки раздели ее, улеглась на широкое ложе. Настало время небесного ока. Боль в висках сжалась, исчезла, пришло умиротворение. Под ней, словно большая рыба в водах Гарсанка, плыла Сарисса. Другая рыба, темная и загадочная, затаилась среди обломков небесного города. Зенобии вновь захотелось приблизиться к ней. Привычно вызвала кружочки, мысленно возложила на них пальцы. Решила поднять око повыше и взглянуть на темную рыбу сверху. Око двигалось медленно и наконец зависло над руинами города. С этого места вид башен-строений, соединенных переходами, показался знакомым. Вспомнила, что картинку с похожими строениями видела в хранилище Кугеля, в книге на непонятном языке. Подивилась такому совпадению, перевела взгляд на рыбу. Отсюда она похожа... все равно на рыбу. Длинное, вытянутое тело, немного сплюснутая хвостовая часть, торчат острые выступы-плавники. Увеличила изображение до предела. В отличие от плавающих обломков, на самой рыбе нет дыр, вмятин или иных повреждений.

Зенобия мысленно спросила - не сам ли это Враг Небесный дремлет среди поверженных воителей? На редкой зеленой сетке, которая всегда возникала, когда она управляла оком, ничего не изменилось. Ближе, еще ближе... Светящиеся линии дернулись, изменили цвет на красный. Око словно боялось приблизиться к рыбе вплотную, сетка и управляющие кружочки исчезли, и око застыло на месте.

Зенобия разочарованно открыла глаза и увидела лишь балдахин над просторной кроватью. Выжди несколько мгновений, заметила бы, как в сторону ока от рыбы метнулась искра.

Следующий день прошел подобно иным. Каждый шаг и вздох надо

продумывать заранее, не говоря уже о словах. Для двора интриги были самой жизнью, Зенобии же приходилось до всего доходить самой. Вечером ждала отдохновения, но вместо того чтобы насладиться привычным видом с высоты, чуть не обмочилась от великого страха, подобного тому, что обуял ее в амбаре.

Она услышала голос. Не тихое щебетание, а раскатистый гром, раскалывающий голову. Боль стала нестерпимой и вдруг исчезла. Голос умолк, но Зенобия знала, что теперь он говорит с ней беззвучно, и она понимает, о чем идет речь. Страх исчез, вернулось любопытство.

Раньше ей казалось, что она смотрит сквозь увеличительное стекло. Теперь в нем не было нужды, она сама превратилась в око. И могла одновременно видеть Сариссу, звезды, солнце, небесный город вблизи. Не сумела найти лишь темную рыбу. Пропали светящаяся сетка и кружочки, и она знала, что в них нет нужды. Стоило подумать о небесном оке - в поле зрения появился ребристый шар, из которого выступала широкая труба. Зенобии казалось, будто из ее тела к шару небесного ока тянется связующая нить. Что все это значит, подумала она, и в следующий миг в нее хлынул, поток картин.

Она увидела свой мир, но людей не было - ни на Сариссе, ни на торговом архипелаге. Паслись стада мелких животных, похожих на вьюков, только четырехногих, в небе парили большие птицы с зубастыми клювам, и вместо лесов сушу покрывала рыжая трава и красноватый кустарник. В небе над Сариссой возник небесный город - шесть огромных башен, связанных между собой переходами. Светящиеся точки окон составляли узоры. От башен отделились рои мелких предметов и устремились вниз.

На другой картине мир изменился: появились зеленые леса, птицы исчезли, четырехногие животные тоже. От башен отделились большие предметы и тоже опустились на поверхность. Из них вышло множество людей, и Зенобия поняла, что правильнее назвать небесный город кораблем, а предметы помельче - лодками. И вот уже на Сариссе появились города и поселки, люди передвигаются между ними на странных повозках без помощи вьюков, в воздухе парят крылатые устройства, а по океану плывут остроносые суда без парусов.

А потом рядом с большим кораблем, похожим на город, появилась черная рыба. Зенобия узнала, что в черном корабле находится только один человек. Не живой, но и не мертвый. Тело его состоит из множества песчинок, каждая песчинка - из более мелких, и это не песчинки вовсе, а «нанобы» - создания, глазу недоступные. Подобно живым существам, они могли размножаться, но так быстро, что ее краткий миг для них равен тысяче тысяч стодневок. Она узнала, что корабль - их творение - прибыл сюда, чтобы вернуть человеку из песка достойное тело. В незапамятные времена они позаимствовали его ради своего выживания, теперь же собирались вернуть долг. Для этого

требовалось устройство, которое находилось на Сариссе.

Возникла картина города: большие дома, похожие друг на друга, ровные дороги, по которым мчатся странные повозки. Под стоящим наособицу приземистым зданием - глубокая шахта, ведущая в огромную пещеру. Пещера разделена стенами на большие площадки, полные странных механизмов. Люди, одетые в белое, копошатся у непонятного устройства, в середине которого нечто, подобное креслу. Зенобия решила: это благочестивые братья, но поняла, что ошиблась - одежда не похожа на балахоны братьев. Устройство испорчено, но в него встроен маячок, подающий невидимые сигналы.

С островов поднялись корабли. Одни из них кружили над черным пришельцем, другие выпустили шары, небесные глаза.

Потом из ослепительно-белых кругов света появились другие, похожие на грубо слепленные сосуды, утыканые иглами. Острия испустили синие лучи, и корабли Сариссы исчезли в огненных вспышках. «Сосуды» распались на мириады яйцеобразных предметов, они облепили темную рыбу, словно гроздь, но им не удалось даже поцарапать ее чешую, а затем нанобы превратили их в себе подобных и растворили в себе.

Появились новые корабли, похожие на длинные кораба, за ними еще - не похожие ни на что. Обменялись ударами, и Зенобия поняла, что так началась небесная битва, где все были врагами всех.

И вот над ее миром плывет скопище больших и малых обломков, а потом начинается огненный дождь. Сарисса лежала в руинах, что уцелело - разрушили мародеры и обезумевшие от страха люди.

Черный корабль не мог улететь - маячок, погребенный под завалами, уцелел и сковывал его волю. Время шло, люди начали строить города, появилась Неопалеста. Замигала красная точка, указывающая, где находится маячок. Это было городское устройство благочестивых братьев.

Зенобия смотрит на расшитый полог кровати. Ей кажется, что ночь прошла, но она еще не начиналась. Она пробует снова вызвать видение, втуне - небесное око ослепло, корабль нанобов завладел управлением. Но сделка заключена. Она поможет кораблю, и нанобы сделают для нее все, что в их силах. Исполнение обещаний запечатлено в их сущностях.

Проходя сквозь внутренние покои, Зенобия подумала, что надо бы привести гобелены в пристойный вид: старая ткань местами расплзлась, часть золотых нитей исчезла под грубыми заплатками.

Ее появление в городском устройении с эскортом из кавалеров и гвардейцев всполошило благочестивых братьев. Настоятелем оказался Далман, племянник Навассара. Зенобия попросила показать

ей устройство. Она собирается организовать несколько новых на севере, но прежде хотела бы познакомиться с жизнью братьев.

Далман провел ее к трапезным, оттуда к кельям, потом в библиотеку. Сквозь галерею вышли в сад, за ним - к огородам и рыбному пруду. Вернувшись, осмотрели зал собраний, спустились в погреба и, поднявшись, снова оказались в библиотеке. Зенобия принялась рассматривать корешки тяжелых инкунабул, искоса поглядывая на Далмана. Брат-настоятель спокойно стоял, заложив пальцы за веревочный пояс.

- Я хочу посмотреть, что за этими книгами.

- За этими книгами всего лишь стена, - раздался голос брата Навассара.

Он неслышно появился в библиотеке и, ласково улыбаясь, подошел к ней.

- Не вынуждай меня приказывать, - негромко сказал Зенобия. - За дверью кавалеры и гвардейцы. Исполни мою просьбу, и мы все уладим.

Быстрый взгляд на Далмана.

- Не он, - сказала Зенобия. - Считай, что дух поведал мне о том, что за книгами. Я не хочу, чтобы нас разделяло недоверие.

Навассар молча вытянул одну из книг. Скрипнули тайные шарниры.

Узкий проход завершился дверью, а за ней открылась пещера. Масляные лампы освещают столы. На них были разложены странные предметы. В дальнем конце пещеры лежали доски, лопаты, кирки... Над большой дырой в полу возвышалась тренога из бревен. В дыру уходили корабельные канаты, намотанные на кабестан. У столов возились двое, переговариваясь на незнакомом языке, похожем одновременно на щебет и мяуканье. Зенобия даже удивилась, что они не в белых ливреях, как те, что работали в подземном городе.

- Герцогиня все узнала бы в должное время, - негромко сказал брат Навассар. -- Торговый архипелаг хорошо платит за предметы Врага. Эти деньги помогают нам сражаться с ним. Справедливо, не так ли?

- Они не похожи на жителей Кносса, - перебила его Зенобия.

- На архипелаге много странных людей, - ответил Навассар. - Эти прибыли на судне, которое не боится бурь. Увы, мы не нашли, где они его прячут. Прижать бы как следует, да торговля расстроится.

Зенобия прошла вдоль стен пещеры, держась подальше от дыры, откуда доносились еле слышные крики и брань. Остановилась у заматанного в парусину большой угловатого предмета.

- Что здесь? - спросила она.

Далман размотал парусину. Двое с Кносса недовольно защебетали.

Это была машина из видения черного корабля. Кресло, похожее на опрокинутый трон, множество суставчатых рычагов-щупалец, выступы, заканчивающиеся вздутиями, круглый шлем в изголовье и блестящие

металлические полосы, идущие от него по всей поверхности, словно позвоночник и ребра...

- Словно трон самого Врага, - пробормотал брат Навассар. - Избавиться бы от него, но пока не дают хорошую цену.

Зенобия медленно обошла машину. Это неработающее устройство должно было дать новое тело человеку из песка. Она знала, что поддержание его жизни отняло много сил и растратило тысячи и тысячи поколений нанобов. Корабль мог создать такую машину, и она вернет жизнь, молодость и красоту любому. Но требовались некие наборы чисел, нанобам неизвестные. Она знала, что среди звезд есть похожие устройства, которые могут преобразить ее. Корабль готов отправиться на их поиски, если отключить маячок в чреве неисправной машины.

Зенобия не винила черный корабль за то, что огненный дождь погубил неисчислимое множество жителей Сариссы. Люди из других миров пытались завладеть тайнами нанобов, они и развязали войну в небесах. Зенобия понимала, что и королевская корона не вернет ей прожитых лет. Но если нанобы смогут сделать ее молодой и красивой, то пусть корона достанется другим.

За спинкой кресла в углублении располагались ряды кружочков-сенсоров. Таких же, как управление небесным оком. Здесь их было столько, что потребовались бы руки трех человек. Перед глазами возникло нужное сочетание, которое погасит маячок. Легкое касание пальцев - три первых в верхнем, два в середине во втором, четыре в третьем. И большой кружок сбоку.

Она не знала, что должно произойти, и не удивилась бы, если бы машина рассыпалась на песчинки или просто исчезла. Но ничего не случилось.

- Я увидела все, что хотела, - сказала Зенобия.

Брат Навассар проводил до дворца, намекнув, что регентскому совету не обязательно знать о делах подземных.

Она вернулась к себе и отослала прислугу. На ее зов корабль откликнулся быстро.

Зенобия требует исполнения обещанного, и видит, как песчинка за песчинкой собирают новое тело. Нанобы сохраняют всю ее сущность до последнего воспоминания. Но в глубине души она ждет подвоха: ее учили, что Враг перехитрит любого хитреца.

Зенобия видит, как рядом с мужчиной возникает женщина - в теле, которому позавидует любая красотка. Проснувшись, полная сил и желаний, она станет желанной для других. Ради этого Зенобия готова расстаться с постылым телом, умереть на Сариссе для новой жизни.

И она воет от разочарования, когда открывает глаза и видит истертую ткань балдахина на герцогском ложе. Нанобы не обманули, Зенобия

видит иным зрением, как большая черная рыба медленно выплывает из разрушенного небесного города и исчезает в фиолетовой вспышке. И та, спящая в новом теле Зенобия, исчезает вместе с ним.

Старая королева закрывает глаза и пытается заснуть. Однажды ей было видение, в котором она увидела себя в чреве небесной рыбы рядом с человеком из песка. Корабль чудовищно вырос, он лежит под солнцем незнакомого мира на вершине огромного утеса, посреди долины, окруженной горами. Время пробуждения не пришло, скажет черный корабль, но спросить, а настанет ли оно когда-либо, Зенобия не успеет, связь прервется, и она погрузится в сон.

Ей снился Цимбелин. Лодка вошла в бухточку у маяка, наверху старый отец натирает зеркало, а ее суженый взбегает легко и весело по скрипучим деревянным ступеням, и она, раскрыв объятия, бежит ему навстречу...

Сергей ШИКАРЕВ

ПЕРСПЕКТИВА РЕТРОСПЕКТИВЫ

В те далекие времена, когда еще не все в мире пахло нефтью, моря и океаны бороздили парусные суда и чайные клиперы, а над землями Британской империи никогда не заходило солнце, грядущее казалось прекрасным и безоблачным. Сегодня, когда действительность не оправдала высоких ожиданий, оказалось, что радужные картины не обязательно связывать с грядущими столетиями. У вновь обнаруженного золотого века появились свои певцы, восславившие дух времени и олицетворяющую его технологию паровых машин. Одному из самых популярных субжанров НФ последних двух десятилетий посвящен обзор нашего критика.

Истоки паропанка восходят к работам калифорнийского кружка, сложившегося вокруг Филипа Дика, а конкретнее, к двум персонажам этого общества - К.У.Джетеру и Тиму Пауэрсу. Первый в романе «Ночь морлоков» (1979), основанном на известном сюжете Герберта Уэллса, описывает противостояние Мерлина и морлоков в Британии 1892 года. Второй во «Вратах Анубиса» (1983) отправляет в прошлое нашего современника - специалиста по творчеству поэта Уильяма Эшблесса (выдуманный персонаж, появляющийся и в книгах Джеймса Блейлока), чтобы в итоге выяснить, что сам Эшблессом и является.

Энциклопедия Крюта к авторам «паропанка» причисляет и двух английских писателей: Кристофера Приста, чья «Машина пространства» (1976) базируется на мотивах сразу двух книг Уэллса - «Машины времени» и «Войны миров», и Майкла Муркока, чья серия «Кочевники времени» рассказывает о приключениях Освальда Бастейбла и многочисленных исторических персонажей в мире Британской империи, сохранившей свое господство и во второй половине XX века. К числу предшественников паропанка следует добавить и роман Гарри Гаррисона «Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура!» (1972), в котором рассказывается о грандиозном проекте, должном связать Британскую империю со своей заокеанской колонией. Хотя действие книги и происходит в семидесятых годах прошлого века, общественные устои наследуют викторианским традициям.

Для большинства названных книг характерны одни и те же локации. Место действия - Лондон (в дальнейшем - промышленно развитый мегаполис, основной «пункт назначения» стимпанковских произведений). Время действия - XIX век, правление королевы Александрины Виктории.

Восьмидесятые стали временем победившего киберпанка. Неудивительно, что авторы, воспевавшие викторианскую Англию, противопоставляли себя тем, кто писал о компьютерах и виртуальной реальности. К.У.Джетер, анализируя в одном из номеров «Локуса» за 1987 год собственный роман «Адские устройства» (1987) с дивным подзаголовком «сумасшедшая викторианская фантазия», заметил, что для характеристики творчества таких авторов, как Пауэрс, Блейлок и, собственно, Джетер, необходим специальный термин, основывающийся на технологиях излюбленной эпохи. И термин этот Джетер же и предложил - «паропанк» («стимпанк»).

Забавно, но едва Ли не самое известное произведение паропанка, роман «Машина развлечений» (1990), вскоре после локусовской публикации создали эстетические противники - отцы-основатели киберпанка Гибсон и Стерлинг. Они сделали паровые технологии не просто моментом повествования, но и его сюжетообразующим элементом. Лондонские дома снабжены паровым отоплением, в театральных залах сменяют друг друга кинотропические представления, а главное, без усталости работают паровые вычислители (название книги отсылает к разностной машине Чарлза Бэббиджа - первому прототипу современных компьютеров), персональная информация собирается в правительственных индексах и на перфокартах, а клакеры играючи справляются со сложными устройствами.

Одним словом, дуэт Гибсона и Стерлинга нарисовал впечатляющую картину информационного общества в «викторианских одеяниях». При

этом в роман вплетены и анахронизмы, и приметы современной реальности: форма хаки на английских солдатах периода Крымской войны и сделанные в Японии искусные механизмы. В целом роман является вторжением традиционных тем и мотивов киберпанка в пространство Жюль Верна. Убедительная демонстрация альтернативных технологий добавляет к определению паропанка еще одну характерную черту.

Миттельшпиль

Уже в первую пятилетку 1990-х во временную брешь, проделанную первопроходцами паропанка, устремились и другие авторы. Первым поспешил застолбить свою сотку на поле поджанра Пол ди Филиппе. Вышедший в 1995 году сборник из трех новелл он озаглавил просто, без изысков - «Стимпанк Трилогия» (1995). Зато в самих текстах фантазия автора разыгралась будь здоров! В пространстве его рассказов соседствуют паровозы на урановом топливе и машины для перемещения в загробный мир; место королевы Виктории занимает искусственно выращенная самка тритона-скрытожаберника, а тевтонский рыцарь, фанатично отстаивающий чистоту арийской крови, гибнет, пронзенный швейной машинкой, некогда бывшей меч-рыбой. Не забывает ди Филиппе и об американском континенте, сталкивая лицом к лицу прославленных поэтов Эмили Дикинсон, Уолта Уитмена и Эзру Паунда.

Произведения ди Филиппе убедительно доказывают, что паропанк не обязан быть разновидностью альтернативной истории. Нил Стивенсон в «Алмазном веке» (1995) пошел дальше и перенес реалии викторианского общества в близкое будущее, свободно оперирующее уже не паро-, а нанотехнологиями.

Художественные возможности паропанка развивает не менее щедрый на яркие визуальные и провокационные образы Чайна Мьевиль, отнеся действие нью-кробюзонского цикла (на сегодняшний день включает в себя романы «Вокзал потерянных снов», «Шрам» и «Железный совет», 2000-2004) в выдуманный мир Бас-Лага. Впрочем, от перемены места действия социальная и политическая критика Мьевеля, известного левыми политическими взглядами, не стала менее острой и злободневной.

Книги Джея Лейка описывают мир, воплощающий представления Ньютона о Вселенной как о механизме. Причем в буквальном смысле: Земля, разделяемая Экваториальной стеной, движется вокруг Солнца по рельсам. Но наша планета может остановиться, потому ученик часового мастера Хетор должен найти Ключ, чтобы завести ее снова. На сегодняшний день цикл включает романы «Ходовая пружина»

(2007) и «Регулятор хода» (2008), а вскоре должна выйти завершающая книга трилогии - «Шестеренка».

В вымышленном мире развиваются действия книг Стивена Ханта «Небесный суд» (2007) и «Заморское королевство» (2008), хотя расстановка сил напоминает об историческом противостоянии Англии и Франции, а атмосфера романов пропитана не столько духом викторианской Англии, сколько произведениями Диккенса и, чуть позже, Жюль Верна. В «Левиафане» (2009) Скотта Вестерфельда сталкиваются в мировой войне европейские державы, вооруженные паровыми технологиями. А в книге Чери Прист «Костотряс» (2009) действие происходит в Северной Америке времен золотой лихорадки после того, как Сиэтл, частично разрушенный странной машиной сумасшедшего ученого Левитикуса Блю, населяют зомби.

Антология «Паропанк» (2008), составленная Джеффом и Энн Вандермеер, демонстрирует условность жанровых границ и определений. Тематический сборник объединил таких разных авторов, как Тэд Чан, Пол ди Филиппе, Майкл Муркок, Нил Стивенсон, Джеймс Блейлок, Йэн Маклеод и Майкл Чабон.

Иногда авторы не прочь отступить от устоявшихся канонов жанра. Гордон Далквист в «Стеклянных книгах пожирателей снов» (2006) и последующем продолжении «Темный свиток» (2009) описывает не альтернативные технологии, а магический процесс, преображающий людей и похищающий их воспоминания. В книге «Anno Dracula» (1992) - первой из одноименного сериала Кима Ньюмена - описывается мир, в котором граф Дракула становится мужем королевы Виктории и правит Британской империей. В качестве персонажей цикла фигурируют известные исторические фигуры и литературные персонажи.

Историю о полрой Земле (тема, которую отработали еще Конан Дойль и Жюль Верн) рассказал Джеймс Блейлок в «Подземном левиафане» (1984). В этом же ряду стоит упомянуть и два других его романа - «Гомункулус» (1986) и «Машина лорда Кельвина» (1992).

В романе «Антилед» (1993) Стивена Бакстера рассказывается об индустриальной революции, движимой силой не пара, а антильда - вещества, открытого на Южном полюсе. Автор находит новому виду энергии не только военное (Англия выигрывает Крымскую войну после появления над Севастополем характерного грибообразного облака), но и космическое применение. Причем сцены космического путешествия на Луну экипажа корабля «Фаэтон» напрямую отсылают к «лунным» романам Верна и Уэллса.

Подобные литературные реминисценции для паропанка являются делом обычным, почти обязательным. Нередко фантасты напрямую обращаются не только к творчеству, но и к биографиям Чарльза Диккенса, Артура Конан Дойля, Уилки Коллинза, Брэма Стокера... Недавний роман Дэна Симмонса «Друд» (2009) по-новому рассказал

биографию Диккенса и о его взаимоотношениях с Уилки Коллинзом. Название книги прямо отсылает к так и не законченному произведению Диккенса. Причудливо смешались творчество Конан Дойля и лавкрафтовские мотивы в антологии Майкла Ривза и Джона Пилана «Тени над Бейкер-стрит» (2003), из которой отечественному читателю знаком рассказ Нила Геймана «Этюд в изумрудных тонах».

Автор «Шерлока Холмса» является и персонажем рассказа с киплингскими интонациями «Сержант Ее Величества» (2005) Марии Галиной. Но в целом в русскоязычной НФ паропанк как-то не особенно прижился. Из наиболее заметных текстов назовем эпическую трилогию «Алюмен» Г.Л.Олди и Андрея Валентинова, роман «Пересмешник» (2009) Алексея Пехова, действие которого происходит в фэнтезийном мире Рапгара, и самобытный рассказ Шимуна Врочека «Ужасный механический человек Джона Керлингтона» (2007), описывающий историю времен войны Севера и Юга.

Возвращаясь к теме использования литературных героев в произведениях паропанка, невозможно не упомянуть многотомный цикл графических романов «Лига выдающихся джентльменов» Алана Мура и Кевина О'Нила, в котором собраны самые популярные литературные персонажи прошлого - Аллан Квотермейн, капитан Немо, Человек-невидимка, доктор Джекил, Джон Картер, братья Холмсы и Филеас Фогг.

Популярность стимпанка стремительно выплеснулась со страниц книг на иные просторы - кинематограф, мультипликацию, комикс... Это направление породило множество ответвлений, самое известное из которых - дизельпанк.

Впрочем, фантастикой дело не ограничилось: ретрофутуризм, винтаж, римейки. Прошлое все агрессивнее вторгается в современность. Почему же ретроспекция стала так популярна?

Цейтнот

Мы живем не то в прекрасное, не то в злосчастное время, но определенно - беспокойное. Прошло уже сорок лет после выхода «Футурошока» (1970), в котором Элвин Тоффлер предупреждал о неизбежном возрастании скорости перемен, вызванных научно-техническим прогрессом и проникновением в общество порожденных НТР инноваций. Пусть некоторые из перемен и носят косметический характер, а другие, такие, например, как GPS-навигация и «дополненная реальность», еще не проявили себя в полной мере, все же очевидно: за два-три десятилетия развития компьютеров и мобильной связи общество изменилось сильнее, чем за тот же срок в любую из предшествовавших эпох.

Кто бы мог предположить, что вместе с настоящим столь же стремительно будут меняться и наши представления о будущем. За те же несколько десятилетий космические декорации для будущего человечества сменились виртуальными. А тем на смену в ближайшее время придут биотехнологические. К слову, расторопный ди Филиппе и тут преуспел, выпустив сборник рассказов с красноречивым названием «Рибофанк» еще в 1996 году.

Стоит ли удивляться нарастающему стремлению повернуть время вспять и вспомнить эпоху размеренности и упорядоченности, когда мир был более простым и открытым!

Неудивительно и то, что объектом ностальгии стала именно Викторианская эпоха. Время, когда, по расхожему выражению, «солнце не заходило над Британской империей» (впрочем, ирландцы всегда саркастически добавляли: это оттого что «Бог не доверяет англичанам и не хочет оставлять их одних в темноте»).

Действительно, в мире почти не осталось «белых пятен» - земные ландшафты, за исключением самых труднодоступных районов, были изучены и нанесены на карту. Более того, от изучения пространства человек перешел к активному его освоению и преобразению (в XX веке этот импульс продолжился уже в виде космической экспансии)*⁴. Особо показательно стремительное развитие сети железных дорог. Например, в США в 1830 году насчитывалось 64 километра железных дорог, а всего за десять лет были построены еще четыре с половиной тысячи километров. Если известный роман Верна «Вокруг света за 80 дней» и является художественным преувеличением, то совершенно незначительным. При этом осваиваемые просторы были вполне доступны и открыты для путешественников - нелегальная миграция и террористические угрозы еще не получили распространения. Французский социолог Андре Зигфрид писал о том, что в конце XIX века он совершил кругосветное путешествие, имея в качестве удостоверения личности только визитные карточки.

Идеализировать эпоху не стоит: естественно, такими возможностями обладали не все. Характерной чертой викторианского общества была жесткая социальная иерархия, поддерживаемая моральным кодексом строителя империализма и отягощенная бременем белого человека. Впрочем, развитие науки и техники подстегнуло и социальные инновации. Для молодых людей, сведущих в науке и поднатворивших в технике, открывались широкие просторы для деятельности и карьеры. Показателен охвативший Америку бум изобретательства, по поводу которого ехидно высказывался Марк Твен, сам ставший его жертвой.

⁴ * *Подробнее о географической фантастике читайте в статье Г. Елисейева и С. Шикарева «На суше и на море» в «Если» № 2 за 2007 год. (Здесь и далее прим. авт.)*

Изобретатели и инженеры становились героями, а у героев всегда есть подражатели и последователи.

Инженеры и изобретатели - молодые профессионалы, яппи XIX века стремились изменить или хотя бы усовершенствовать мир, и, что нечасто случается, общество поддерживало или, по крайней мере, не противодействовало их попыткам, связывая с ними надежды на светлое будущее. Не случайно обустройством жизни на «таинственном острове» занимался инженер Сайрес Смит (позднее схожие технократические ноты, хотя уже и не в столь благостных интонациях, зазвучат в «Машине различий»).

Символами новой эпохи стали всемирные выставки, начало которым положила лондонская выставка 1851 года с Хрустальным дворцом. Спустя четыре года французы ответили на вызов, построив специально для парижской выставки Дворец индустрии. На этих смотрах достижений мирового хозяйства научная, техническая и промышленная тематики играли ведущую роль.

Что ж, мир, в котором мы живем, создан пресловутой НТР, которая, как и всякая революция, разрушила прежний порядок, в том числе и социальный, но возложенных на нее надежд не оправдала. Как говорил Илья Ильф: радио есть, а счастья нет.

Вообще, иллюзия всеобщего благоденствия, достигаемого за счет научно-технического прогресса, напоминает историю шахматного автомата «Турок», созданного еще до наступления парового века. «Турок» прославился дважды: сначала как искусный механизм, одержавший победу над многими знаменитыми шахматистами, а затем как удивительный фокус: машина скрывала внутри умелого игрока. Достоверная демонстрация того, что в центре любых технологических новаций находится человек.

Разочарованность настоящим, усугубляемая всевозможными кризисами, катастрофами и катаклизмами, закономерно привела к ностальгии о временах более размеренных и безопасных, когда вода была чище, а трава зеленее. Обратим внимание, что время становления паропанка совпадает с окончанием самых благополучных десятилетий XX века. А разочарованность в так и не наступившем будущем и несбывшихся мечтах опрокинула золотой век в прошлое.

Эндшпиль?

Понятие прогресса как последовательного и постоянного во времени улучшения непосредственно связано с одной из ключевых тем НФ - темой Будущего. Именно появление представлений о возможных образах грядущего ознаменовало окончательный разрыв

закольцованного «магического» времени*⁵, после чего цивилизация зашагала вперед - в то самое прекрасное далеко. Отметим, что исчезновение магического времени происходило постепенно. Сначала появилось осознание прошлого как исторического процесса, и Геродот стал Отцом Истории. Однако представление о будущем появилось позднее. И воображаемые миры, и идеальные государства еще долгое время существовали не во временном, а в пространственном измерении. На это указывает и термин «утопия» - место, которого нет.

Появление идеи прогресса традиционно связывают с ранними христианскими мыслителями. Речь идет в первую очередь о «Граде Божьем» святого Августина, который впервые заговорил о едином для всего человечества линейном времени и указал на роль материального и духовного прогресса в христианстве. Однако является прогресс детерминантом (закономерной и неотъемлемой чертой) человеческой истории или случайной флуктуацией?

Жизненный опыт убеждает нас в постоянстве прогресса. Как писал Чехов, «я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная».

Однако на рубеже тысячелетий всерьез заговорили о конце истории, объявленном в 1992 году Фрэнсисом Фукуямой применительно к политической идеологии, и о конце науки. История последующих десятилетий доказала сомневающимся свое существование, однако идея прогресса вообще и прогресса научно-технического в частности на сегодняшний день абсолютно безоговорочной уже не является.

Социальные сомнения отразились в текстах. Например, книга Майкла Суэнвика «Джек/Фауст» (1997) представляет читателю сжатую в несколько лет историю перехода от феодального общества к индустриальному обществу массового производства и массового же потребления, и заканчивается повествование весьма печально.

Чем же вызвана особая популярность паропанка, густо замешанного на альтернативных технологиях, современном образе мыслей и исторических реалиях Викторианской эпохи? Может быть, дело в том, что действие большинства жанровых текстов происходит в ключевое для современной цивилизации время - во второй половине длинного, по выражению историка Эрика Хобсбаума, XIX века, начавшегося с Великой французской революции и завершившегося с началом Первой мировой войны?

Именно тогда сложились все предпосылки для становления основных контуров современного мира: урбанизация, развитие науки, промышленности и капитала. Стоит все же отметить, что

⁵ * *Подробнее - в статье Марии Галиной «Стрела и круг» в «Если» № 4 за 2005 год.*

первопричины возникновения современной системы мира относятся к более раннему периоду. Совсем неслучайно Нил Стивенсон отнес действие своего «Барочного цикла» в середину XVII - начало XVIII века. Кстати, было бы любопытно сравнить творчество Стивенсона и Стерлинга - двух масштабных мыслителей современной НФ. В то время как первый сосредоточен на анализе современной цивилизации и ее истоков, уходя «в глубь веков», другой обращен к синтезу тенденций развития общества, формируя из них варианты нашего ближайшего (и не очень) будущего. Объединяет же обоих писателей подчеркнутый «научоцентризм»: без науки нам из этого не выбраться.

Произведения ретроспективной НФ описывают различные сценарии развития человечества и создают своего рода художественный инструментарий для моделирования тех или иных вариантов развития науки, технологий и цивилизации. Стоит упомянуть роман Майкла Флинна «В стране слепых» (1990), базирующийся на распространенной идее раннего создания счетных машин. Вместо развития темы альтернативных технологий Флинн приводит любопытные размышления о закономерностях человеческой истории и возможности управления развитием общества - увы, в завершение книги автор перешел к тривиальному триллеру с убийствами и шпионскими играми.

Но двинувшееся было в направлении ретроспекции время не замыкается ли вновь во «второе магическое»? Третий закон Кларка вполне может указывать на частичное возвращение магического времени, для которого характерно не только движение по кругу, но и установление симпатического сродства предметов и явлений без определения, без скрепляющих их причинно-следственных связей, принципов и закономерностей. Наука не справляется с разъяснением собственных достижений и принципов мироустройства, а понимание или хотя бы истолкование таковых является одной из базовых потребностей человека. Научная картина мира на обыденном уровне уступает свои позиции сознанию совершенно магического типа - потребляющего плоды научно-технического прогресса и мало задумывающегося об их природе.

Не будем затрудняться умозрительными рассуждениями о том, насколько человек понимает или хотя бы интересуется принципами работы мобильной связи и навигационных спутников. Укажем лишь на очевидное каждому читателю соотношение НФ-книг и книг в жанре фэнтези, чья популярность в дополнение к вышеназванному распространению «магического сознания» основана на тех же предпосылках, что и паропанк, и другие произведения ретроспективной фантастики: неудовлетворенность настоящим и поиск альтернативы для человечества.

* * *

Притягательность прошлого понятна. Однако между пленительными, но зачастую иллюзорными и сконструированными воспоминаниями и нечеткими очертаниями грядущего выбор должен быть сделан в пользу блистательного будущего.

Рецензии

РЕЦЕНЗИИ

Г.Л.ОЛДИ

СМЕХ ДРАКОНА

Москва: Эксмо, 2010. - 416 с.

(Серия «Стрела Времени»).

8100 экз.

Новый сборник харьковского дуэта включает ряд текстов, стихотворений и критических статей, опубликованных в центральной периодике и книжных изданиях последних лет. Заглавный рассказ входит в цикл историй, действие которых разворачивается в одном и том же вымышленном мире. Несмотря на обилие волшебства, проблематика фэнтезийного раздела обращена к социально-этическим вопросам искупления и ответственности. Подобное идейное наполнение характерно для миров, выходящих из-под пера уже киевского дуэта - М. и С. Дяченко. Ни магия, ни ловкость в обращении с мечом, ни покровительство древних богов не может спасти героев цикла «Смех дракона» от самих себя.

Цикл «Тени моего города» посвящен мистической изнанке Харькова. Привычная реальность, приправленная вымыслом, раскрывается перед читателями в различных литературных ампулах - от бодрого сатирического рассказа «Семь смертных» до пронзительной философской повести «На том берегу».

Следующий раздел - «Кое-что о вампирах» - оценят любители жанровой сатиры. Ряд тематических миниатюр («О женщинах», «О провидцах», «О драконах» и, конечно, «О вампирах») демонстрирует, что Олди - автор, равно хорошо владеющий разнообразными способами подачи литературного материала.

В сборник вошли большая подборка стихов Олега Ладыженского «Неравнозначье», а также ряд художественно-публицистических работ харьковского дуэта под общим названием «Мужество похвалы».

Если роман можно назвать хлебом насущным любого автора, то

представленные в сборнике произведения - мука для этого хлеба. Концепции, мысли, заметки на полях, подсмотренные типажи и мимолетные образы дают поклонникам отличный шанс проследить творческую эволюцию любимого писателя, заглянуть за скобки иллюзорного мира и увидеть творца.

Николай Калиниченко

Алексей ПЕХОВ

СТРАЖ

Москва: Альфа-Книга, 2010. - 407 с.

(Серия «Фантастический боевик»).

55 000 экз.

Алексей Пехов склонен выбирать для своих героев не самые тривиальные занятия. Нет бы написать об обычном маге или, на худой конец, паладине, спасителе сирот и утешителе плачущих вдов. У Пехова же в любимчиках - то воры, а то и вовсе наемные убийцы. Вот и Людвиг ван Нормайенн, герой «Стража», избрал себе не самую простую жизненную стезю. Он охотник на «темные» души, на тех грешников, что слишком боятся посмертного суда и преисподней, а потому остаются на земле, питаюсь энергией живых. Людвиг выслеживает таких покойников и отправляет их в мир иной.

Подобное занятие для героев фэнтезийных книг, разумеется, не в новинку. Читатели наверняка вспомнят роман Танит Ли «Убийца мертвых», герой которого также охотился за неуспокоившимися душами. Отличие книги Пехова заключается в том, что развитие событий «Стража» происходит на фоне детально разработанного альтернативного мира со своей историей и географией, но при этом являющегося вполне христианским. В этой реальности Христос явился, правда, не в Палестине, а в местной стране, называвшейся Арафеей, но успех его проповеди тоже оказался определяющим для развития истории. Христианство в его католической версии стало доминирующей религией в мире «Стража», здесь есть даже местный папа. Охотники на неусмирённых мертвецов не враждуют с церковниками, а охотно используют в сложных случаях помощь инквизиторов, одолевающих демонов силой веры и молитвы.

Роман разбит на шесть внешне независимых историй, однако события, случившиеся в одной из них, часто упоминаются в другой, поэтому перед нами не цикл рассказов, а именно роман, хотя и с нарочито ослабленной сюжетной конструкцией. Книга написана легко, отличным языком, читается с интересом, а открытый финал позволяет автору при желании как покончить с героем и его миром в одном томе,

так и продолжить историю.

Глеб Елисеев

Уильям Хоуп ХОДЖСОН

ДОМ В ПОРУБЕЖЬЕ

Москва: Вече, 2010. - 320 с.

Пер. с англ. Ю.Соколова, Ю.Евтушенкова

(Серия «Мастера мистической прозы»).

3000 экз.

Третий том сочинений классика английской мистики начала XX века У.Х.Ходжсона включает небольшой роман «Дом в порубежье», впервые изданный на английском в 1908 году. Это произведение считается одной из вершин творчества Ходжсона - наряду с уже знакомой нашему читателю «Ночной землей». Небольшой объем романа позволил дополнить издание несколькими «морскими» рассказами Ходжсона.

С «Ночной землей», написанной Ходжсоном ранее, но изданной на четыре года позже рецензируемого романа, «Дом в порубежье» роднит многое. На страницах этого романа мы также находим астральные странствия, мрачные образы гнетущих человека потусторонних сил, видения далекого будущего, напрямую, кстати, перекликающиеся с «Ночной землей»... Однако заметны и отличия. Если в последней критике видят зародыш «вторичных миров» литературы фэнтези, то «Дом...» - более традиционный для британцев той эпохи мистический роман, очень близкий современному хоррору. Здесь мост в неведомое перекидывается не из ренессансного прошлого, а из викторианского почти-настоящего, и нет вычурных языковых опытов, изрядно отяготивших судьбу «Ночной земли».

С другой же стороны, именно в этом тексте вполне раскрывается причудливая философия автора, картина мира, отразившаяся и в «Ночной земле», и во многих рассказах. Здесь странным образом переплелись христианские истины, усвоенные в доме отца-священника, научные и псевдонаучные представления рубежа веков и характерное для эры декадентов ощущение ничтожности и обреченности человека. Ходжсон тщится увидеть самого Бога (и дьявола), бросая вызов дантовским прозрениям загробного мира... Но, как оговаривает сам автор, читатель с более скромными запросами разочарованным не останется. Ибо таковому писатель совершенно честно обещал «просто захватывающее и ужасающее повествование».

Сергей Алексеев

Гарри ГАРРИСОН
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТАЛЬНОЙ КРЫСЫ
Москва: Эксмо, 2010. - 320 с.
Пер. с англ. А. Филонова
(Серия «Стальная Крыса»).
15 100 экз.

Приятно бывает окунуться в прошлое, подернутое флером сентиментальной и ностальгической лакировки, - в те почти сказочные времена, когда и НФ была проще, и ее герои творили невероятные дела, а звездолеты заправлялись гравитонами на космических заправочных станциях и добраться от одного конца Галактики до другого было не сложнее, чем перейти улицу. В эти-то сказочно-былинные 1950-е годы Г.Гаррисон и создал одного из самых известных своих героев - Джима ди Гриза, прозванного Стальной Крысой. Сериал о его похождениях до последнего времени состоял из одиннадцати книг. Теперь же на свет появилась и двенадцатая. И, кажется, опять не финальная.

На сей раз ди Гриз вместо спасения Галактики занимается делами своих родственников с аграрной планеты Райский Уголок, той самой, где начинается действие романа «Рождение Стальной Крысы». Однажды к наслаждающемуся заслуженным отдыхом Джиму и его супруге Анжелине заявился Эльмо, непутевый кузен Крысы, с ручным свинообразом Розы на поводке (для тех, кто не в курсе: свинообразы - это помесь свиньи и дикобраза, основа всего животноводства Райского Уголка). Эльмо и куча его сородичей вместе с целым стадом свинообразов решили покинуть родину, дабы начать где-нибудь новую счастливую жизнь. И вот теперь бывший галактический мошенник и лучший агент Спецкорпуса вынужден подыскивать подходящую новую планету мигрантам свинообразоводам по всему Млечному Пути.

Как и полагается в любом из романов цикла, с самого начала путешествия все пошло наперекосяк, и Джиму ди Гризу вместе с его подопечными пришлось пережить массу неприятных происшествий на множестве миров. Гаррисон не стал изобретать ничего нового, созданная им вселенная в наше время заметно отдает нафталином, однако читаются новые приключения Стальной Крысы все так же захватывающе и весело.

Игорь Гонтов

Одри НИФФЕНЕГГЕР

СОРАЗМЕРНЫЙ ОБРАЗ МОЙ
Москва: Эксмо, 2010. -560 с.
Пер. с англ. Е. Петровой
(Серия «Книга, покорившая мир»).
10 000 экз.

Современная массовая литература стремительно творит кумиров. Художница и искусствовед О.Ниффенеггер оказалась в разряде если не классиков, то фигур первого ряда сразу же после выхода дебютной книги «Жена путешественника во времени». В настоящее время роман уже экранизирован, причем фильм принес более чем тройную прибыль. Хороший фон для выхода нового произведения. Сумма полученного автором аванса обсуждалась в прессе не менее бурно, чем сюжет второго романа.

«Жена путешественника...» - синтез сентиментальной дамской прозы, которой Одри отдает явное предпочтение, с условной научной фантастикой. То, что последняя была лишь приемом, позволяющим «иначе» поговорить о человеческих чувствах, Ниффенеггер не уставала подчеркивать. Таким приемом, «бонусом», во второй книге стала фантастика мистическая. «История о доме с привидением», как повод поговорить о женской любви, об эгоизме и самоотверженности, а по ходу об эмоциональной бедности мужчин... Одним словом, смесь дамского (очень дамского) романа с мистикой. При этом ни один из атрибутов мистики - будь то собственно призрак, стремящийся любой ценой вернуться в жизнь и любовь, либо мрачные знаки или воскрешение трупа - и близко не подводит роман к ощущению хоррора. Впрочем, не для того он и писался.

Нельзя не признать и того, что сплетение двух разнородных составляющих иногда ставит повествование на грань абсурда. При этом сюжет по-своему глубок, а финал его далек от классического хеппи-энда. Запрос на такие творения есть - благо аудиторию свою Ниффенеггер уже нашла, и даже рискованное соседство с давно питающимися на «дамско-мистической» деланке любительницами вампиров едва ли повредит отдаче. Видимо, то, что «иконы хоррора» становятся все чаще предметом нежно-лирического обожания, свидетельствует об общем смягчении нравов...

Сергей Алексеев

Кирилл БЕНЕДИКТОВ
БЛОКАДА-2.
КНИГА 2. ТЕНЬ ЗИГФРИДА
Москва: АСТ - Этногенез, 2010. - 272 с.

60 000 экз.

Работы К.Бенедиктова отличают яркость образной проработки и внимание к деталям. Действующие лица «Блокады-2» очень разные и по своему характеру, и по значимости. В сравнении с первым романом здесь куда больше побочных персонажей. Внимание автора переместилось с сильных мира сего на простых граждан, участников и жертв самого ужасающего военного конфликта XX века.

В ряде коротких зарисовок ярко и страшно показан блокадный Ленинград. Чудовищные в своей незамысловатости сцены из жизни умирающего города демонстрируют, насколько емким может быть простое слово «подвиг». В то же время автор рисует мирный тыл и столицу, почти вернувшуюся к обычному ритму жизни.

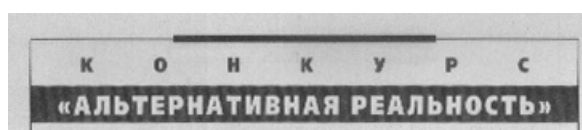
Для Льва Гумилева, покинувшего лагерный ад, идиллическая подмосковная весна вдвойне прекрасна. На пути теоретика пассионарных толчков появляется медсестра Катя. Собранные вместе обладатели необычных способностей готовятся к миссии в логове врага.

Двигателем для второй сюжетной линии служит группа немецких диверсантов, проникших в Ленинград с целью отыскать Льва Гумилева.

Другая особенность работ Бенедиктова - непредвзятость в описании персонажей по разные линии фронта. С одной стороны, автор ни на секунду не забывает, что человека, на какой бы стороне он ни был, прежде всего характеризуют личные качества, и в то же время демонстрирует, насколько чудовищными могут быть поступки людей, одержимых идеей расового превосходства. Автор достаточно четко декларирует свое негативное отношение к имеющей место романтизации нацизма.

Подводя итог, можно сказать, что вторая часть цикла «Блокада» не менее интересна и увлекательна, чем стартовая книга. Нам остается только запастись терпением и дождаться эндшпиля этой необычной партии.

Николай Калиниченко

**КОНКУРС
«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**

Дорогие друзья!

Творчески освоив массив присланной на конкурс почты, жюри увидело некую закономерность: рельеф куличиков в нашей с вами песочнице весьма точно повторяет складки местности большой фантастики. Выразимся точнее: вал огромен, а с идеями - беда. Понимаем, что бледность общего фона запутывает молодых авторов, некоторые из которых полагают, что смогут написать ничуть не хуже. Нет, друзья, равняться будем на лучших, покорять - звездные высоты. К этому побуждают сами условия «Альтернативной реальности» (предъявить достойный литературный уровень, предложить оригинальную фантастическую идею или нетривиальную разработку классической темы, продемонстрировать умение выстроить сюжет).

И все же кое-что жюри отобрать удалось. В финал вышли Н.Болдырева из Ростова-на-Дону и А.Ясинский из Пятигорска. Победителем стал В.Бабышев.

Бабышев Вячеслав Юрьевич родился в 1984 году. Окончил Томский государственный университет по специальности «финансы и кредит», работает преподавателем банковского дела в Хакасском государственном университете, с детства увлекается научной фантастикой, любимые писатели - Брэдбери, Азимов, Жюль Верн и Джордж Мартин. Первая публикация - рассказ «Освобождение» в «Уральском следопыте» (2009). В настоящее время живет в Абакане.

Жюри конкурса

ВЯЧЕСЛАВ БАБЫШЕВ

МИР ИЛЛЮЗИЙ

Как хорошо, что мы заблудились! Солнца обжигают, ослепляют светом. Чувствуешь, как пустыня выгоняет из тела холод лесов и высушивает, испаряет влагу. Простор неохватный, окрыляющий. Воздух сухой, легкий: не надышишься! Скалы безжизненные, чистые. А вода! Не мутная, противная, переполненная насекомыми и плесенью, покрытая жирной зеленоватой пеной из миллиардов органических останков, а чистая, прозрачная, вкусная. Пить, пить, пить до рези в животе, до тошноты и не напиться! Класс! Тишина - вечная, спокойная. Твердый надежный камень вместо зыбких болотистых почв. Свободные, широкие проходы между скал, а не густое бесконечное переплетение упругих толстых лиан. Рассыпавшиеся по пустыне люди бесшумно мелькают среди скал. Молчат по привычке. Еще не поняли,

не поверили: здесь нет хищников. И никуда не надо торопиться, убегать, догонять! Хочешь - иди, хочешь - лежи хоть весь день. Поднять голову, распрямить плечи, идти по чистым камням, а не ползти по грязной липкой земле. Неторопливо рассматривать каждый камень, а не испуганно озираться по сторонам. Как неохота возвращаться домой!

Темно-синее непроницаемое небо без единого облака. Ветра нет. Вонзающиеся в небо широкие световые столбы. Концентрические круги окружают маленькие белые солнца. Затмевающая все другие источники света многоугольная загадочная фигура в центре небосклона. Источники света неподвижно висят в небе вот уже... ну, часов пять мы в этом мире точно находимся. Сгустившиеся в высоких облаках ледяные кристаллы иногда преломляют свет и порождают необычные атмосферные явления. Только интересно, почему не видно перистых облаков? Густая синева - что это: природный цвет неба или однородные облака? Скорее всего, облака - граница между источниками света и остальным небом очень резкая. Почему источники света неподвижны? Неужели вращение нового мира такое медленное? Вся картина сильно напоминает гигантскую пещеру с громадными светящимися кристаллами причудливой формы. Но... Маленькое «но» полностью разрушало логичный вывод. Солнца не только светят, но и греют. Их яркость постепенно увеличивается. Значит, все-таки не пещера. Неужели неподвижная планета? Вряд ли. Скорее, очень медленное вращение. Странно. Куда же мы все-таки попали?

Деревья в лесу, стены в пещерах и скалы в пустыне порождали особое эхо: первый слог накладывался на второй, первый и второй - на третий и т.д. Поэтому жители лесов с детства привыкли разговаривать отдельными слогами с длинными паузами. Для удобства читателей прямая речь переведена в обычную форму, сохранены только изменяющие тембр искажения.

- Ты уверен, что мы не ходим по кругу? Часов десять уже. - Грубый голос Раги Борона вырвал Эдуарда из расслабленного, мечтательного состояния.

- Уверен. Я ориентируюсь по параллельным цепочкам глыб.

- Да мне наплевать на твои параллельные цепочки! Ориентируйся как хочешь, только выведи нас отсюда.

Эдуард задумался. Параллельные цепочки глыб разделяли неглубокие долины. Других ориентиров не было. Одинаковые цепочки глыб состояли из трех звеньев: первая глыба лежала горизонтально, вторая - наклонена под углом тридцать или шестьдесят градусов, а третья - перевернута вверх ногами. Реки появлялись и исчезали под землей. Не ориентироваться же по ненормальным, непонятным солнцам!

- Ну и что замолчал? Давай шевели извилинами!

«Странно. Даю пять лет жизни, но эту реку мы уже переходили. Я хорошо запомнил сросшиеся друг с другом мелкие кристаллы на упавшей скале и круглый остров песка на переправе».

- Может, и по кругу, - с неохотой признался Эдуард и быстро продолжил: - В этом случае надо ставить базовый лагерь и создавать систему меток по окрестностям. Способ очень долгий, но зато надежный.

- Хорошо. Будем ставить метки. Завтра и начнем. А сразу нельзя было предложить? Столько времени потеряли.

Солнца стали гаснуть. Именно гаснуть, а не закатываться за горизонт. Центральный многоугольник исчез сразу, но кольца засияли еще ярче. Затем на небе появились копьеобразные искорки, а световые столбы поменяли цвет. Кольца соединились во фрактал. Светила стали дробиться, расплываться и смешиваться. И как заключительный аккорд - однородное фиолетовое мерцание распространилось по всему небу. Наступила ночь.

Страх, подспудный, постоянный, подавленный страх потерять счастье, сказку - рай осуществился. Осуществился! Синее глубокое небо содрогнулось, покрылось трещинами и распалось. Из далекого мира вылезла, вынырнула зеленая, насыщенная водой листовенная пелена. Огромные солнца исчезли за деревьями. Чистые реки замутились и поросли тростником. Камни рассыпались и превратились в землю: грязную, скользкую, кишашую насекомыми. Стерильный, чистый воздух пустыни наполнился удушливыми запахами, перенасытился влагой и отяжелел, уплотнился. Влажный сумеречный холод сменил жаркие светоносные просторы. Устремившиеся вверх деревья проткнули, изрезали, сжали пространство. Вечная тишина пустыни сменилась осторожными, несущими смерть звуками.

Сильнейшая судорога прошла по телу спящего Эдуарда. Руки сдавили случайный камень. Вены вздулись, мышцы напряглись, костяшки пальцев побелели - и камень сломался. Но этого мало, мало. Руки бешено забегали по скале в поиске новой жертвы. Жертвы, которую можно сломать, смять, разорвать, раздробить, растоптать, уничтожить. И ничто уже не могло остановить порожденную отчаянием силу: ни долг, ни брошенная в лесу семья, ни любовь к отцу, ничего. Сделать все что угодно, лишь бы остаться в раю.

«Бросить двух маленьких детей, двух лапочек, ради солнечной пустыни! Неужели я способен на такое, неужели я не смогу победить себя? Нет, не смогу. Я чувствую, знаю, понимаю, что не смогу. Страх перед самим собой. Подумать только: бояться, ненавидеть, презирать себя! И главное - склониться, проиграть. До сих пор не верится. Я сволочь, предатель, трус! Невероятный, невозможный позор для родины, клана, а главное - Учителя! Остальным-то что - выходцы из

незнатных, бедных семейств, никогда не знавших чести. Но я, я другой? Теперь уже нет... Все было давно готово, но Эдуард тянул время. Вдруг что-нибудь случится. Нет, не случится. Великое событие уже произошло. Хорошо, что экспедицию возглавил скотина Раги Борон, а не Учитель. Так легче, намного легче поставить крест на... не могу этого произнести, слишком больно!»

- Не знаю, как ты, а я уже скучаю по лесу.

Погруженный в мрачные раздумья Эдуард вздрогнул от голоса Раги Борона. «Поперло старого козла на лирику».

- Скучаете по лесу! - поразился Эдуард. - По холодному, опасному, вонючему, постоянно шумящему, полутемному, мокрому лесу!

- Ты еще очень молод и глуп, чтобы понять. Рыбы не летают в небе, орлы не плавают в море, летучие мыши не видят света. Человек должен жить там, где родился, и выполнять свое предназначение.

«Нет, надо решаться. Что это я в самом деле?»

- Мы не будем искать выход, - с облегчением выговорил Эдуард роковые слова.

- Что?!

- Мы не вернемся домой. Сами живите в мокрой морозилке.

- Ты что, перегрелся в своей пустыне? Как ты смеешь таким тоном разговаривать со старейшиной? Да за такое...

- За такое вы ничего мне не сделаете. В этом мире вы никто. - Эдуард в упор посмотрел на Раги Борона. «Ну давай, испепеляй меня взглядом!»

- На колени, - приказал Раги Борон. - На колени, я сказал! Быстро!

Упорное угрюмое молчание. Борон бросил грозный взгляд на собравшихся вокруг молодых воинов, но никто не потупил взор. Он сделал решительный шаг по направлению к Эдуарду и заколебался.

- Ну и будьте вы прокляты! - после долгого молчания сказал Борон. - Неужели вы думаете, что это настоящий лес? Ха-ха-ха! Помните: мы заблудились в огромной странной пещере, заполненной иллюзиями. Чудес в мире не бывает. Не бы-ва-ет.

- Вам лучше уйти, и побыстрее, - сказал сразу помрачневший Эдуард.

- А то я могу припомнить все прошлые издевательства. Убирайтесь!

«Сволочь Борон - накаркал! Чтоб он сдох! А впрочем, он и так в одиночку не дойдет до леса. Только мне от этого не легче. Издевательство, настоящее издевательство судьбы! Половина отряда уже ушла, остальные колеблются. Не знаю, что делать: обидно до слез». Странные дикие звуки четвертые сутки захлестывали молчаливую пустыню. Фоном для них служил постоянный расплывчатый шум. Даже обычно успокаивающий звук накатывающихся волн раздражал периодическими изменениями громкости. Топот гигантских ног и громоподобный рев неизвестного

животного заставляли вздрагивать и крепче сжимать оружие. Короткие одиночные звуки напоминали удары хлыста. Серии щелчков заполняли паузы. С верхушек скал доносилось мелодичное, нежное пение невидимых птиц. Медленно нарастающий, а затем мгновенно обрывающийся гул. Режущий, пронзительный вой на грани слышимости. Другой вид гула, то ослабевающий, то усиливающийся. Глубокое клокотание (гыр-гыр-гыр) временами заглушало остальные звуки. Внезапное громкое урчание и бульканье. Неожиданные поющие звуки как будто из-под земли.

Проходили часы, но никто в пустыне не появлялся. Звуки приближались и удалялись, появлялись и исчезали, но ничего больше не происходило.

- Ну и пусть щелкает и ревет, - переорал какофонию Эдуард. - Главное, чтобы на нас не нападало.

Концерт не по заявкам продолжался, но репертуар постепенно менялся. И уши заткнуть было нельзя: на местности с ограниченной видимостью нельзя полагаться только на зрение. «Или наплевать на все предосторожности? Нет, рискованно... Звуки стали тише или я уже глухну? А впрочем, какая разница? Главное - голова перестала трещать. Может, удастся сегодня выспаться...»

«Тишина. Полная тишина. Неужели сон? А где большая часть отряда? Значит, все-таки не сон. А звуки: почему они стихли? Нет, надо выяснить раз и навсегда: пустыня это или пещера? Могли мы случайно попасть в параллельный мир? Могли. Могли ли мы заблудиться в огромной пещере? Да».

Четверо оставшихся с Эдуардом членов отряда с блаженным видом наслаждались тишиной и загорали на солнце.

- Пошли ставить метки. Один я не справлюсь.

- Зачем?!

- Как зачем! Надо же выяснить: в пещере мы или в пустыне?

- А нам и так хорошо. Звуки исчезли - чего тебе еще надо? Радуйся жизни, пока можешь, и не забивай себе голову всякой ерундой.

«Ладно, придется искать другой способ. Откуда в пещерах свет? Светящиеся кристаллы или скопления бактерий? Изменяющие яркость, форму и цвет? Маловероятно. А если пустыня, то почему солнца не меняют своего положения на небе? Изменение формы еще можно списать на атмосферное преломление. А звуки: откуда они взялись и почему исчезли?»

Среди симметричных многогранников двенадцатого порядка изредка встречались привычные цветы, пленки, пузыри, натеки, спирали, кораллы и лапы. По берегам попадались тонкие пластины, кружевные оторочки и «живые» плотины. В углублениях между камнями застревали зеленые шары. Трещины были наполовину заполнены

тонкой белой пылью, в воде превращающейся в сметаноподобную массу. Маленькие образования нарастали на крупные. Зеленые образования, что это - растения или кристаллы? Форма не играет роли: в природе встречаются и геометрически правильные деревья, и ветвистые кристаллы. Образования на ощупь твердые, но теплые. Железные деревья или живые камни? Запах Эорлового дерева, аромат Ранда и чудо, которое ждешь целый год ради нескольких минут счастья, - Нефетентус. Типичные запахи леса. Но с другой стороны, некоторые кристаллы испускают странные ароматы. Пленочные, пятнообразные, каскадные, бахромные, занавесные, ручеевидные, нитевидные выделения образований были съедобны для человека. И не просто съедобны! Какой вкус! Горькая, обжигающая, вяжущая пища во рту быстро превращается в кислую, острую, резкую. Никакого сравнения со сладкой или соленой пищей лесов!

Подозрительно много здесь рек и ручьев, появляющихся и пропадающих под землей. Для пустыни, конечно. Реки с грохотом прорывались через завальные плотины. Вокруг донных неровностей с громким хлопанием исчезали каверны. Попадались и одиночные озера с береговой оторочкой. Но в пещерах обычно много насекомых и грязи. А здесь их нет вообще. Сухой, жаркий, совсем не похожий на пещеры климат. Чистый, легкий, а не тяжелый, насыщенный газами воздух.

А вот поверхность здесь явно пещерная. Параллельные цепочки правильных блоков весом в сотни тонн и разделяющие их долины были покрыты плащом из щебенки, древесины, небольших глыб и поваленных холодных образований (на которые уже выросли новые). Вдоль рек встречались щебенка и мелкозем. На красновато-бурой поверхности резко выделялись белые «звезды».

Симметричные многогранники двенадцатого порядка, параллельные гряды, одинаковые цепочки правильных глыб - может, это искусственный мир? А где тогда его создатели? А если искусственный мир, то какой вывод? Никакого. Великая цивилизация с равным успехом могла создать и пустыню, и пещеру.

«Как меня замучила неопределенность! Надежды уже перегорели, отмерли в груди. Ну пусть будет пещера, только бы не испытывать новых разочарований!»

На выросшего среди буйства ярких, резких красок Эдуарда расцветка нового мира произвела успокаивающее действие. Причудливые контуры оживляли унылую поверхность. Чаще всего попадались сине-зеленые, серо-желтые и лимонно-желтые. Иногда - желто-коричневые и палевые. Реже - желтые, синие и янтарные. В некоторых районах - молочные, фиолетовые и голубовато-белые.

Свечение скал по яркости и красоте соперничало с небом. Камни изнутри наливались прохладным цветным огнем, а затем медленно

угасали. Пульсирующие мягкие цвета сменяли друг друга. Бледно-зеленый, оранжево-красный, желто-зеленый, голубовато-зеленый, бледно-голубой, фиолетово-синий.

С утра пошел дождь. Услышав волны ритмичных звуков, Эдуард испугался: неужели опять какофония? Но нет, звуки тихие, красивые, а не оглушающие, резкие. Блестящие осколки разбивающихся капель холодными иглами жалят тело. Воздух наполнился водяной пылью. Капли выбивали в твердых камнях эгугационные*⁶ ямки, а если по голове прилетит? Хорошо, что есть, где укрыться. Дождь шел отдельными потоками, которые распадались, сливались, меняли форму и хаотично перемещались по поверхности. Капли казались то темными, то светлыми. Потоки капель то усиливались, то ослабевали. Типичная верхняя капель. Значит, все-таки пещера, как я и предчувствовал. А так хотелось ошибиться! Не получилось...

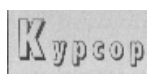
«Кажется, мне кажется. Я очень хочу чуда, вот мне и мерещится. Обман, опять обман природы. Хотя нет, подожди, подожди... Неужели правда, неужели... ветер? Да, ветер! Не верю, боюсь поверить, боюсь ошибиться: слишком больно, слишком невыносимо разочарование...» Осознание победы, счастья придет позже, а сейчас Эдуард настороженно, внимательно, боязливо ощущал, впитывал ветер, ожидая новой пакости от судьбы. Настоящий ветер настоящей пустыни. Ветер, которого не может быть в пещере, со свистом и гулом проносился над безграничной пересеченной равниной.

Отрывки из отчета сто сорок шестой спелеологической экспедиции на планету Новая Земля.

«...Состоящая из пещерных систем разных типов густая, сложная сеть формировалась четыре миллиарда лет в восемнадцать этапов. Имеет смешанное происхождение. Усложнена искусственными пустотами трех подклассов и шести типов. Крупнейшая пещера лабиринта: Пьер-Сен-Муруроа. Представляет собой зал с выпуклым сводом, размером пятьдесят на пятьдесят и на двадцать километров. В потолке темно-синего цвета обнаружены хрусталевидные окна, аккумулирующие через розово-красные пятисотметровые ходы отраженные лучи солнца. Основание пещеры - равнина с концентрическими кругами гигантских блоков. Обнаружены погибшие колонии «живых камней» в форме деревьев. Вероятная причина гибели - иссушение пещеры вследствие глобального потепления. Также обнаружены скелеты людей возрастом сто пятьдесят тысяч лет. Причина гибели - затопление пещеры ежегодным весенним половодьем. По движению

⁶ * *Разрушение камней за счет кинетической энергии капель (характерно в основном для пещер). (Здесь и далее прим. авт.)*

воздуха много-входовый, сложносоставной лабиринт имеет смешанный, динамично⁷-статичный^{**8} тип. «Пещерное дыхание» в Пьер-Сен-Муруроа и окрестных пещерах имеет очень сложный характер. Через верхние ходы лабиринта в систему подземных лабиринтов проникает холодный воздух, а через нижние - теплый. Их взаимодействие порождает сезонную тягу. Ситуация осложняется различными второстепенными причинами: колебаниями атмосферного давления, эффектом разрежения, связанным с водными потоками, порывами ветра на поверхности, блокирующими сифонами, водопадами, большим количеством длинных, узких, извилистых ходов и гигантских «холодных и теплых мешков»^{***9}. Ветровые эффекты до конца не изучены, но в узких ходах скорость движения воздуха достигает сорока метров в секунду. Уникальная акустика подземного лабиринта концентрирует звуки со всех концов планеты в соседних пещерах. При осушении блокирующих сифонов они проникают в Сен-Пьер-Муруроа. Гипотеза о частично искусственном происхождении Сен-Пьер-Муруроа пока не подтверждается. Почти все факты (симметричные кристаллы двенадцатого порядка, концентрические круги глыб и др.) получили природное объяснение».

Курсор

«Башня» - именно так называется суперсовременный гигантский не, оборудованный по последнему слову техники, снабженный всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами, позволяющими человеку жить, ни о чем не заботясь и даже не выходя за его пределы. В результате неведомого катаклизма несколько человек оказываются отрезанными от внешнего мира на двух этажах «Башни», недавно выстроенной в центре города. Попавшие в плен люди не могут ни спуститься самостоятельно, ни позвать на помощь, они не понимают, что именно случилось - теракт, землетрясение, сбой в работе

⁷ * Пещерные системы с большим перепадом высот между входами, характеризующиеся активным ветровым режимом.

⁸ ** Гигантские пещеры, слабо связанные с поверхностью, характеризующиеся полным отсутствием движения воздуха.

⁹ *** Большие залы, где очень редкий ветер может возникать только вследствие сложения второстепенных факторов. Типичные примеры - Сен-Пьер-Муруроа и известные древним людям подземные миры.

оборудования самой «Башни» или нечто еще более опасное. Такова завязка мистико-фантастического триллера, который и будет называться - «Башня». Над сценарием сериала работают известные писатели Александр Бачило и Игорь Ткаченко. В первом сезоне будет 16 серий по 52 минуты каждая, пишется и сценарий второго сезона.

Определили своих лауреатов два авторитетных НФ-журнала - «Analog» и «Asimov's». Читательская премия The Analog Award досталась повести «Где спят все ветра» Майкла Флинна, короткой повести «Цепь» Стивена Бёрнса и рассказу «Вселенная под нашими ногами» (в «Если» - «Вселенная по ту сторону льда») Карла Фредерика. Asimov's Readers' Award читатели присудили повести «Сломанная музыка ветра» Кристин Кэтрин Раш, короткой повести «Кровожадное насекомое» Теда Косматки и Майкла Пура (будет опубликована в ближайших номерах «Если»), рассказу со странным названием «Bridesicle» Уилла Макинтоша.

«Русское измерение» - такое название получила антология современной русской фантастики на французском языке, составленная Викторией и Патрисом Ляжуа. В сборник, напечатанный во Франции по системе принт-он-деманд (тираж определяется количеством желающих приобрести книгу), вошли рассказы и повести Павла Амнуэля, Генри Лайона Олди, Марины и Сергея Дяченко, Андрея Лазарчука и Михаила Успенского, Андрея Саломатова, Сергея Палия, Юлия Буркина. Предисловие написал Владимир Покровский, а рисунок на обложке нарисовал Владимир Бондарь.

Премия «Небьюла», одна из авторитетнейших в мире НФ, вручалась 14 мая во время торжественной церемонии, проходившей на мысе Канаверал. Лучшим романом назван «Заключительная девушка» Паоло Бачигалупи, повестью - «Женщины Нелла Гвинна» недавно скончавшейся Кейдж Бейкер, короткой повестью - «Грешник, пекарь, обманщик, священник, Красная Маска, Черная Маска, джентльмен, чудовище» Оджи Фостер, рассказом - «Штанга» Киджи Джонсон.

Также вручались специальные призы. Ray Bradbury Award за лучший фильм получили создатели «Района № 9», Andre Norton Award за лучшую детскую фантастику - иллюстрированная повесть Катерины Валенти «Девочка, которая плавала вокруг Волшебной страны на корабле собственного изготовления». Джо Холдемэн был объявлен Гранд-мастером.

Экранизация криптоисторического романа Б.Акунина «Шпионский роман» (из проекта «Жанры») обещает приобрести весьма фантастический, комиксный характер. Москва начала 1941 года в

интерпретации молодого режиссера Алексея Андрианова превратится в некое подобие Готэм-сити - над городом воспарят дирижабли, на улицах разместят огромные стереоскопические экраны, Дворец Советов на месте храма Христа Спасителя будет достроен. А в Берлине на месте Рейхстага поднимется готический замок. Прибывший с гнусными целями в Москву немецкий супершпион Вассер будет уметь летать. Роли противостоящих шпиону юного чекиста Егора Дорина (потомка Фандорина) и майора Октябрьского исполнят Данила Козловский и Федор Бондарчук.

«Интерпресскон» прошел с 6 по 9 мая под Санкт-Петербургом. Лауреатами премий конвента стали: Михаил Успенский за роман «Райская машина», Вячеслав Рыбаков за повесть «Стажеры как предчувствие», Евгений Лукин за рассказ «Чичероне». Премия «Бронзовая Улитка» Б.Н.Стругацкого досталась Яне Дубинянской за роман «Глобальное потепление», Михаилу Назаренко за повесть «Остров Цейлон», Марине и Сергею Дяченко за рассказ «Император».

В Канаде также определяли лучшие фантастические произведения 2009 года. Премии с романтическим названием Prix Aurora вручались 23 мая во время конвента «Кейкон», проходившего в Виннипеге. Как обычно, победители определялись в номинациях, разделенных по языкам. Лучшим романом на английском языке стал «След» Роберта Сойера, на французском - «Первенство» Лорин Макаллистер. Лучшим рассказом на английском признали «Пешки, мечтающие о розах» Эйлин Белл, на французском - «Белое золото» Алена Бержерона.

«Запрещенная реальность» - экранизация романа Василия Головачева «Смерш-2», провалившаяся в российском прокате, не осталась без международных призов. Фильм, вышедший в международный прокат под названием «Перехватчик» (Interceptor) удостоился внимания Всемирной академии каскадеров. 15 мая в Лос-Анджелесе состоялось вручение главных каскадерских премий Taurus World Stunt Award. Российский фильм завоевал награду в номинации «Лучший зарубежный экшен-фильм», обойдя в шорт-листе две шведские и две немецкие картины.

Комиссия по фантастической и сказочной литературе при Московской городской организации Союза писателей России - так будет называться недавно утвержденная структура. Одной из ее главных целей станет возрождение семинаров для молодых фантастов по образу и подобию малеевских, где начинающие писатели смогут бесплатно постигать азы мастерства. Семинары будут проходить как отдельно, например в Переделкине, так и в рамках крупных конвентов.

Председателем комиссии выбран прозаик и журналист Андрей Щербак-Жуков, в комиссию вошли Сергей Лукьяненко, Кирилл Бенедиктов, Владимир Васильев, Александр Громов, Андрей Синицын, Дмитрий Байкалов и др. Первые семинары планируются уже в конце года.

Старейший отечественный фестиваль фантастики «Аэлита» прошел в Екатеринбурге с 19 по 22 мая уже в 27-й раз. Лауреатом главной премии «Аэлита» по итогам голосования Всероссийского жюри стал Андрей Лазарчук, премии имени И.Ефремова - Николай Романецкий, Мемориальной премии им. В.Бугрова - Александр Сидорович. Премии «Старт» за дебютную книгу удостоен молодой автор из Владивостока Илья Тё.

Агентство F-пресс

In memoriam

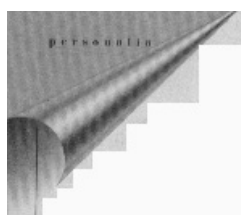
10 мая в госпитале городка Бока-Гранде (штат Флорида) в возрасте 82 лет скончался Фрэнк Фразетта, по праву считавшийся самым великим фэнтезийным художником XX века. Фразетта родился 9 февраля 1928 года в Бруклине. После окончания школы искусств он уже в 16 лет начал карьеру художника в журналах и книжках комиксов. В 1960-х годах Фразетта переключился на книжные проекты. Его иллюстрации к книгам Роберта Говарда о Конане-варваре и романам Эдгара Райса Берроуза считаются каноническими. В 1963 году он впервые номинировался на премию «Хьюго», которую получил уже в 1966-м. Стилистика его картин создала целую традицию в фантастической живописи, многие современные художники считаются учениками Фрэнка Фразетты. В 2009 году картина «Конан-завоеватель» была продана на аукционе за миллион долларов. На основе творчества художника сделан популярный мультфильм «Лед и пламя».

28 мая в Москве умерла знаменитая переводчица, большой друг журнала «Если», Ирина Гавриловна Гурова. Гурова (урожденная Гордон) родилась 3 декабря 1924 года в Москве. Закончила романо-германское отделение филологического факультета МГУ, после чего долгое время преподавала в школе английский язык. В конце 1950-х годов стала профессиональной переводчицей. Ее перу принадлежат переводы таких авторов, как Джон Апдайк, Эдгар По, Уильям Фолкнер, Шарлотта Бронте, Роберт Стивенсон, Агата Кристи, Марк Твен, Уильям Голдинг, Конан Дойль, Сомерсет Моэм, Пелем Вудхауз и многих других.

Но особую любовь Ирина Гавриловна испытывала к фантастике. Она переводила Клиффорда Саймака («Заповедник гоблинов»), Урсулу Ле

Гуин, Роберта Шекли, Айзека Азимова, Стивена Кинга, Пола Андерсона, Фрица Лейбера и др. Читатели «Если» хорошо помнят ее переводы Раджнара Ваджры, Пат Кадиган, Альберта Коудри, Фергюса Гвинплейна Макинтайра, Брайана Олдисса, Роберта Рида, Чарлза Шеффилда, Роберта Шекли и многих других писателей. В 2001 году за перевод романа Стивена Кинга «Сердца в Атлантиде» Гурова получила премию «Странник», в апреле 2010-го - приз «Большой Роскон» за вклад в фантастику.

Редакция

Personalia

ГВОЗДЕЙ Валерий Николаевич

Родился в 1957 году в Германии. До 1982-го жил в Сибири. Окончил филологический факультет Омского университета, учился в аспирантуре Новосибирского и Харьковского университетов. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по русской литературе. Работал в научном издательстве и более двадцати лет преподавал в Астраханском университете. Ныне заведующий информационным центром Иоанно-Предтеченского мужского монастыря города Астрахани.

Валерий Гвоздей - автор двух монографий о творчестве А.П.Чехова и трех поэтических книг. Первой НФ-публикацией стал рассказ «Соседняя комната», напечатанный год назад в журнале «Если» в июньском номере.

ЗАРУБИН Алексей Денисович

Родился в 1960 году в Уфе, школу закончил в Могадшо, в то время как его родители помогали сомалийцам строить портовые сооружения. С 1982-го живет в Санкт-Петербурге. По образованию геолог, кандидат наук. Первая публикация автора - научно-популярная книжка для детей «Рассказы о земных недрах» (1985). В конце 1980-х годов Зарубин

опубликовал несколько историко-приключенческих повестей и рассказов, в том числе повесть «Потомки викингов», переведенную на польский и немецкий языки. Около десяти лет фактически не писал, все силы и время забирала научная деятельность и работа по специальности.

К прозе вернулся в 1997 году, но не в приключенческую литературу, а в фантастику. Дебютом стал рассказ «Исцеление», напечатанный в «Если» в 1997-м. Следующий рассказ автора - «Тигренок на привязи», опубликованный в том же году, получил Приз читательских симпатий «Сигма-Ф» и вышел в финал литературной премии «Странник».

Алексей Зарубин часто бывает в зарубежных командировках и геологических экспедициях, поэтому пишет редко. В последние годы занимался изучением действующих вулканов и проблемой их долговременного влияния на тектонические процессы в ряде регионов. Он принимал участие в экспедиции на знаменитый ныне исландский вулкан Эйяфьятлайокудль незадолго до его извержения.

Повесть «Маяк на Сариссе» входит в цикл «Песни забытых миров», опубликованный в «Если»: «Все, что есть под рукой» (1998); «Красота исполненного долга» (2002); «Круги на песке» (2005).

КАССУТ Майкл (CASSUTT, Michael)

Американский телевизионный продюсер, сценарист, писатель и историк космонавтики Майкл Джозеф Кассут родился в 1954 году в Оватонне (штат Миннесота), детство провел в штате Висконсин и закончил Университет штата Аризоны в Туссоне с дипломом журналиста радио и телевидения. До занятия литературой он работал диск-жокеем, директором радиопрограмм и ответственным чиновником в телекомпании CBS, где написал и несколько сценариев для телесериалов (в том числе фантастических, в частности «Сумеречная зона» и «Внешние пределы»). В фантастике Кассут дебютировал в 1974 году рассказом «Вторая смерть». С тех пор опубликовал еще 25 рассказов и повестей, пять романов и три книги non-fiction по истории космических исследований, причем самым востребованным стал энциклопедический справочник «Кто есть кто в исследовании космоса» (1993). Рассказ «Необычные измерения» (1992) и повесть «Еще приключения на других планетах» (2001) были номинированы на премию «Небьюла».

Последние десятилетия Майкл Кассут живет в Лос-Анджелесе, где преподает в Школе киноискусства при Университете Южной Калифорнии.

ПРОНИН Игорь Евгеньевич

Прозаик и журналист Игорь Пронин родился в 1968 году в Москве. Служил в рядах Советской армии, учился в ВЗФЭИ на экономиста, работал в банковской системе Москвы.

Дебют - повесть «Мао» (2002) - тут же обратил на себя внимание как критиков, так и читателей и вывел писателя в число лидеров интеллектуальной НФ «Новой волны». С этого момента И.Пронин профессионально занимается литературной и журналистской деятельностью. Его рассказы и повести публикуются в периодике, включены в антологии и сборники. Перу Игоря Пронина принадлежат книги «Свидетели Крысолова» (2004), «Паутина зла» (2004), «Нашествие» (2005), «Звездные викинги» (2006), «Дезертир» (2007, под псевдонимом Алексей Степанов), диалоги «Отраженные» (2007) и «Истинная руна» (2008), а также романы-новеллизации. Часть произведений написана под псевдонимами Алексей Степанов и Норман Сеймон. В наградном фонде Игоря Пронина - «АБС-премия», «Странник», «Иван Калита», «Чаша Бастиона» и «Меч Бастиона».

ПАРДОМ Том (PURDOM, Тот)

Американский писатель Томас Эдуард Пардом родился в 1936 году. После окончания колледжа Лафайетт в Истоне (штат Пенсильвания) и службы в армии он сменил несколько профессий: перед тем как стать писателем-фантастом, служил агентом по бронированию авиабилетов, вел музыкальную колонку в различных газетах, писал научно-популярные статьи и книги, преподавал литературу (в том числе научную фантастику) в ряде университетов.

Первым научно-фантастическим произведением Пардома стал рассказ «Горевать из-за человека» (1957). На сегодняшний день на счету писателя около полусотни рассказов и повестей (рассказ и повесть номинировались на премию «Хьюго») и пять романов - «Желание звезд» (1964), «Три лорда Иметена» (1966), «Пятеро против Арлана» (1967), «Сокращение вооружений» (1971) и «Бароны поведения» (1972). В основном Том Пардом пишет приключенческую НФ, герои которой - земные колонисты на далеких планетах. Несколько в стороне от других стоит роман «Бароны поведения»: здесь действие происходит на Земле, где установлен тоталитарный строй, активно использующий для достижения лояльности населения технику политического и социального «промывания мозгов». Кроме того, Пардом составил антологию «Приключения открытий» (1969).

В 1970-1972 годах Пардом был вице-президентом Ассоциации американских писателей-фантастов. В настоящее время проживает в Филадельфии.

ХЕМРИ Джон (HENRY, John G.)

Американский отставной морской офицер и писатель Джон Хемри родился в 1960 году в семье военных. После окончания школы Хемри поступил в Академию ВМФ США в Аннаполисе (где, в частности, изучал русский язык), служил на флоте, а после выхода в отставку начал писать.

В научной фантастике он дебютировал рассказом «Одна короткая прогулка» (1997). За последующие годы отставной военный моряк опубликовал три серии романов - «Война Старка», «Пол Синклер» и «Потерянный флот» (под псевдонимом Джек Кэмпбелл) - и полтора десятка рассказов. В настоящее время Хемри с женой и тремя детьми проживает в штате Мэриленд.

Повесть Джона Хемри «Леди-Будьте-Добры», опубликованная в «Если», была названа читателями журнала лучшим зарубежным произведением 2006 года.

ШУШПАНОВ Аркадий Николаевич

Родился в 1976 году в г. Иваново. Окончил филологический факультет Ивановского государственного университета. Кандидат филологических наук. Тема диссертации - «Александр Богданов и русский утопический роман 1920-х годов». Несколько лет проработал сценаристом на одном из местных телеканалов. В настоящее время занимается рекламой. Живет в Иваново.

В фантастике дебютировал в 1997 году рассказом «Превращение», опубликованным московским журналом «Пульс». В 1999-м Аркадий Шушпанов стал победителем конкурса «Альтернативная реальность», и его рассказ «Пролог» был напечатан в «Если». С тех пор автор опубликовал ряд рассказов в жанровой периодике и местных изданиях. В 2004 году вышел дебютный авторский сборник «Тот, в котором я». Написанный на основе заглавного рассказа роман «Дендрарий» стал одним из текстов - участников мастер-класса Ника Перумова на «Евроконе-2008».

Читателям журнала А.Шушпанов хорошо известен как вдумчивый и эрудированный кинокритик: его статьи и рецензии регулярно появляются и на страницах «Если».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Цена действительна только на номера 2010 года.

Номера будут высылаются подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)	Форма № ПД-4
	ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
Кассир	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор.сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	
Квитанция Кассир	 ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)	
	ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор.сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____
(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____
(наименование банка получателя платежа)

044525225 к/с30101810900000000767

БИК _____ № _____
(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

_____ (наименование платежа)
540 00
Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

_____ (наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____
(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____
(наименование банка получателя платежа)

044525225 к/с30101810900000000767

БИК _____ № _____
(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

_____ (наименование платежа)
540 00
Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ВНИМАНИЕ

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.
Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: phone@uuu.ru**

<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
---	--

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)
№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)
№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

Марины и Сергея ДЯЧЕНКО

«ЭЛЕКТРИК»

Мэтью ХЬЮЗА

«ПОЛНЫЙ АБЗАЦ»

РАССКАЗЫ

Марии ГАЛИНОЙ,

Дмитрия ВОЛОДИХИНА,

Далии ТРУСКИНОВСКОЙ,

Фреда ЧАППЕЛА, Анны КИТАЕВОЙ

ОЧЕРК

Вл. Гакова к юбилею Рэя Брэдбери

ЧИТАЙТЕ АВГУСТОВСКИЙ ВЫПУСК

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России»
и «Росвечать» (газеты, журналы).

Индекс – 73118.

Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей, включая
почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

Марины и Сергея ДЯЧЕНКО

«ЭЛЕКТРИК»

Мэтью ХЬЮЗА

«ПОЛНЫЙ АБЗАЦ»

РАССКАЗЫ

Марии ГАЛИНОЙ,

Дмитрия ВОЛОДИХИНА,

Далии ТРУСКИНОВСКОЙ,

Фреда ЧАППЕЛА, Анны КИТАЕВОЙ

ОЧЕРК

Вл. Гакова к юбилею Рэя Брэдбери

ЧИТАЙТЕ АВГУСТОВСКИЙ ВЫПУСК

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и

